

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Л
И
С
А

С
И

снежный
цветок

и заветный
веер

Annotation

«Снежный Цветок и заветный веер» — невероятно интересный роман, рассказывающий о давно изменившейся стране, об ушедших людях и исчезнувшей культуре. Только гениальный писатель способен на то, что удалось Лисе Си, — вызвать к жизни не только своего героя, но и целый культурный слой, возродить отношения и чувства, часто нам непонятные. Столь же завораживающий и эмоциональный, как «Мемуары гейши», роман рассказывает о самой большой загадке всех времен — женской дружбе. Книга произвела невероятный фурор в издательском мире, и еще до первой публикации права на нее были проданы в 18 стран мира.

- [Лиса Си](#)
 -
 - [Время спокойного сидения](#)
 - [Дочерние годы](#)
 - [Молочные годы](#)
 - [Бинтование ног](#)
 - [Веер](#)
 - [Снежный Цветок](#)
 - [Любовь](#)
 - [Обучение](#)
 - [Годы закалывания волос](#)
 - [Ловля Прохладного Ветерка](#)
 - [Прекрасная Луна](#)
 - [Цветочный паланкин](#)
 - [Правда](#)
 - [Храм богини Гупо](#)
 - [Годы риса-и-соли](#)
 - [Сыновья](#)
 - [Радость и горе](#)
 - [В горах](#)
 - [Зима](#)

- [Песнь Оскорбления](#)
 - [Путь в облака](#)
 - [Время спокойного сидения](#)
 - [Сожаление](#)
 - [Заметки автора и благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Лиса Си

Снежный цветок и заветный веер

В этом романе я следовала традиционному китайскому стилю установления дат. Третий год правления императора Даогуана^[1] — 1823 — является годом рождения Лилии. Восстание тайпинов началось в 1851 году и закончилось в 1864-м^[2].

Считается, что *нушу* — тайнопись, которую использовали женщины в отдаленном районе юго-восточной провинции Хунань, — появилась тысячу лет назад.

Возможно, это единственный язык в мире, который был создан женщинами исключительно для себя.

Время спокойного сидения

Я — женщина, о которой в нашей деревне говорят: «та, что еще не умерла», — вдова восьмидесяти лет. Без мужа мои годы тянутся долго. Меня больше не привлекают особые блюда, которые Пион и другие молодые женщины в нашем доме готовят для меня. Я больше не предвкушаю радостных событий, которые так часто происходят под этой крышей. Теперь меня интересует только прошлое. Много лет спустя я наконец-то могу рассказать о том, о чем не смела говорить раньше, когда зависела от своих родных, воспитавших меня, или от родных моего мужа, кормивших меня. Мне можно говорить обо всей моей жизни; мне нечего терять, и мой рассказ никого не обидит и не оскорбит.

Я достаточно стара, чтобы знать свои хорошие и плохие качества (иногда это одни и те же качества). Всю свою жизнь я тосковала по любви. Я знала, что это неправильно, если девушка или женщина ожидает любви, но я тосковала по пей, и это несправедливое желание было причиной всех трудностей, которые мне пришлось испытать. Я мечтала о том, чтобы моя мать обратила на меня внимание, чтобы она и все остальные члены моей семьи любили меня. Для того чтобы завоевать их любовь, я была послушной — идеальное качество для женщины — и изо всех сил старалась делать все, что они мне велели. Надеюсь, что они будут хотя бы добрее ко мне, я старалась осуществить все их ожидания относительно меня — добиться самых маленьких перебинтованных ног в нашем уезде^[3], — поэтому я позволила костям своих ног сломаться и приобрести более совершенную форму.

Когда я чувствовала, что больше не выдержу ни минуты этой боли, а на мои окровавленные бинты капали слезы, моя мать тихонько подбадривала меня, нашептывая мне на ухо, чтобы я потерпела еще час, еще один день, еще одну неделю, и напоминала мне о награде, которую я получу, если потерплю подольше. Так она научила меня переносить боль — не только физическую боль во время бинтования ног или при родах, но и более мучительную душевную и сердечную боль. Она также указывала мне на мои недостатки и учила меня, как использовать их с выгодой для себя. В нашем уезде мы называем такой

тип материнской любви *тэн ай*. Мой сын рассказал мне, что в мужском письме это пишется двумя иероглифами. Первый означает *боль*, второй — *любовь*. Это и есть материнская любовь.

Бинтование изменило не только форму моих ступней, но и мой характер, и мне кажется, что этот процесс каким-то странным образом продолжается всю мою жизнь. Он превратил меня из послушной девочки в решительную девушку, затем — из молодой женщины, беспрекословно выполнявшей требования родителей мужа, в самую влиятельную женщину в уезде, которая добивалась соблюдения строгих правил и обычаев деревенской жизни. К моим сорока годам та жесткость, с которой бинты сжимали мои «золотые лилии», проникла в мое сердце, и оно цеплялось за обиды и несправедливость так крепко, что я не могла больше прощать тех, кого любила и кто любил меня.

Мой протест выражался исключительно в виде *нушу*, тайного женского письма. Впервые это произошло, когда Снежный Цветок — моя *лаотун*, моя «половинка», моя соученица и наставница в *нушу* — прислала мне веер, который лежит сейчас на моем столе, и затем вновь, когда мы встретились с ней. Но отношения со Снежным Цветком не мешали моей решимости стать честной женой, достойной невесткой и добросовестной матерью. В тяжелые времена мое сердце было твердым, как нефрит. Я обладала способностью противостоять бедам и выносить горе. И вот я перед вами — вдова, которая спокойно сидит, как предписывает ей традиция. Теперь я понимаю, что слишком долго была слепа.

Если не считать трех ужасных месяцев пятого года правления императора Сяньфэна^[4], я провела всю свою жизнь в верхних женских комнатах. Да, я ездила в храм, посещала дом своих родителей, даже ездила в гости к Снежному Цветку, но я мало знаю о внешнем мире. Я слышала, как мужчины говорили о налогах, засухе и восстаниях, но все это было далеко от меня. Я вышивала, ткала, готовила, знала только родственников моего мужа, своих детей, внуков, правнуков и *нушу*. Мой жизненный путь был обычным для женщины: дочерние годы, годы закалывания волос, годы риса-и-соли, а теперь — годы спокойного сидения.

И вот я здесь, наедине со своими мыслями и этим веером, лежащим передо мною. Когда я беру его в руки, он кажется

удивительно легким, а ведь он содержит в себе записи о стольких радостных и печальных событиях. Я открываю его быстрым движением, и щелчок каждой раскрывающейся складки кажется мне стуком трепещущего сердца. Слезы воспоминаний застилают мне глаза. За последние сорок лет я перечитывала надписи на веере столько раз, что запомнила их, как детскую песенку.

Я вспоминаю тот день, когда мне вручили этот веер. Мои пальцы дрожат, когда я открываю его. Тогда верхний край веера украшала лишь простая гирлянда из листьев, а на первой складке было записано единственное послание. В то время я плохо знала *нушу*, поэтому моя тетья прочитала мне эти строчки: *«Я знаю, что в вашем доме есть девочка с хорошим характером и обученная домоводству. Ты и я родились в один год и в один день. Не можем ли мы стать двумя половинками?»* Я смотрю на изящные линии этих строчек, и вижу не только девочку какой Снежный Цветок была в то время, но и женщину, какой она стала, — стойкую, честную, открытую внешнему миру.

Мой взгляд скользит по складкам веера, и я вижу наш оптимизм, нашу радость, наше взаимное восхищение друг другом, наши обещания, данные друг другу. Я вижу, как эта простая гирлянда превратилась в искусный рисунок переплетенных снежных цветков и лилий, символизирующих две наши жизни, жизни двух *лаотун*, двух половинок. Я вижу изображение луны в верхнем правом углу, льющей на нас свет. Мы должны были стать двумя лозами с переплетенными корнями, похожими на деревья, которые уже тысячу лет растут рядом, двумя уточками-мандаринками, подружившимися на всю жизнь. На одной складке Снежный Цветок написала: *«Мы никогда не разорвем наш союз добровольно»*. Но на других складках веера я вижу непонимание, обманутое доверие и окончательно закрытую дверь. Для меня любовь была драгоценностью, которой я не могла поделиться с кем-то еще, и постепенно она оторвала меня от той, кто была моей половинкой.

Я все еще учусь любви. Я думала, что понимаю ее — не только материнскую любовь, но и любовь к родителям, к мужу, к *лаотун*. Я испытывала разные типы любви — любовь-жалость, любовь-уважение, любовь-благодарность. Но, глядя на наш заветный веер с записями, сделанными Снежным Цветком и мною в течение многих

лет, я понимаю, что не умела ценить самую важную любовь — глубокую сердечную любовь.

За последние годы я записала много историй из жизни женщин, которые никогда не учились *нушу*. Я выслушала все их горести и жалобы, несправедливости и трагедии. Я все выслушала и записала. Но если я хорошо знаю жизнь женщин, то я почти ничего не знаю о жизни мужчин, за исключением того, что крестьянину приходится сражаться со стихиями, солдату — с врагом, а одинокому человеку — с самим собой. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что она состоит из мужских и женских историй. Я — обычная женщина с обычными жалобами, но внутри себя я веду борьбу, похожую на мужскую битву, между своим природным естеством и тем человеком, каким мне следует быть.

Я пишу эти страницы для тех, кто находится в загробном мире. Пион, жена моего внука, пообещала мне сжечь эти записи после моей смерти на моей могиле, чтобы они могли достичь загробного мира раньше, чем туда попадет мой дух. Пусть мои слова объяснят мои поступки моим предкам, моему мужу, но прежде всего Снежному Цветку раньше, чем я встречу с ними снова.

Дочерние годы

Молочные годы

Меня зовут Лилия. Я появилась на свет в пятый день шестого месяца в третий год правления императора Даогуана. Моя родная деревня Пувэй находится в уезде Юнмин, уезде Вечной Ясности. Большинство людей, которые живут здесь, ведут свое происхождение от этнического племени Яо. От рассказчиков, которые приходили в Пувэй, когда я была девочкой, я узнала, что люди Яо впервые появились в этих местах двенадцать веков назад, когда убегали от монгольских армий, вторгшихся в страну с севера. Хотя люди в наших местах никогда не были богатыми, мы не были настолько бедны, чтобы нашим женщинам приходилось работать в поле.

Мы принадлежали к семейной ветви И одного из кланов племени Яо, и наша семья была самой обычной. Мой отец и дядя взяли в аренду семь му^[5] земли у одного богатого землевладельца, жившего далеко на западе провинции. Они выращивали рис, хлопок, таро^[6] и овощи. Мой родной дом был типичным: двухэтажная постройка, выходящая фасадом на юг. Комната наверху предназначалась для того, чтобы в ней днем собирались и работали женщины, а ночью спали незамужние девушки.

Комнаты для каждой семьи и отдельное помещение для животных находились внизу, по обеим сторонам от главной комнаты, где корзины, наполненные яйцами или апельсинами, и стручки сухого красного перца свисали с центральной балки. Их подвешивали туда, чтобы защитить от мышей, цыплят и свиней. У одной стены стояли стулья и стол. В углу у противоположной стены находился очаг, где Мама и Тетя готовили еду. В нашей главной комнате не было окон, поэтому в теплое время года мы держали двери открытыми — для доступа света и воздуха. Остальные комнаты в нашем доме были маленькими, полом служила утоптанная земля, и, как я уже сказала, наши животные жили в доме вместе с нами.

Я никогда не задумывалась о том, была ли я счастлива в детстве, и было ли это время веселым. Как обычная девочка, я жила в обычной семье, в обычной деревне. Я не знала, можно ли жить по иному, и не тревожилась об этом. Но я помню день, когда начала задумываться обо всем, что меня окружает. Мне только-только исполнилось пять лет, и у

меня было чувство, будто я переступила высокий порог. Я проснулась до рассвета, в голове у меня словно что-то тикало. Это ощущение заставило меня быть внимательной ко всему, что я видела и пережила в этот день.

Я лежала между Старшей Сестрой и Третьей Сестрой. Я бросила взгляд в противоположный угол комнаты, где была постель моей двоюродной сестры. Прекрасная Луна, которой было столько же лет, сколько и мне, еще спала, поэтому я тихо ждала, когда мои сестры начнут просыпаться. Я лежала лицом к Старшей Сестре, которая была четырьмя годами старше. Хотя мы спали в одной постели, я не знала ее хорошо до тех пор, пока мне не перебинтовали ноги, и я не стала проводить все свое время в женской комнате наверху. Я была рада, что лежу спиной к Третьей Сестре. Я всегда говорила себе, что раз она на год моложе меня, она слишком незначительна, чтобы о ней думать. Вряд ли мои сестры меня обожали, но то безразличие, которое мы друг другу выказывали, было лишь маской, скрывавшей наши истинные желания. Каждая из нас хотела, чтобы Мама ее заметила. Каждая из нас соперничала с остальными, стараясь завоевать внимание Папы. Каждая из нас надеялась, что ежедневно будет проводить время со Старшим Братом, поскольку как первый сын он был самым драгоценным членом нашей семьи.

По отношению к Прекрасной Луне я не испытывала подобной ревности. Мы были добрыми друзьями и радовались тому, что наши жизни будут соединены, пока мы обе не выйдем замуж.

Мы все четверо были очень похожи. У всех были черные, коротко остриженные волосы, мы были очень худенькими, почти одного роста. Иными словами, у нас было мало отличительных черт. У Старшей Сестры над губой была родинка. Третья Сестра завязывала волосы в маленькие пучочки, потому что ей не нравилось, когда Мама расчесывала ее. У Прекрасной Луны было хорошенькое круглое личико, а у меня — крепкие ноги и руки, потому что я постоянно носила маленького братишку.

«Девочки!» — позвала нас снизу Мама. Этого было достаточно, чтобы все остальные проснулись и встали с постелей. Старшая Сестра поспешно оделась и быстро сошла вниз. Прекрасная Луна и я задержались, потому что мы не только оделись сами, но и одели Третью Сестру. Потом мы все вместе спустились. Тетя подметала пол,

Дядя пел утреннюю песню, Мама со Вторым Братом, привязанным к спине, наливала воду в чайник, чтобы поставить его на огонь, а Старшая Сестра резала лук для рисовой каши, которую мы называли *конги*^[7]. По взгляду сестры я поняла, что сегодня утром она уже заработала одобрение семьи и может быть спокойна весь день. Я постаралась скрыть свою обиду, не понимая, что ее самодовольство было чем-то сродни унылой покорности, в которой она будет пребывать во время своего замужества.

«Прекрасная Луна! Лилия! Идите сюда! Идите сюда!»

Моя тетя приветствовала нас так каждое утро. Мы подбежали к ней. Тетя поцеловала Прекрасную Луну и ласково шлепнула меня по попе. Затем подошел Дядя, подхватил Прекрасную Луну на руки и поцеловал. Потом он поставил ее на землю, подмигнул мне и ущипнул за щеку.

Вы знаете старую поговорку о том, что красивые женятся на красивых, а талантливые на талантливых? В это утро я пришла к заключению, что Дядя и Тетя — оба очень некрасивы и, следовательно, прекрасно подходят друг другу.

У Дяди, младшего брата моего отца, были кривые ноги, лысая голова и круглое лоснящееся лицо. Тетя была толстушкой, ее зубы напоминали острые камни, выступающие из пещеры. Ее перебинтованные ноги были не очень маленькими, возможно, сантиметров четырнадцати, в два раза больше, чем стали мои впоследствии. Я слышала, как в нашей деревне злые языки говорили, что именно по этой причине Тетя — здорового сложения, с широкими бедрами — не могла доносить сына до положенного срока. Мне никогда не приходилось слышать подобных упреков в нашем доме даже от Дяди. По мне, у них был идеальный брак; он был любящей крысой, а она — ответственным быком. Благодаря им в нашем доме жило счастье.

Моя мать все же заметила, что я тоже нахожусь в комнате. Так было всегда, сколько я себя помнила, но именно в этот день я почувствовала ее пренебрежение. Печаль охватила меня, прогнав радость от встречи с Дядей и Тетей и ошеломив меня своей внезапностью. Затем так же быстро это чувство исчезло, потому что Старший Брат, шестью годами старше меня, позвал меня помочь ему в его утренних делах. Поскольку я родилась в год лошади, я любила

находиться вне дома, но что гораздо важнее — Старший Брат будет принадлежать только мне. Я знала, что мне повезло и что сестры мне это припомнят, но мне было безразлично. Когда он разговаривал со мной или улыбался, я больше не ощущала себя невидимкой.

Мы выбежали из дома. Старший Брат набрал воды из колодца и наполнил ведра. Отнеся их в дом, мы отправились за хворостом. Мы собрали целую кучу, и Старший Брат положил мне на руки немного мелких веток. Сам он подхватил остальное, и мы вернулись домой. Я вручила свой хворост Маме, надеясь, что она похвалит меня. Все же маленькой девочке нелегко таскать ведра с водой или носить дрова. Но Мама ничего не сказала.

Даже сейчас, после стольких лет, мне тяжело думать о Маме и о том, что я осознала в тот день. Я так ясно увидела, что ничего не значу для нее. Третий ребенок, вторая бесполезная девочка, слишком маленькая, чтобы тратить на нее время, пока она не переживет свои молочные годы. Она смотрела на меня так же, как все матери смотрят на своих дочерей: как на временных постояльцев, как на лишний рот, который надо кормить, как на лишнее тело, которое надо одевать, пока я не уйду жить в дом мужа. Мне было пять лет, и я уже знала, что не заслуживаю ее внимания, но внезапно я начала жаждать его. Мне так хотелось, чтобы Мама взглянула на меня и заговорила со мной, как она разговаривала со Старшим Братом. Но, даже испытывая это мое первое истинно глубокое желание, я понимала, что не должна прерывать ее повседневные занятия. Она и так часто ругала меня за то, что я говорю слишком громко, или за то, что я путаюсь у нее под ногами. После этого я каждый раз обещала себе стать похожей на Старшую Сестру и помогать Маме так тихо и спокойно, как только могу.

Нетвердой походкой, покачиваясь, вошла Бабушка. Ее лицо напоминало высушенную сливу, а спина была так сильно согнута, что лицо находилось на уровне моего.

«Помоги своей бабушке, — приказала Мама. — Узнай, не нужно ли ей чего-нибудь».

Хотя я только что дала себе обещание, я заколебалась. По утрам из бабушкиного беззубого рта шел неприятный кислый запах, и никому не хотелось находиться рядом с ней. Я подошла к ней бочком, стараясь не дышать, но она нетерпеливо взмахнула рукой, прогоняя меня. Я

отскочила так быстро, что налетела на своего отца — одиннадцатого и самого главного члена нашей семьи.

Он не отругал меня и никому ничего не сказал. Насколько мне было известно, он вообще не разговаривал, пока не кончался рабочий день. Он сел за стол и ждал, чтобы ему подали еду. Я наблюдала с близкого расстояния, как Мама молча наливает ему чай. Я боялась, как бы она меня не заметила, но она была поглощена заботой об отце. Он редко бил ее и не брал себе наложниц, но ее предусмотрительность и осторожность в обращении с ним передалась и нам.

Тетя поставила на стол миски и разложила в них *конги*, а Мама в это время кормила младенца. После еды мой отец и мой дядя отправились работать в поле, а Мама, Тетя, Бабушка и Старшая Сестра поднялись наверх в женскую комнату. Мне хотелось пойти с Мамой и другими женщинами, но я была еще маленькой. Хуже того, когда мы вышли из дому, мне пришлось делить нашего Старшего Брата с маленьким братцем и Третьей Сестрой.

Малыш сидел у меня на спине, пока мы рвали траву и искали коренья для нашей свиньи. Третья Сестра старалась поспеть за нами. Она была забавной девчушкой, вела себя, как избалованный ребенок, хотя быть избалованными имели право только наши братья. Она думала, что в семье ее любят больше всех, но это было совсем не так.

Покончив с работой, наша четверка отправилась в деревню, и мы сновали вверх и вниз по деревенским улицам, пока не наткнулись на девочек, которые прыгали через веревочку. Мой брат остановился, взял у меня малыша и дал мне тоже попрыгать. Затем мы пошли домой ко второму завтраку — совсем простому, только рис и овощи. После этого Старший Брат остался с мужчинами, а мы все поднялись наверх. Мама снова покормила малыша, а потом он и Третья Сестра заснули. Уже в том возрасте я наслаждалась своим присутствием в женской комнате с Бабушкой, Тетей, сестрой, и особенно с матерью. Мама и Бабушка ткали, Прекрасная Луна и я сматывали пряжу в клубочки. Тетя сидела с кисточкой и чернильницей и аккуратно писала свои тайные иероглифы, в то время как Старшая Сестра ожидала, когда с послеполуденным визитом придут ее названные сестры.

Вскоре мы услышали, как четыре пары легких ног тихонько взбираются вверх по лестнице. Старшая Сестра обняла каждую из девочек, и они впятером уселись в уголке. Им не нравилось, если я

вмешивалась в их разговор, но, тем не менее, я внимательно изучала их, так как знала, что через два года и я буду частью такого же сестричества. Все девочки были из Пувэя, и это означало, что они могли собираться часто, а не только по особым дням, таким как Ловля Прохладного Ветерка или праздник Птиц. Сестричество было образовано, когда девочкам исполнилось по семь лет. Чтобы скрепить взаимоотношения, их отцы внесли по двадцать пять *цзиней*^[8] риса, который хранился в нашем доме. Позже, когда каждая из девочек будет выходить замуж, ее порцию риса продадут, чтобы ее названные сестры смогли купить ей подарки. Последнюю часть риса продадут по случаю свадьбы последней из названных сестер. Это будет означать конец сестричества, потому что девушек выдадут замуж в отдаленные деревни, где они будут слишком заняты своими детьми и выполнением приказов своих свекровей, чтобы найти время для старой дружбы.

Даже среди своих подруг Старшая Сестра не пыталась завладеть общим вниманием. Она тихо сидела, в то время как другие девочки вышивали и рассказывали смешные истории. Когда их болтовня и хихиканье становились слишком громкими, моя мать строго одергивала их. И в моей голове возникла мысль: Мама никогда так не поступала, когда к моей бабушке приходили ее названные сестры. После того, как бабушкины дети выросли, ее пригласили присоединиться к группе из пяти названных сестер в Пувэе. Только две из них, да еще моя бабушка, все — вдовы, были живы, и они встречались по крайней мере раз в неделю. Они смеялись над непристойными шутками, которых мы, девочки, не понимали. Мама слишком боялась своей свекрови, чтобы осмелиться попросить их замолчать. А может быть, она бывала слишком занята.

У Мама закончилась пряжа и она поднялась на ноги, чтобы взять еще. Мгновение она стояла неподвижно, задумчиво глядя в пространство. Я испытывала непреодолимое желание броситься в ее объятия и закричать: «Увидь меня! Увидь меня! Увидь меня!» Но я не сделала этого. Мамины ноги в детстве были плохо перебинтованы ее матерью. Вместо «золотых лилий» у Мама были безобразные обрубки. Вместо того чтобы покачиваться при ходьбе, она опиралась на палку. Если она отставляла палку, ей приходилось размахивать руками, чтобы обрести равновесие. Мама была слишком неустойчива, чтобы кто-то обнимал и целовал ее.

«Разве Прекрасной Луне и Лилии не пора выйти на улицу?» — спросила Тетя, вторгаясь в видения моей матери. — Они могут помочь Старшему Брату».

«Ему не нужна их помощь».

«Я знаю, — сказала Тетя, — но сегодня такой погожий день...»

«Нет, — строго сказала Мама. — Мне не нравится, что девочки слоняются по деревне, когда им следует обучаться домоводству».

Но в этом вопросе Тетя была упряма. Ей хотелось, чтобы мы изучили наши улицы, увидели, что находится за пределами деревни. Она знала, что очень скоро единственным доступным нашему взору горизонтом будет вид из зарешеченного окна женской комнаты.

«У них всего несколько месяцев», — произнесла Тетя. Она не сказала о том, что вскоре наши ступни будут перебинтованы, кости сломаны, а кожа будет гнить. — «Пусть они побегают, пока могут».

Моя мать была истощена. У нее было пятеро детей, трое из них — от пяти лет и младше. На ней лежала ответственность за все наше хозяйство уборка, стирка, починка одежды, готовка и все остальные домашние дела. Ее положение в семье было выше, чем у Тети, но она была не в состоянии каждый день воевать за то, что считала правильным поведением.

«Хорошо, — вздохнула Мама, уступая. — Пусть идут».

Я схватила Прекрасную Луну за руку, и мы запрыгали. Тетя быстро проводила нас к двери, пока моя мать не передумала, в то время как Старшая Сестра и ее названные сестры с тоской смотрели нам вслед. Моя двоюродная сестричка и я сбежали по лестнице и выскочили на улицу. Вторая половина дня, ближе к вечеру, была моим любимым временем, когда воздух становился теплым и благоухающим и начинали стрекотать цикады. Мы быстро бежали по улице, пока не увидели моего брата, который направлял к реке семейство буйволов. Он сидел на широкой спине буйвола, подогнув под себя одну ногу, а другой погонял животное, колотя его побоку. Прекрасная Луна и я пошли вслед за ними по лабиринту узких улочек, беспорядочная путаница которых защищала нас от духов, привидений, равно как и от разбойников. Мы не встретили никого из взрослых — мужчины работали в поле, а женщины сидели в своих верхних комнатах с зарешеченными окнами, — но улицы были заполнены детьми и

деревенскими животными: цыплятами, утками, жирными свиньями и поросятами, которые визжали у нас под ногами.

Мы вышли за пределы деревни и побрели по узкой тропе, вымощенной мелкими камешками. Она была достаточно широка для прохода людей и паланкинов, но слишком узка для проезда повозок, запряженных пони или быками.

Мы спустились по тропе к реке Сяо и остановились у подвесного моста, переброшенного через реку. За мостом начинался мир обширных возделанных полей. Небо, раскинувшееся над нами, было таким же синим, как перья зимородка. Далеко-далеко мы видели другие деревни — места, куда я никогда и не надеялась попасть. Потом мы снова вскарабкались на берег, где в камышах свистел ветер. Я села на камень, сняла туфельки, потом пошла по мелководу. Семьдесят пять лет минуло с тех пор, а я все еще помню ощущение мягкой грязи между пальцами ног, чувствую, как вода набегает на мои ступни, как она холодит мою кожу. Мы с Прекрасной Луной были так свободны, как никогда больше. Но я отчетливо помню еще кое-что о том дне. Утром, когда я проснулась, я увидела свою семью по-новому, и это наполнило меня странными ощущениями — меланхолией, печалью, ревностью и чувством, что жизнь вокруг меня несправедлива. И я дала воде смыть с меня все это.

Вечером после обеда мы сидели во дворе, наслаждались прохладным вечерним воздухом и наблюдая за тем, как Папа и Дядя курят свои длинные трубки. Все устали. Мама и последний раз кормила малыша, пытаясь убаюкать его. Она выглядела измученной домашними заботами, которые для нее на сегодня еще не закончились. Я обняла ее рукой за плечи, чтобы утешить.

«Слишком жарко», — сказала она и мягко отодвинула меня.

Должно быть, Папа увидел мое разочарование и усадил меня к себе на колени. В тихом сумраке я была его сокровищем. В ту минуту я была словно жемчужина в его руке.

Бинтование ног

Подготовка к бинтованию моих ног заняла куда больше времени, чем кто-либо мог предположить. В городах девочкам благородного происхождения бинтовали ноги в возрасте трех лет. В некоторых дальних провинциях девочкам бинтовали ноги только на время, лишь для того, чтобы они выглядели привлекательно для своих будущих мужей. Этим девочкам могло быть около тринадцати лет. Их кости не ломались, бинты были всегда ослаблены, а после свадьбы их ноги разбинтовывали, чтобы они могли работать в поле рядом со своими мужьями. Самым бедным девочкам ноги не бинтовали вовсе. Их либо продавали в услужение, либо они становились «младшими невестками» — большеногими девочками из несчастных семей, которых отдавали на воспитание в другие семьи, пока они не становились достаточно взрослыми, чтобы вынашивать детей. Но в нашем, самом обычном, уезде девочкам в семьях, подобных моей, ноги начинали бинтовать в шесть лет.

Уже в то время, когда я бегала с моим братом, моя мать начала подготавливать длинные ленты из синей материи, которым предстояло стать моими бинтами. Своими собственными руками она сделала мою первую пару туфель, но с еще большим старанием она сшила миниатюрные туфельки и положила их на алтарь Гуаньинь — богини, которая видит все женские слезы. Эти вышитые туфельки, длиной всего три с половиной сантиметра, из куска красного шелка, который она сберегла из своего приданого, были первым намеком на то, что моя мать все же думает обо мне.

Когда мне и Прекрасной Луне исполнилось шесть лет, Мама и Тетя послали за прорицателем, чтобы он вычислил благоприятный день для начала бинтования. Говорили, что поздняя осень — лучшее время для этого, но лишь потому, что наступала зима, а холодная погода способствует онемению ног. Была ли я взволнованна? Нет. Я была напугана. Я была слишком мала, чтобы помнить первые дни бинтования ног Старшей Сестры, но кто же в нашей деревне не слышал криков девочки из семьи У, жившей в конце улицы?

Моя мать встретила прорицателя Ху внизу, налила ему чаю и предложила арбузные семечки. Ее любезность предполагала хорошее

гадание. Он начал с меня. Рассмотрев дату моего рождения, взвесил все возможности. Затем сказал: «Мне нужно увидеть ребенка своими глазами». Это было необычно, и когда моя мать вела меня, ее лицо выглядело обеспокоенным. Она подвела меня к прорицателю и поставила перед ним. Ее пальцы вцепились в мои плечи, удерживая меня на месте и в то же время пугая, пока прорицатель вел свой осмотр.

«Глаза — да. Уши — да. Этот рот. — Он взглянул на мою мать. — Это необыкновенный ребенок».

Мать втянула в себя воздух сквозь сжатые зубы. Это было наихудшее из замечаний, которое мог сделать прорицатель.

«Требуется еще консультация, — сказал прорицатель. — Я предлагаю посоветоваться со свахой. Вы согласны?»

Кто-нибудь мог заподозрить, что прорицатель пытается выжать побольше денег для себя и находится в союзе с местной свахой, но Мама не колебалась ни минуты. Страх моей матери был настолько велик — или ее уверенность была настолько глубока, — что она даже не попросила у моего отца разрешения потратить деньги.

«Пожалуйста, возвращайтесь поскорее, — сказала она. — Мы будем ждать вас».

Прорицатель удалился, оставив всех нас в смятении. В тот вечер моя мать говорила очень мало. На самом деле она даже не взглянула на меня. Тетя не отпускала своих шуточек. Моя бабушка рано ушла спать, но я слышала, как она молится. Папа и Дядя отправились на долгую прогулку. Даже мои братья, почувствовав тяжелую атмосферу в доме, притихли.

На следующее утро женщины встали рано. На этот раз они испекли сладкие пирожки, заварили хризантемовый чай и достали из буфета особые тарелки. Мой отец не пошел в поле, чтобы встретить посетителей. Такое необычное поведение указывало на серьезность ситуации. Затем, что было еще серьезней, появился прорицатель, но не с мадам Гао, а с мадам Ван, свахой из Тункоу, самой лучшей деревни в уезде.

Нужно сказать, что даже местная сваха еще не посещала наш дом. Ее визита ожидали через год-другой, для посредничества при устройстве брака Старшего Брата или Старшей Сестры. Поэтому, когда паланкин мадам Ван остановился перед нашим домом, среди

членов нашей семьи не было ликования. Посмотрев вниз из окна женской комнаты, я увидела наших соседей, которые пришли поглазеть на событие. Мой отец сделал *коуту* — встал на колени и коснулся лбом земли, — и его лоб касался грязной земли снова и снова. Мне было его жалко. Папа был боязливым. Это естественно для тех, кто родился в год кролика. Он отвечал за всех в нашем доме, но в таком деле у него не было опыта. Дядя стоял, переминаясь с ноги на ногу, а Тетя — обычно такая веселая и приветливая — неподвижно застыла рядом с ним. Глядя сверху на выражения лиц всех тех, кто стоял внизу, я сделала очевидный вывод: происходило что-то ужасное и неправильное.

Когда все вошли в дом, я тихонько пробралась на лестничную площадку, чтобы иметь возможность подслушать разговор. Мадам Ван села. Принесли чай и угощение. Голос моего отца был едва слышен, когда он произносил ритуальные вежливые слова. Но мадам Ван пришла в нашу бедную семью не для того, чтобы обмениваться любезностями. Как и вчера, меня позвали в главную комнату. Я спустилась по лестнице и вошла так грациозно, как только могла это сделать шестилетняя девочка, ноги которой еще большие и неуклюжие.

Я посмотрела на взрослых членов моей семьи. Хотя иногда воспоминания тонут в дали времен, их лица в тот момент я помню очень отчетливо. Моя бабушка сидела уставившись на свои сложенные на коленях руки, ее кожа была такой тонкой и почти прозрачной, что я видела как пульсирует голубая жилка у нее на виске. Мой отец, который уже успел разнервничаться, от волнения не мог говорить. Мои дядя и тетя стояли вместе у дверей, боясь стать участниками события и боясь пропустить его. Но лучше всего я помню лицо своей матери. Конечно, поскольку я была ее дочерью, то считала ее красивой, но в этот день я впервые увидела ее настоящее лицо. Я всегда знала, что она родилась в год обезьяны, но мне никогда не приходило в голову, что обезьянья хитрость и склонность к обману так сильны в ней. Что-то нечестное таилось под ее высокими скулами. Что-то скользкое пряталось в темной глубине ее глаз. Там было что-то такое... Я до сих пор не знаю, как описать это. Я бы сказала, что сквозь ее черты проглядывало нечто вроде мужского честолюбия.

Мне сказали, чтобы я встала перед мадам Ван. Я подумала, что ее шелковый жакет очень красивый, но у детей еще нет вкуса, нет умения отличать красивое от некрасивого. Сегодня я бы сказала, что он был чересчур ярким и не годился для вдовы, но все же сваха не была похожа на обычных женщин. Она вела дела с мужчинами, назначала выкуп за невесту, торговалась относительно приданого и служила посредницей. Мадам Ван смеялась чересчур громко, а слова ее были слишком льстивы. Она приказала мне подойти поближе, зажала меня между коленями и пристально посмотрела в мое лицо. В этот момент из невидимой я превратилась в очень даже видимую.

Мадам Ван была куда более дотошной, чем прорицатель. Она оттянула мне нижние веки, потом приказала мне посмотреть вверх, вниз, влево, вправо. Она взяла меня обеими руками за лицо и стала притягивать его к себе и отодвигать. Она крепко взяла меня за плечи и грубо ощупала мои руки до самых запястий. Потом ощупала мои бедра. Мне было только шесть лет! В этом возрасте еще ничего нельзя сказать о способности к деторождению! Но она все же проделала это, и никто не остановил ее. Затем она проделала самую удивительную вещь. Она встала со стула и велела мне занять ее место. Сделать это — означало для меня показать дурные манеры. Я посмотрела на свою мать и на своего отца, ожидая подсказки, но они стояли молча, как бессловесные животные. Отцовское лицо стало серым. Я почти слышала его мысли. Почему мы не бросили ее в реку, когда она родилась?

Мадам Ван не стала бы самой важной свахой в уезде, если бы ждала решения от овец. Она просто подняла меня и посадила на стул. Потом она опустилась на колени и стянула с меня туфли и носки. И снова при полном молчании. Также как она это делала с моим лицом, она поворачивала мои ступни так и эдак, а потом провела большим пальцем под сводом стопы.

Мадам Ван взглянула на прорицателя и кивнула. Затем поднялась с колен и поманила меня пальцем, чтобы я слезла со стула. После того, как она снова заняла свое место, прорицатель откашлялся и заговорил:

«Ваша дочь представляет собой особый случай, — сказал он. — Я увидел это еще вчера, и Мадам Ван, которая провела дополнительный осмотр, согласна со мной. Лицо вашей дочери продолговатое и тонкое, как рисовое зернышко. Ее полные мочки говорят о благородстве ее

духа. Но самое важное — это ее ноги. Подъем у нее очень высокий, хотя еще не полностью развит. Это означает, что с бинтованием надо повременить еще год», — он он поднял руку, чтобы его не прерывали, будто кто-то мог на это осмелиться.

«Семь лет — это необычно для нашей деревни, я знаю, но я думаю, если вы посмотрите на вашу дочь, вы увидите...»

Прорицатель Ху заколебался. Бабушка придвинула к нему миску с мандаринами, чтобы он мог собраться с мыслями. Он взял мандарин, снял с него кожицу и бросил на пол. Поднеся дольку мандарина ко рту, он заговорил снова:

«В шестилетнем возрасте кости еще мягкие и податливые. Но ваша дочь еще мало развита для своего возраста, даже для вашей деревни, которая пережила трудные годы. Возможно, также, как и другие девочки в этом доме. Вам не следует этого стыдиться».

До того момента я не думала, что наша семья чем-то отличается от всех прочих, и не считала, что сама чем-то отличаюсь от других.

Прорицатель засунул дольку мандарина в рот, пожевал задумчиво, а затем продолжил: «Но ваша дочь не только слишком мала от недоедания. У ее стоп особенно высокий свод, а это означает, что при хорошем питании ее ноги могут быть самыми совершенными в нашем уезде».

Некоторые люди не верят прорицателям. Некоторые думают, что они дают советы, подсказанные здравым смыслом. В конце концов, осень — самое лучшее время для бинтования, весна — для родов, а красивый холм, обдуваемый ветерком, обладает самым лучшим *фэншуй* для погребения. Но этот прорицатель увидел во мне нечто особенное, и это перевернуло всю мою жизнь. И все же в тот момент никто не испытывал никакой радости. В комнате было до жути тихо. Что-то продолжало быть ужасно неладным.

Молчание прервала Мадам Ван: «Девочка действительно очень красивая, но «золотые лилии» в жизни гораздо важнее хорошенького личика. Красивое лицо — это дар Небес, но маленькие ножки могут улучшить общественное положение. В этом мы все согласны. Дальнейшее должен решать Отец». — Она взглянула на Папу, но ее слова предназначались моей матери.

«Совсем неплохо устроить хороший брак для дочери. Семья с высоким положением принесет вам хорошие связи и более высокий

выкуп, долговременную политическую и экономическую защиту. Хотя я ценю ваше гостеприимство и вашу щедрость, которые вы проявили сегодня, — сказала она, подчеркнув бедность нашего дома томным движением руки, — судьба — в лице вашей дочери — дает вам эту возможность. Если Мать сделает свое дело должным образом, эта незначительная девочка может выйти замуж в Тункоу».

Тункоу!

«Вы говорите удивительные вещи, — осторожно заметил Отец. — Но наша семья очень скромная. Мы не можем позволить себе оплату ваших услуг».

«Почтенный Отец, — спокойно ответила Мадам Ван, — если ноги вашей дочери будут такими, как я себе это представляю, я могу рассчитывать на щедрое вознаграждение со стороны жениха. Вы также будете получать от них подарки как выкуп за невесту. Как вы видите, мы все будем в выигрыше».

Мой отец ничего не ответил. Он никогда не обсуждал того, что происходило вокруг, и никогда не давал воли своим чувствам, но я вспомнила одну зиму после засушливого лета, когда у нас было совсем мало еды. Мой отец отправился в горы на охоту, но даже животные все поумирали от голода. Папа смог принести домой только горькие коренья, из которых Мама и Бабушка сварили похлебку. Может быть, в эту минуту он вспоминал о позоре того года и представлял себе, каким прекрасным будет мой выкуп, и что это будет означать для нашей семьи.

«Помимо всего этого, — продолжила сваха, — мне кажется, что ваша дочь подходит для союза *лаотун*».

Я знала это слово и что оно означает. Союз *лаотун* был совсем не то, что союз между названными сестрами. В него вступали две девочки из разных деревень, и он длился всю их жизнь, в то время как в союз названных сестер вступали несколько девочек, и он распадался с их замужеством. За всю мою короткую жизнь я еще ни разу не встретила ни с одной *лаотун* и никогда не думала, что у меня она будет. У моей матери и моей тети, когда они были девочками, были названные сестры в их родных деревнях. У Старшей Сестры сейчас были названные сестры, а у Бабушки — подружки-вдовы из деревни ее мужа, которые и стали ей названными сестрами до конца дней. Я предполагала, что при обычном течении нашей жизни у меня также

будут названные сестры. Но иметь свою *лаотун* — это совсем другое дело. Я должна была бы разволноваться, но, как и все, кто находился со мной в комнате, я была ошеломлена. Этот предмет не следовало обсуждать в присутствии мужчин. В такой необычной ситуации мой отец забылся и выпалил: «Ни у кого из женщин в нашей семье не было *лаотун*».

«В вашей семье многого не было до сих пор, — сказала Мадам Ван, вставая со стула. — Обсудите все это между собой, но помните, благоприятный случай не каждый день переступает ваш порог. Я приду к вам снова».

Сваха и прорицатель удалились, пообещав прийти и посмотреть на мои успехи. Мы с матерью поднялись наверх. Как только мы вошли в женскую комнату, она обернулась и посмотрела на меня с тем же выражением на лице, которое я подметила еще в главной комнате. Затем, прежде чем я могла что-либо произнести, она изо всех сил ударила меня по лицу.

«Ты знаешь, сколько забот это принесет твоему отцу?» — спросила она. Это были обидные слова, но я знала, что пощечину она дала мне на счастье и для того, чтобы отпугнуть злых духов. В конце концов, не было никакой гарантии, что мои ноги превратятся в «золотые лилии». Моя мать могла совершить ошибку при бинтовании моих ног, как ошиблась ее мать. Она очень хорошо справилась со Старшей Сестрой, но все могло случиться. Вместо ожидаемой награды я могла ковылять на безобразных обрубках, постоянно размахивая руками для поддержания равновесия, как моя мать.

Хотя мое лицо пылало от пощечины, я была счастлива. Пощечина была знаком того, что Мама впервые показала мне свою материнскую любовь, и я была вынуждена закусить губы, чтобы скрыть улыбку.

Мама за весь день не сказала мне ни слова. Она спустилась вниз и разговаривала с моими тетей, дядей, отцом и бабушкой. Дядя был добросердечным человеком, но как второй сын он не имел никакой власти в нашем доме. Тетя понимала, какие выгоды сулит создавшаяся ситуация, но как женщина, не имеющая сына, в семье она занимала самое последнее место.

Мама также не занимала важного положения, но, увидев выражение ее лица, когда сваха произносила свои речи, я поняла, какие мысли бродят у нее в голове. В доме все решали Папа и

Бабушка, но на каждого из них можно было повлиять. Хотя заявление свахи и было хорошим знаком для меня, оно означало, что моему отцу придется усердно трудиться, чтобы собрать мне приданое, достойное более высокого брака. Если же он не согласится на предложение свахи, то лишится уважения не только в нашей деревне, но и во всем уезде.

Я не знаю, решили ли они мою судьбу в тот день, но для меня все уже перестало быть прежним.

Будущее Прекрасной Луны изменилось вместе с моим. Я была на несколько месяцев старше, но было решено, что нам обеим начнут бинтовать ноги в то же время, когда начнут бинтовать ноги Третьей Сестре. Хотя я продолжала выполнять свою работу за пределами дома, я больше никогда не ходила к реке с моим братом. Я больше никогда не ощущала прикосновения прохладной, быстро текущей воды к моей коже. До этого Мама никогда не била меня, но оказалось, что это был всего лишь первый из многочисленных ударов, которыми она награждала меня в течение нескольких последующих лет. Хуже того, мой отец перестал относиться ко мне по-прежнему. Я больше не сидела у него на коленях, пока он курил свою трубку. В одно мгновение я превратилась из никчемной девочки в нечто такое, что могло быть полезно семье.

Мои бинты и специальные туфельки, которые моя мать сделала для того, чтобы положить их на алтарь Гуаньинь, были отложены в сторону, так же как бинты и туфельки, сделанные для Прекрасной Луны. Мадам Ван принялась периодически наносить нам визиты. Она всегда приезжала в своем собственном паланкине. Всегда осматривала меня с головы до ног. Всегда спрашивала, как идет мое обучение домоводству. Я бы не сказала, что она была любезна со мной. Я была для нее всего лишь средством получить выгоду.

* * *

В течение следующего года мое обучение в верхней комнате стало более серьезным, и я уже многое знала. Например, что мужчины редко входят в женскую комнату; она была только нашей, где мы могли заниматься своей работой и делиться мыслями. Я знала, что почти всю свою жизнь проведу в комнате, подобной этой. Я также знала, что

разница между *нэй* — внутренним миром дома — и *вай* — внешним миром мужчин — является самой сердцевинной конфуцианского общества. Будь ты беден или богат, будь ты императором или рабом, домашний мир предназначен для женщин, а внешний — для мужчин. Женщинам не следует выходить за пределы своих комнат ни в мыслях, ни на деле. Я также поняла, что нашими жизнями управляют два конфуцианских идеала. Первый — это «Три Повиновения», которые гласят: «Девочкой повинуйся своему отцу; женой повинуйся своему мужу; вдовой повинуйся своему сыну». Второй — это «Четыре Добродетели», которые определяли поведение женщины, ее речь, движения и занятия: «Будь целомудренной и уступчивой, спокойной и честной; будь тихой и приятной в речах; будь сдержанной и изящной в движениях; будь совершенной в ручной работе и вышивании». Если девочки не будут забывать эти принципы, они станут добродетельными женщинами.

Мои занятия теперь приобрели практический характер. Я научилась вдевать нитку в иголку, выбирать цвет ниток, делать маленькие и ровные стежки. Это было важно, так как Прекрасная Луна, Третья Сестра и я начали трудиться над туфлями, которые нам предстояло носить в течение двух лет, пока будет длиться процесс бинтования ног. Нам были нужны дневные туфли, специальные тапочки для сна и несколько пар плотных носков. Мы начали с вещей, которые подходили нам сейчас, чтобы затем перейти ко все меньшим размерам.

Что еще важнее, моя тетя начала учить меня *нушу*. В то время мне было не совсем понятно, почему она принимала во мне такое участие. Я по глупости считала, что если я усердна, то смогу вдохновить своим примером Прекрасную Луну. А если она будет усердной, то, возможно, выйдет замуж более удачно, чем ее мать. Но на самом деле моя тетя надеялась обучить нас секретному письму для того, чтобы мы с Прекрасной Луной, могли переписываться всю жизнь. Я также не знала, что это было причиной конфликта между моей тетей, моей матерью и Бабушкой. Ни Мама, ни Бабушка не были обучены *нушу*, равно как и мой отец и мой дядя не были обучены мужскому письму. Мне все же приходилось видеть мужское письмо, но не с чем было его сравнить в то время. Теперь я могу сказать, что мужское письмо отчетливое, каждый иероглиф легко вписывается в квадрат, в то время

как *нушу* похоже на мушиные лапки или на птичьи следы на песке. В отличие от мужского письма, иероглифы *нушу* не представляют собой отдельных слов. Наши иероглифы по своей сути скорее фонетические. В результате каждый иероглиф может означать любое из слов, которые имеют одинаковое звучание. Поэтому если иероглиф обозначает звуки, которые создают, например, слово «ключ», то значение этого слова надо искать в контексте. И все же надо было приложить много усилий, чтобы убедиться в том, что мы не искажаем смысл написанного. Многие женщины — как моя мать и Бабушка — никогда не обучались этому письму, но они все же знали некоторые песни и истории, многие из которых звучали в ритме «та-дум, та-дум, та-дум».

Тетя обучила меня особым правилам *нушу*. Его использовали для того, чтобы писать письма, песни, автобиографии, уроки женских обязанностей, молитвы богине и, конечно же, популярные истории. Можно было писать кисточкой и чернилами на бумаге или на веере; делать вышивки на носовых платках или выткать текст на материи. Было можно и должно петь перед женщинами и девочками, но помимо прочего *нушу* было предназначено для чтения и наслаждения в одиночестве. Два главных правила *нушу* гласили: мужчины никогда не должны знать о том, что такое письмо существует, и мужчины никогда не должны соприкоснуться с *нушу* в любой его форме.

* * *

Все шло своим чередом — Прекрасная Луна и я каждый день обучались новому мастерству, пока не настал мой седьмой день рождения — день, когда к нам снова пришел прорицатель. На этот раз он должен был выбрать одну дату для всех трех девочек — Прекрасной Пуны, меня и Третьей Сестры, единственной из нас, кто была в правильном возрасте для начала бинтования ног. Прорицатель мычал и хмыкал. Он сравнивал наши восемь знаков. Но когда все было сказано и сделано, он остановился на дне, обычном для девочек в нашем регионе, — двадцать четвертом дне восьмого лунного месяца. В этот день те, кому предстоит бинтование, возносят молитвы и возлагают последние подношения Деве с Крохотными Ступнями, богине, которая наблюдает за бинтованием.

Мама и Тетя заканчивали подготовку к бинтованию, делали новые ленты. Они кормили нас клецками с красной фасолью, чтобы помочь нашим костям стать мягкими, как клецки, и чтобы наши ступни размером не превосходили размер клецок. Многие женщины из нашей деревни приходили навестить нас в нашей верхней комнате. Названные сестры Старшей Сестры желали нам удачи, приносили нам сладости и поздравляли нас с официальным вступлением в пору женской зрелости. Звуки праздника наполняли нашу комнату. Все были счастливы, пели, смеялись, болтали.

Теперь я знаю, что было много вещей, о которых никто не говорил. (Никто не сказал, что я могу умереть. Только после того, как я перешла жить в дом мужа, моя свекровь рассказала мне, что одна из десяти девочек умирает от бинтования не только в нашем уезде, но и во всем Китае.)

Я знала только, что бинтование сделает меня более взрослой и более пригодной для замужества и приведет меня к величайшей любви и величайшей радости в жизни женщины — к рождению сына. Чтобы достигнуть этого, мне необходимо иметь пару превосходно перебинтованных ног с семью четкими признаками: они должны быть маленькими, узкими, прямыми, заостренными и выгнутыми, и при этом благоухающими и мягкими. Из всего этого самое главное — длина. Семь сантиметров — приблизительная длина большого пальца руки — это идеал. Дальше — форма. Совершенная ступня должна иметь форму, похожую на бутон лотоса. Она должна быть полной и округлой у пятки и заостряться спереди, чтобы весь вес тела, приходился на большой палец ноги. Это означает, что пальцы и свод ноги должны быть сломаны и загнуты назад к пятке. И, наконец, щель, образованная пальцами ног и пяткой, должна быть достаточно глубокой, чтобы туда могла встать большая монета. Если я сумею достичь всего этого, наградой мне будет счастье.

Утром двадцать четвертого дня восьмого лунного месяца мы поднесли Деве с Крохотными Ступнями клейкие шарики из риса, а наши матери возложили миниатюрные туфельки, которые они сшили раньше, на алтарь перед маленькой статуей богини Гуаньинь. После этого Мама и Тетя разложили квасцы, вяжущее средство, ножницы, специальные щипцы для ногтей, иголки и нитки. Они вынули длинные бинты, которые приготовили заранее; каждый бинт был шириной пять

сантиметров, длиной три метра, и все они были слегка накрахмалены. Затем все женщины в доме поднялись наверх.

Старшая Сестра пришла последней и принесла ведро кипяченой воды, в которой плавали корни тутовника, молотый миндаль, травы, коренья, а также там была моча.

Как самая старшая, я пошла первой и была настроена показать всем свою храбрость. Мама вымыла мне ноги и натерла их квасцами, чтобы сжать ткани и уменьшить неизбежное кровотечение и гнойные выделения. Она обрезала мне ногти как можно короче. В это время мои бинты намокали, чтобы, высохнув у меня на ногах, стянуть ступни сильнее. Затем Мама взяла один из бинтов, приложила его конец к моему подъему и обернула четыре пальца, загнув их под ступню, а затем обернула бинт вокруг пятки. Следующая петля — вокруг щиколотки — удерживала первые две петли и не давала им ослабнуть. Смысл действия состоял в том, чтобы пальцы соединились с пяткой, образовав щель, но при этом оставив свободным большой палец, необходимый для ходьбы. Мама повторяла все эти действия до тех пор, пока все бинты не кончились. Тетя и Бабушка через ее плечо следили за тем, чтобы на бинтах не образовались складки и морщинки. Наконец Мама пришила край бинта как можно крепче, чтобы повязка не ослабла и чтобы я не могла высвободить ногу.

Она проделала то же самое с моей второй ногой. Затем Тетя приступила к бинтованию ног Прекрасной Луны. В это время Третья Сестра сказала, что хочет пить и пошла вниз. Когда с бинтованием ног Прекрасной Луны было покончено, Мама позвала Третью Сестру, но та не отозвалась. Часом раньше мне бы приказали пойти и найти ее, но с этого момента в течение последующих двух лет мне не разрешалось спускаться вниз по лестнице. Мама и Тетя обыскали дом и вышли на улицу. Мне хотелось подбежать к зарешеченному окну и выглянуть наружу, но мои ноги уже болели, так как бинты давили на кости и мешали кровообращению. Я взглянула на Прекрасную Луну. Ее лицо было бледным, что полностью соответствовало ее имени. Слезы текли по ее щекам двумя струйками.

Снаружи до нас доносились голоса Мама и Тети: «Третья Сестра, Третья Сестра!»

Бабушка и Старшая Сестра подошли к окну и выглянули наружу. «Айя», — пробормотала Бабушка.

Старшая Сестра обернулась к нам. «Мама и Тетя в доме у соседей. Вы слышите, как хнычет Третья Сестра?»

Мы с Прекрасной Луной отрицательно покачали головами.

«Мама тащит Третью Сестру по улице», — сообщила Старшая Сестра.

Теперь мы слышали, как Третья Сестра кричала: «Нет, не пойду! Я не хочу делать это!»

Мама громко ругала ее: «Ты пустое ничтожество! Ты помеха нашим предкам!»

Это были некрасивые слова, но вполне обычные, их можно было услышать в нашей деревне почти каждый день.

Третью Сестру втокнули в комнату. Она упала, но тут же вскочила на ноги, бросилась в угол и сжалась там.

«Это будет сделано. У тебя нет выбора», — сказала Мама.

Глаза Третьей Сестры безумно метались по комнате, выискивая место, где бы спрятаться. Ее схватили, и ничто не могло остановить неизбежного. Мама и Тетя приблизились к ней. Она сделала последнее усилие увернуться из-под их протянутых к ней рук, но Старшая Сестра удержала ее. Третьей Сестре было только шесть лет, но она боролась, как только могла. Старшая Сестра, Тетя и Бабушка держали ее, пока Мама поспешно накладывала бинты. Все это время Третья Сестра кричала. Несколько раз ей удавалось высвободить руки, но их снова скручивали. На одну секунду Мама ослабила хватку, и тут же Третья Сестра начала молотить ногой по воздуху, а ее бинты мотались вверх и вниз, как лента акробата.

Мы с Прекрасной Луной были в ужасе. Так в нашей семье себя никто не вел. Но мы могли только сидеть и смотреть, потому что теперь наши ноги кололо, словно кинжалом, от самых ступней до бедер. Наконец Мама выполнила свою задачу. Она опустила ногу Третьей Сестры на пол, встала, посмотрела на свою младшую дочь с отвращением и выплюнула единственное слово: «Никчемная!»

Сейчас я расскажу о следующих нескольких минутах и о неделях, продолжительность которых в такой длинной жизни, как моя, должна быть незначительной. Но мне они показались вечностью.

Вначале Мама посмотрела на меня, потому что я была самая старшая.

«Вставай!»

Это было выше моего понимания. Кровь в ступнях пульсировала. Еще несколько минут назад я была так уверена в своем мужестве. Сейчас же я изо всех сил старалась удержать слезы, но мне это не удалось.

Тетя потрепала Прекрасную Луну по плечу.

«Встань и иди».

Третья Сестра все еще хныкала, лежа на полу.

Мама сдернула меня со стула. Слово *боль* не может описать те ощущения, которые я испытала. Мои пальцы были подвернуты под ступни, так что весь мой вес приходился на них. Я попыталась устоять на пятках. Когда Мама увидела это, она ударила меня.

«Иди!»

Я старалась изо всех сил. Как только я дотащилась до окна, Мама нагнулась и поставила Третью Сестру на ноги, подтолкнула ее к Старшей Сестре и сказала: «Проведи ее по комнате десять раз взад и вперед».

Услышав эти слова, я поняла, что меня ожидает, и это было непостижимо. Видя, что происходит, Тетя, занимавшая самое низкое положение в нашей семье, грубо схватила свою дочь за руку и тоже стащила ее со стула. Слезы текли у меня по лицу, пока Мама водила меня по комнате. Я слышала свое хныканье. Третья Сестра продолжала вопить и пыталась освободиться от Старшей Сестры. Бабушка, чьей обязанностью в качестве самой важной персоны в семье было просто сидеть и надзирать за происходящим, взяла Третью Сестру за другую руку. Сдерживаемая двумя людьми, которые намного сильнее ее физически, Третья Сестра была вынуждена подчиниться, но это не означало, что ее громкие жалобы хоть немного стихли. Только Прекрасная Луна скрывала свои чувства, показывая, что она хорошая дочь, хотя тоже занимает низкое положение в семье.

После десяти кругов по комнате Мама, Тетя и Бабушка оставили нас одних. Мы все трое были почти парализованы болью, но наши испытания только-только начались. Мы не могли есть. Даже при пустых желудках нас рвало от сильной боли. Наконец все в доме улеглись спать. Каким облегчением было лечь и вытянуться, просто держать ноги на одном уровне с остальным телом. Но через несколько часов начались новые страдания. Наши ступни горели, будто лежали в жаровне среди горячих углей. Странные мяукающие звуки вылетали из

наших гортаней. Бедняжка Старшая Сестра была вынуждена делить с нами ночлег. Она изо всех сил старалась развлечь нас волшебными сказками и самым осторожным образом напоминала нам о том, что каждая девочка из приличной семьи, имеющей положение, во всем великом Китае проходит через бинтование, и лишь тогда может стать достойной женщиной, женой и матерью.

Ни одна из нас не заснула в эту ночь, но что бы мы ни испытали в первый день, на второй день было вдвое хуже. Мы все пытались распороть наши бинты, но только Третьей Сестре удалось освободить ступню. Мама била ее по рукам и ногам, потом перебинтовала ей ступню заново и в наказание заставила ее сделать десять лишних кругов по комнате. Снова и снова Мама грубо трясла ее и спрашивала: «Ты хочешь стать маленькой невесткой? Еще не поздно. Ты этого добьешься».

Всю нашу жизнь мы слышали эту угрозу, но никто из нас никогда не *видел* маленькую невестку. Пувэй была слишком бедной деревней, чтобы люди могли позволить себе взять в семью ненужную, упрямую большеногую девочку; мы не видели и духа лисицы и все же верили в него. Поэтому Мама грозила, и Третья Сестра постепенно сдалась.

На четвертый день мы отмачивали перебинтованные ступни в ведре с горячей водой. Потом бинты сняли, Мама и Тетя проверили ногти у нас на ногах, срезали мозоли, счистили омертвевшую кожу, приложили еще квасцов и ароматов, чтобы перебить запах гниющей плоти и снова забинтовали нам ступни чистыми бинтами, на этот раз даже плотнее. Каждый день — то же самое! Каждый четвертый день — та же процедура. Каждую неделю — новая пара туфель, меньше предыдущей. К нам приходили соседки и приносили клецки с красными бобами в надежде, что наши кости будут размягчаться скорее, или же они приносили сухие красные перцы, надеясь, что наши ступни будут такими же узкими и заостренными, как эти перцы. Названные сестры Старшей Сестры принесли маленькие подарки, которые помогли им во время бинтования. «Покусай кончик моей кисточки для каллиграфии. Кончик тонкий и изящный. Он поможет твоим ступням тоже стать тонкими и изящными». Или: «Поешь вот этих водяных каштанов. Они прикажут твоей плоти поменьше думать».

Женская комната превратилась в комнату для муштры. Вместо того чтобы заниматься нашей повседневной работой, мы ходили взад-вперед по комнате. Каждый день Мама и Тетя заставляли нас делать больше кругов. Каждый день Бабушка приходила, чтобы помогать. Когда она уставала, то садилась отдыхать на одну из постелей и руководила нами оттуда. Когда становилось холодно, она закутывалась еще в одно одеяло.

По мере того, как дни становились короче и темнее, ее слова тоже становились короче и темнее по смыслу, пока она почти совсем не перестала говорить и только смотрела на Третью Сестру, взглядом желая поддержать ее.

Наша боль не уменьшалась. Да и как она могла уменьшиться? Но мы выучили самый важный урок для всех женщин: мы должны повиноваться для нашего же блага.

Даже в эти первые недели начала вырисовываться картина того, какими мы станем женщинами. Прекрасная Луна будет стоической и прекрасной в любых обстоятельствах. Третья Сестра будет жалующейся женой, обиженной на свою судьбу, недовольной подарками, которые ей будут дарить. Что же касается меня — так называемой особенной девочки, — то я принимала свой жребий безропотно.

Однажды днем я совершала свою прогулку по комнате и услышала, как что-то хрустнуло. Один из моих пальцев сломался. Мне показалось, что звук раздался где-то в глубине моего тела, но он был настолько громким, что все, кто находился в женской комнате, услышали его. Мать впилась в меня взглядом. «Двигайся! Наконец-то появились успехи!» Я ходила, и все мое тело дрожало. К ночи восемь пальцев, которые должны были сломаться, сломались, но меня все равно заставляли ходить. Я ощущала свои сломанные пальцы под тяжестью каждого шага, так как они болтались у меня в туфлях. Пустые места, где прежде были суставы, превратились в студенистые источники бесконечной муки.

Холодная погода не вызывала онемения, и мучительная боль терзала все мое тело. И все же Мама не была довольна моим послушанием. Вечером она велела Старшему Брагу принести тростника с берега реки. В течение следующих двух дней она хлестала меня этим тростником сзади по ногам, чтобы заставить ходить. В тот

день, когда меня заново перебинтовали, я, как обычно, отмачивала ступни в воде, но на этот раз массаж, который мне делали для того, чтобы придать костям иную форму, превзошел все, что было раньше. Мама пальцами загнула мои болтающиеся кости под ступню. И никогда я так сильно не ощущала мамину любовь ко мне.

«Достойная женщина никогда не потерпит никакого безобразия в своей жизни, — повторяла она снова и снова. — Только через боль ты сможешь обрести красоту. Только через страдания ты обретешь покой. Я оборачиваю, я бинтую, но ты будешь вознаграждена».

У Прекрасной Луны пальцы сломались на три дня позже, но косточки у Третьей Сестры отказывались ломаться. Мама послала Старшего Брата с еще одним поручением. На этот раз ей понадобились маленькие камешки, которые она могла бы привязать к пальцам ног Третьей Сестры, чтобы увеличить давление. Я уже рассказывала, как Третья Сестра сопротивлялась, но на этот раз ее крики были еще громче, если это вообще было возможно. Мы с Прекрасной Луной думали, что она делает это, потому что хочет обратить на себя больше внимания, ведь до сих пор почти все свои силы Мама тратила на меня. Но в те дни, когда нам меняли бинты, мы могли увидеть разницу между нашими ногами и ногами Третьей Сестры. Да, сквозь наши бинты просачивались кровь и гной, это было нормально, но у Третьей Сестры выделения приобрели новый и иной запах. И в то время, как кожа у Прекрасной Луны и у меня увяла и стала мертвенно-бледной, кожа у Третьей Сестры была розовой, как цветок.

Мадам Ван нанесла нам следующий визит. Она осмотрела материнскую работу и дала несколько советов относительно трав, из которых можно было приготовить чай для облегчения боли. Я не пробовала это горькое варево, пока не выпал снег, и кости посередине моей ступни не треснули. Я была, как в тумане, из-за боли и воздействия трав, когда состояние Третьей Сестры внезапно изменилось. Ее кожа пылала. Ее глаза блестели от влаги и лихорадки, а ее круглое лицо заострилось. Когда Мама и Тетя спустились вниз приготовить нам еду, Старшая Сестра сжалась над своей несчастной сестренкой и позволила ей полежать в постели.

Мы с Прекрасной Луной отдыхали от ходьбы. Опасаясь, что нас застанут сидящими, мы стояли рядом с Третьей Сестрой. Старшая Сестра растирала ей ноги, пытаясь облегчить боль. Стояла глубокая

зима, и мы носили одежду на толстой подкладке. С нашей помощью Старшая Сестра положила пульсирующую ногу Третьей Сестры к себе на колени, чтобы помассировать ей икру. Вот тогда мы и увидели ужасные красные полосы, которые поднимались вверх от ее перевязанных ступней, извивались вдоль всей ноги и исчезали под штаниной. Мы быстро переглянулись и осмотрели другую ногу. На ней были такие же полосы.

Старшая Сестра сошла вниз. Чтобы рассказать о том, что мы обнаружили, ей пришлось признаться в своем самоволии. Мы ожидали, что Мама ударит ее; но пег, вместо этого Мама и Тетя поспешили наверх. Они остановились на лестничной площадке и оглядели комнату: Третья Сестра лежала, глядя в потолок, выставив вперед свои маленькие полуобнаженные ноги, мы с Прекрасной Луной стояли тихо, ожидая наказания, а Бабушка спала, укрывшись одеялами. Тетя бросила лишь один взгляд на эту сцену и пошла кипятить воду.

Мама подошла к постели. Она не взяла свою палку и шла по комнате, размахивая руками, словно птица с перебитыми крыльями. Как только Тетя вернулась. Мама начала развязывать бинты. Комнату наполнил отвратительный запах. Тетя заткнула нос. Хотя на улице шел снег. Старшая Сестра разорвала рисовую бумагу, которой были заклеены наши окна, чтобы дать зловонию выйти наружу. Наконец ступни Третьей Сестры были полностью разбинтованы. Мы увидели гной темно-зеленого цвета и сгустки коричневатой вонючей крови. Третью Сестру посадили на постель и опустили ее ноги в таз с горячей водой. Она уже была в глубоком забытии и даже не вскрикнула.

Весь ее крик в течение предыдущих недель приобрел иное значение. Знала ли она с самого начала, что с ней может случиться что-то плохое? Не поэтому ли так сопротивлялась? Не совершила ли Мама в спешке ужасную ошибку? Не произошло ли заражение крови от складок на бинтах? Была ли она слабой от плохого питания, как сказала обо мне Мадам Ван? Что такого она сделала в своей предыдущей жизни, чтобы заслужить такое наказание в этой?

Мама отскребала гной и кровь с ее ног, пытаясь смыть инфекцию. Третья Сестра была без сознания. Вода в тазу потемнела от ядовитых выделений. Наконец Мама вынула разбитые ступни из таза и вытерла их насухо.

«*Матушка*, — позвала Мама свою свекровь. — Ты опытнее меня. Пожалуйста, помоги мне».

Но Бабушка не пошевелинулась. Мама и Тетя поспорили о том, что делать дальше.

«Надо оставить ее ступни открытыми, — сказала Мама.

«Ты знаешь, что это будет очень плохо, — возразила Тетя. — Большая часть ее костей уже сломалась. Если ты их не перебинтуешь, они никогда не примут нужную форму. Она будет хромой. На ней никто не женится».

«Пусть лучше она живет незамужней, чем я потеряю ее навеки».

«Тогда у нее не будет никакой цели, и сама она не будет ничего стоять, — сказала Тетя. — Твоя материнская любовь подсказывает тебе, что это не жизнь».

Все время, пока они спорили, Третья Сестра лежала неподвижно. Мама приложила квасцы к ее ступням и снова перебинтовала их. На следующий день ей стало еще хуже. На улице валил снег. Хотя мы были небогаты, Папа вышел в непогоду и привел деревенского врача. Тот посмотрел на Третью Сестру и покачал головой. Я впервые увидела этот жест, означавший, что мы бессильны удержать души своих любимых от того, чтобы они покинули этот мир ради мира духов. Вы можете бороться, но если смерть схватила свою жертву, уже ничего нельзя сделать. Мы покорны желаниям загробного мира. Врач предложил сделать припарку и приготовить трав для чая, но он был хорошим и честным человеком. Он понимал наше положение.

«Я могу сделать это для вашей малышки, — сказал он Папе, — но вы только зря потратите деньги».

Однако беды этого дня еще не закончились. Когда мы все сделали *коуту* уже уходящему врачу, он оглядел комнату и увидел Бабушку, лежавшую под одеялами. Он подошел к ней, коснулся ее лба и прослушал скрытые вибрации, которыми измерялась ее *чи*^[9]. Затем взглянул на моего отца. «Ваша почтенная мать очень больна. Почему вы не сказали об этом раньше?»

Как мог Папа ответить на этот вопрос и сохранить при этом свое лицо? Он был хорошим сыном, но он был мужчиной, а это дело относилось к внутреннему миру женщин, и все же благополучие Бабушки было его главным сыновним долгом. Пока они с братом

сидели внизу, курили свои трубки и ожидали, когда кончится зима, наверху два члена семьи пали жертвами заклинаний злых духов.

И снова вся семья задавала себе вопросы. Нужно ли было так много времени тратить на никчемных девочек и позволить ослабнуть единственной достойной и ценной женщине в нашем доме? Отняли ли все эти хождения по комнате с Третьей Сестрой последние силы у Бабушки? Не закрыла ли сама Бабушка, уставшая от криков Третьей Сестры свою *чи*, чтобы избавиться от утомительного шума? Не воспользовались ли злые духи, приходившие терзать Третью Сестру, возможностью схватить еще одну жертву?

После всей суеты внимание, которое в последние недели уделялось Третьей Сестре, сконцентрировалось на Бабушке. Мои отец и дядя отходили от нее только для того, чтобы поесть, покурить или по нужде. Тетя исполняла все домашние обязанности, готовила еду, стирала и заботилась обо всех нас. Я ни разу не видела, чтобы Мама спала в это время. Как первая невестка она имела в своей жизни две цели: родить сыновей для продолжения рода и заботиться о матери мужа. Ей следовало более прилежно наблюдать за здоровьем Бабушки. Вместо этого она позволила закрасться в ее душу мужской надежде, она переключила свое внимание на меня и мое удачное будущее. Теперь же Мама с яростным усердием, порожденным сознанием своей прежней небрежности, исполняла все предписанные ритуалы, делала специальные подношения богам и нашим предкам, молилась и даже сделала суп из собственной крови, чтобы восстановить силы Бабушки.

Поскольку все теперь были заняты Бабушкой, мы с Прекрасной Луной должны были заботиться о Третьей Сестре. Нам было всего по семь лет, и мы не знали, что сказать или сделать, чтобы утешить ее. Ее страдания были велики, но это было не самое ужасное, что я видела в течение моей жизни. Она умерла четыре дня спустя, вынеся больше страданий и боли, чем по совести ей полагалось бы за такую коротенькую жизнь. Бабушка умерла на следующий день. Никто не видел, чтобы она страдала. Она просто становилась все меньше и меньше, как гусеница под покровом осенних листьев.

* * *

Земля была слишком жесткой для того, чтобы устраивать настоящие похороны. Две из оставшихся названных сестер Бабушки пришли к ней, спели траурные песни, завернули ее тело в муслин и одели для жизни в загробном мире. Она была старой женщиной, прожившей долгую жизнь, поэтому ее вечная одежда имела много слоев. Третьей Сестре было только шесть лет. У нее не было одежды для будущей жизни, чтобы согреть ее, и не было у нее многих друзей, которые встретили бы ее в загробном мире. Было лишь летнее платье и зимнее платье, но даже эти вещи до нее носила Старшая Сестра, а потом я. Бабушка и Третья Сестра провели остаток зимы под снежным покровом.

Следует сказать, что за время между смертью Бабушки и Третьей Сестры и их похоронами в женской комнате многое изменилось. О, мы все еще продолжали делать наши круги по комнате. Каждые четыре дня мы мыли ноги и переодевались в меньшего размера туфельки каждые две недели. Но теперь Мама и Тетя проявляли крайнюю бдительность. И мы тоже были очень внимательны. Мы никогда не сопротивлялись и не жаловались. Когда наступало время мыть ноги, наши взгляды были прикованы к выделениям так же внимательно, как у Мама и Теги. Каждый вечер, когда мы, девочки, оставались одни, Старшая Сестра проверяла наши ноги, чтобы удостовериться, что у нас нет серьезной инфекции.

Я часто вспоминаю эти первые месяцы моего бинтования. Я вспоминаю, как Мама, Тетя, Бабушка и даже Старшая Сестра цитировали некоторые высказывания, чтобы подбодрить нас. Одно из них такое: «Выйдешь замуж за цыпленка — живи с цыпленком; выйдешь замуж за петуха — живи с петухом». Я слышала слова, по, как часто бывало в то время, не понимала их значения. Размер ступни определял, насколько велики мои шансы выйти замуж. Для будущих родственников моя маленькая нога служила доказательством моей личной дисциплины и способности переносить боль деторождения, а также любые трудности, которые могли быть впереди. Мои маленькие ноги показывали всем мое послушание в семье родителей, и особенно умение повиноваться матери, что производило хорошее впечатление на мою будущую свекровь. Туфли, которые я вышила, символизировали для будущих родственников мои способности к вышиванию, а значит, мое домашнее обучение. И хотя тогда я ничего об этом не знала, мои

ноги были тем, чем восхищался мой муж во время интимных моментов между мужчиной и женщиной. Его желание видеть их и держать в своих руках никогда не ослабевало за всю нашу жизнь, даже после того, как я родила пятерых детей, даже после того, как все остальные части моего тела перестали быть соблазнительными.

Веер

Шесть месяцев прошло с начала нашего бинтования, два месяца после смерти Бабушки и Третьей Сестры. Снег сошел, земля оттаяла, и Бабушку с Третьей Сестрой подготовили к похоронам. Три события было в жизни людей Яо — нет, в жизни всех китайцев, — на которые тратились деньги: рождение, заключение брака и смерть. Мы все хотели удачно родиться и удачно выйти замуж ими жениться; мы все хотели спокойно умереть и быть достойно похороненными. Но судьба и жизненные обстоятельства влияют на эти три события, как ни на что другое. Бабушка была матриархом и вела примерную жизнь, Младшая Сестра не совершила ничего. Папа и Дядя собрали все деньги, которые у них были, и заплатили гробовщику в Шанхае, чтоб он сделал хороший гроб для Бабушки. Папа и Дядя сколотили маленький ящик для Третьей Сестры. Бабушкины названные сестры пришли снова, и, наконец, похороны состоялись.

И снова я увидела, насколько мы бедны. Если бы у нас были деньги, то Папа, возможно, построил бы вдовью памятную арку для Бабушки. Может быть, он позвал бы прорицателя, чтобы определить подходящее место для могилы с самым лучшим *фэншуй*, или нанял паланкин, чтобы отнести свою дочь и свою племянницу, которые до сих пор не могли далеко ходить, к могиле Бабушки и Третьей Сестры. Но это было невозможно. Мама несла меня на спине, а Тетя несла Прекрасную Луну. Наша маленькая процессия подошла к месту, расположенному недалеко от нашего дома, на арендованной нами земле. Пана и Дядя сделали *коутоу* три раза подряд. Мама легла на могильную насыпь и просила прощения. Мы сожгли бумажные деньги, но мы не могли предложить присутствующим на похоронах никаких подарков, кроме сладостей.

Хотя Бабушка не могла читать *нушу*, все же у нее были книги третьего дня свадьбы, подаренные ей много лет назад. Эти книги вместе с другими немногочисленными сокровищами были собраны двумя ее названными сестрами и сожжены на ее могиле, чтобы написанные там слова сопровождали Бабушку в загробном мире. Они спели вместе: «Мы надеемся, что ты увидишь остальных наших названных сестер. Вы трое будете счастливы. Не забывай нас. Нас

связывают нити, даже если корни лотоса обрублены. Такова сила и продолжительность нашей дружбы».

Ничего не было сказано о Третьей Сестре. Даже у Старшего Брата не было для нее никаких посланий. Поскольку у нее не было ничего написанного ею самой, Тетя, Старшая Сестра, Прекрасная Луна и я написали послания *нушу*, чтобы представить ее нашим предкам, а потом мы сожгли их.

Несмотря на то, что начался трехлетний период траура по Бабушке, жизнь продолжалась. Я пережила самый болезненный период своего бинтования. Моей матери уже не приходилось так много бить меня, а боль от перебинтованных ног уменьшилась. Самым приятным для нас с Прекрасной Луной было теперь сидеть и позволять нашим ступням принимать свою новую форму. В утренние часы мы обе под присмотром Старшей Сестры учились делать новые стежки. Немного позже Мама учила меня прясть; после полудня мы ткали. Прекрасная Луна и ее мать выполняли те же уроки, только в обратном порядке. Вечером мы упражнялись в *нушу*, и Тетя учила нас простым словам с терпением и большим юмором.

Теперь, когда ей не нужно было надзирать за бинтованием Третьей Сестры, Старшая Сестра, которой было одиннадцать лет, вернулась к занятиям по домоводству. Мадам Гао, местная сваха, регулярно приходила обсудить Договор о Родстве, первую из пяти стадий брачного процесса, как для Старшего Брата, так и для Старшей Сестры. Для Старшего Брата нашлась девочка из семьи, подобной нашей, в Гаоцзя, родной деревне Мадам Гао. Для потенциальной будущей невестки это было хорошо, так как у Мадам Гао было столько дел в обеих наших деревнях, что письма *нушу* из деревни в деревню можно было посылать регулярно. Кроме того. Тетя была родом из Гаоцзя. Теперь она могла переписываться со своей семьей чаще. Она так радовалась, что целыми днями можно было видеть ее улыбку, появляющуюся из пещеры ее рта с кривыми зубами.

Старшая Сестра, хорошенькая и спокойная по характеру, как признавали все, кто ее видел, должна была выйти замуж в семью лучше нашей, жившую в отдаленной деревне Гэтань. Мы печалились о том, что со временем не сможем видеться с ней так часто, как хотелось бы, но все же до фактического брака она будет оставаться с нами еще шесть лет, а потом еще два или три года, пока не покинет дом навсегда.

Как известно, в нашей деревне мы следуем обычаю *було фуцзя*, согласно которому жена не живет постоянно в доме мужа, пока не забеременеет.

Мадам Гао ни в чем не походила на Мадам Ван. Ее можно было описать одним словом — грубая. Если Мадам Ван носила шелк, то Мадам Гао одевалась в платье из домотканого хлопка. Если речи Мадам Ван были мягкими да гладкими, как гусиный жир, то речи Мадам Гао походили на хриплый лай деревенских собак. Она входила в женскую комнату, взгромождалась на табурет и требовала, чтобы все девочки в семье И показали ей свои ноги. Конечно, Старшая Сестра и Прекрасная Луна подчинялись. Но, хотя моя судьба находилась в руках Мадам Ван, Мама велела, чтобы я тоже показывала ей свои ноги. А какие вещи она говорила! «Щель у нее глубокая, словно щелки у девочек внутри. Ее муж будет счастлив». Или: «Ее пятка изогнута, как мешочек, а большой палец так выдается вперед, что будет напоминать мужу о его собственном члене. Этот счастливчик целый день будет думать о постельных делах». В то время я не понимала значения ее слов. Когда же поняла, то была в смятении от того, что подобные вещи она произносила в присутствии Мамы и Тети. Но они смеялись вместе со свахой. Мы втроем присоединялись к их веселью, однако, как я сказала, смысл этих слов находился за пределами наших знаний и нашего опыта.

В этом году на восьмой день четвертого лунного месяца названные сестры Старшей Сестры встретились в нашем доме для того, чтобы отпраздновать День Боя Буйволов. Все пять девочек уже показали, как хорошо они будут вести свое будущее хозяйство, отдав нам на хранение рис, который их семьи вручили им для образования их сестричества и для праздников. Каждая девочка принесла излома какое-нибудь блюдо: суп из рисовой лапши, свекольную ботву с яйцами, свиные ножки в чесночном соусе, заготовленную длинную фасоль и сладкие рисовые пирожки. Много еды они приготовили сообща, при этом все девочки лепили клецки, которые варили на пару, а потом макали в соевый соус, смешанный с лимонным соком и красным перцем. Они ели, смеялись и рассказывали истории *нушу*, такие как «История о Саньгу», в которой дочь богатого человека оставалась верной своему бедному мужу несмотря на многие превратности судьбы, пока они не были вознаграждены за свою

верность и не стали мандаринами; или «Волшебный Карп», где рыба превращалась в красивую молодую женщину, которая потом влюбилась в блестящего ученого, только чтобы обнаружить свое истинное обличье.

Но их любимой историей была «История о женщине с тремя братьями». Они не знали ее всю целиком, но не просили Маму намекнуть с помощью вопросов и ответов, хотя она помнила многие слова. Вместо нее они попросили Тетю направлять их рассказ. Мы с Прекрасной Луной присоединились к их горячим просьбам, потому что эта прекрасная правдивая история, трагическая и одновременно странно смешная, была для нас хорошим поводом поупражняться в пении, связанном с нашим тайным женским письмом.

Одна из тетиных названных сестер вышила эту историю на носовом платке и подарила ей. Тетя вынула кусочек материи и осторожно развернула его. Мы с Прекрасной Луной подошли и сели рядом с ней, чтобы следить за вышитыми иероглифами, пока она будет петь.

«У одной женщины было три брата, — начала Тетя. — У всех братьев были жены, но она сама была не замужем. Несмотря на то, что она была добродетельна и работяща, ее братья не давали ей приданого. Как она была несчастна! Что она могла сделать?»

Голос моей матери ответил: «Она была так несчастна, что пошла ночью в сад и повесилась на высоком дереве».

Прекрасная Луна, моя сестра, названные сестры и я хором запели: «Старший брат идет по саду и притворяется, что не видит ее. Второй брат идет по саду и притворяется, что не видит ее. Третий Брат видит ее, рыдает и приносит ее тело в дом».

Мама через всю комнату посмотрела на меня и поймала мой взгляд. Она улыбнулась, возможно, довольная тем, что я не пропустила ни слова.

Тетя начала новый круг истории. «У одной женщины было три брата. Когда она умерла, никто не захотел позаботиться о ее теле. Хотя она была добродетельна и работяща, ее братья не позаботились о ней. Как это было жестоко! Что же будет с ней?»

«На нее не обращают внимания после смерти, как не обращали внимания при жизни, пока ее тело не начинает смердеть», — пропела Мама.

И снова мы пропели хором: «Старший брат дает кусок материи, чтобы покрыть ее тело. Второй брат дает два куска материи. Третий брат заворачивает ее во столько кусков материи, во сколько может так, чтобы ей было тепло в загробном мире».

«У одной женщины было три брата, — продолжила Тетя. — Одев ее для мира духов, братья не хотят тратить деньги на гроб. Хотя она была добродетельна и работяща, ее братья скупаются. Как это нечестно! Обретет ли она когда-нибудь покой?»

«Совсем одна, совсем одна, — пропела Мама, — она обдумывает дни своих посещений».

Тетя пальцем вела по иероглифам, а мы старались следовать за ней, хотя еще не могли бегло читать.

«Старший брат говорит: мы не должны нести ее в ящике. Ей и так хорошо». Второй брат говорит: «Мы можем взять тот старый ящик в сарае». Третий брат говорит: «Вот все мои деньги. Я пойду и куплю гроб».

Когда мы подошли к концу, ритм истории изменился. Тетя запела: «У одной женщины было три брата. Они зашли далеко, но что теперь будет с их сестрой? Старший брат нищ духом, второй брат холоден сердцем, но в третьем брате любовь может все превзойти».

Названные сестры дали нам с Прекрасной Луной закончить историю. «Старший брат говорит: «Давайте похороним ее здесь, у дороги, где ходят буйволы» (имея в виду то, что ее буду вечно топтать). «Второй брат говорит: «Давайте похороним ее здесь, под мостом» (имея в виду, что ее унесет вода). «Но третий брат — добрый сердцем, истинный родственник — говорит: «Мы похороним ее здесь, за домом, чтобы все помнили ее. И в конце концов сестра, у которой была несчастная жизнь, обрела великое счастье в загробном мире».

Я любила эту историю. Было приятно напевать вместе с Мамой и остальными, но со времени смерти моей бабушки и моей сестры я лучше понимала ее смысл. История показывала мне, какой разной ценность девочки или женщины может быть для разных людей. Она также давала практическое руководство, как заботиться о тех, кого любишь, после их смерти — как обращаться с телом, какой должна быть вечная одежда, кто и где должен быть похоронен. Моя семья изо всех сил старалась следовать этим правилам, и я тоже буду, когда стану женой и матерью.

* * *

На следующий день после празднования Дня Боя Буйволов к нам прибыла Мадам Ван. Я начала ненавидеть ее посещения, потому что они всегда приносили лишние волнения нашей семье. Конечно, все были довольны предстоящим хорошим браком Старшей Сестры. Конечно, все были в восторге от того, что Старший Брат женится и в дом войдет первая наша невестка. Но у нас недавно были похороны. Если оставить эмоции в стороне, эти печальные и счастливые события требовали расходов на двое похорон и на две свадьбы. Теперь стало еще важнее, чтобы я вступила в выгодный брак. Только так мы могли выжить.

Мадам Ван поднялась наверх в женскую комнату, осмотрела вышивки Старшей Сестры и похвалила ее за хорошее качество работы. Потом она села на табурет спиной к окну и даже не смотрела в мою сторону. Мама, которая только начала осознавать свое новое положение — главной женщины в нашей семье — знаком приказала Тете принести чай. В ожидании чая Мадам Ван говорила о погоде, о планах относительно предстоящей храмовой ярмарки, о погрузке товаров, которые прибыли по реке из Гуйлиня. Когда чай был разлит, Мадам Ван перешла к делу.

«Дражайшая Мать, — начала она, — мы раньше обсуждали некоторые возможности, открывающиеся перед вашей дочерью. Похоже, брак в хорошей семье в деревне Тункоу ей обеспечен». Она наклонилась вперед и доверительно сообщила: «У меня есть там некоторый интерес. Всего через несколько лет я навещу вас и вашего мужа для заключения Договора о Родстве». Она снова выпрямилась и откашлялась. «Но сегодня я пришла, чтобы предложить союз иного рода. Как вы помните, в первый день, когда мы встретились, я увидела для Лилии возможность стать *лаотун*». Мадам Ван подождала, пока это дойдет до нашего сознания, затем продолжила: «Деревня Тункоу находится в сорока пяти минутах ходьбы отсюда. Большинство семей там из рода Лу. Среди них есть девочка, которая может стать для Лилии *лаотун*. Ее зовут Снежный Цветок».

Первый же мамин вопрос показал мне и всем остальным, что она не только не забыла о предложении, которое Мадам Ван сделала во

время своего первого визита, но и обдумывала эту возможность.

«А как насчет восьми знаков? — спросила Мама. Мягкость ее голоса плохо скрывала ее решимость. — Я не вижу проку в таком союзе, если восемь знаков не совпадают».

«Матушка, я бы не пришла к вам сегодня, если бы восемь знаков не совпадали, — спокойно ответила Мадам Ван. — Лилия и Снежный Цветок родились в год лошади, в одном месяце и, если обе матери сказали мне правду, в один и тот же день и час. У Лилии и Снежного Цветка одинаковое количество братьев и сестер, и каждая из них — третий ребенок в семье...»

«Но...»

Мадам Ван подняла руку, не давая моей матери продолжить.

«Я отвечу на ваш вопрос, прежде чем вы зададите его: да, третья дочь в семье Лу тоже ушла к предкам. Обстоятельства этого события не имеют значения, так как никто не думает о потере ребенка, тем более, дочери». — Мадам Ван посмотрела на Маму тяжелым взглядом, практически вынуждая ее заговорить. Когда Мама отвела взгляд, Мадам Ван продолжила: «Лилия и Снежный Цветок одинакового роста, одинаково красивы и, что самое важное, их ноги были перебинтованы в один день. Прадедущка Снежного Цветка имел ученую степень *цзиньши*, поэтому общественное и экономическое положение девочек не совпадают». Мадам Ван не надо было объяснять, что если в этой семье был среди предков императорский ученый самого высокого ранга, то она действительно зажиточная и обладает большими связями.

«Мать Снежного Цветка не возражает против этих рассуждений, поскольку обе девочки совпадают во многом».

Мама спокойно кивнула. Обезьяна в ней впитывала все вышесказанное, а мне хотелось взлететь со своего стула, побежать на берег реки и там кричать от волнения. Я взглянула на Тетю. Я ожидала увидеть провал ее рта, растянутый в улыбке, однако она держала рот крепко закрытым, как будто пыталась скрыть свое восхищение. Весь ее вид являл собой картину спокойствия и благовоспитанности, только ее пальцы нервно шевелились, напоминая стайку маленьких угрей. Тетя лучше всех нас понимала важность этой встречи. Я украдкой взглянула на Прекрасную Луну и Старшую Сестру. Их глаза сверкали, они были счастливы за меня.

О, у нас будет о чем поговорить сегодня вечером, когда взрослые пойдут спать!

«Хотя обычно я делаю такое предложение во время праздника Середины Осени^[10], когда девочкам исполняется восемь или девять лет, — заметила Мадам Ван, — в данный момент я чувствую, что заключение этого союза будет особенно благоприятно для вашей дочери. Она идеальна во многих отношениях, но ее обучение домоводству требует усовершенствования, чтобы соответствовать ведению домашнего хозяйства в семье более высокого положения».

«Моя дочь не такая, какой ей следовало бы быть, — согласилась Мама, сохраняя безразличный вид. — Она упряма и непослушна. Я не думаю, что это хорошая мысль. Лучше быть несовершенной гроздью винограда среди нескольких названных сестер, чем разочаровывать девочку высокого положения».

Мой недавний восторг поглотила черная пучина. Хотя я хорошо знала свою мать, я не была достаточно взрослой, чтобы понять: ее кислые слова являются частью переговоров. Точно так же, как я не знала, что многие подобные соображения будут высказаны, когда мой отец и сваха усядутся обсуждать мой предстоящий брак. Выставляя меня в недостойном виде, мои родители ограждали себя от жалоб, которые семья моего мужа или моей *лаотун* могли бы высказать в мой адрес. Таким образом они могли также урезать те тайные суммы, которые должны были свахе, и уменьшить стоимость моего приданого.

Сваха не была обескуражена. «Естественно, что вы так считаете. У меня тоже много подобных опасений. Но на сегодня хватит». Она помолчала немного, как бы раздумывая, хотя всем нам было ясно, что любое свое слово и любое свое действие она давным-давно обдумала и просчитала. Потом она пошарила в рукаве, вынула оттуда веер и подозвала меня к себе. Вручив мне веер, Мадам Ван поверх моей головы заговорила с моей матерью: «Вам требуется время, чтобы поразмыслить о судьбе вашей дочери».

Я раскрыла веер и жадно уставилась на слова, написанные на одной из его складок, и на гирлянду из листьев, украшавшую верхний край веера.

Мама сурово заметила: «Вы даете этот веер моей дочери, хотя мы с вами не обсудили ваше вознаграждение».

Мадам Ван отмахнулась от ее замечания, как от дурного запаха. «С ее браком будет то же самое. Я не возьму с вас никакой платы. Семья той девочки может заплатить мне. А если я подниму цену вашей дочери, поскольку она теперь будет *лаотун*, то плата за невесту со стороны семьи жениха возрастет. Меня это устраивает».

Мадам Ван встала и сделала несколько шагов по направлению к лестнице. Затем она остановилась, положила руку на плечо Тети и громко произнесла: «Вы все должны иметь в виду еще одно. Эта женщина хорошо управилась со своей дочерью, а как я вижу, Лилия и Прекрасная Луна очень близки. Если мы придем к соглашению по поводу союза *лаотун* для Лилии, который поможет укрепить ее шансы на брак в Тункоу, я подумаю также и о браке для Прекрасной Луны».

Такая возможность привела всех нас в изумление. Я забыла обо всех внешних приличиях и повернулась к Прекрасной Луне, которая была так же взволнована, как я сама.

Мадам Ван подняла руку и изогнула ладонь в форме полумесяца: «Разумеется, возможно, вы уже договорились с Мадам Гао. Мне бы не хотелось никоим образом вмешиваться в ее местные (она разумела — низшие) дела».

Эти слова ясно показали, что моей матери не следует равняться в искусстве устройства сделок с Мадам Ван, которая теперь обратилась прямо к Маме:

«Я полагаю, что по этому вопросу решение принимают женщины, это одна из немногих проблем, которую вы можете решить сами ради вашей дочери и, возможно, вашей племянницы. Тем не менее, Отец тоже должен согласиться, прежде чем мы предпримем следующие шаги. Мать, я покидаю вас и даю последний совет: просите его о согласии, когда будете с ним в постели».

Пока Мама и Тетя провожали сваху к ее паланкину, мы с Прекрасной Луной и Старшей Сестрой стояли посреди комнаты, обнявшись, и взволнованно болтали между собой.

Могут ли все эти чудеса произойти со мной? Выйдет ли Прекрасная Луна замуж в Тункоу? Будем ли мы и в самом деле вместе всю оставшуюся жизнь? Старшая Сестра, которая испытывала горькое чувство относительно своей судьбы, искренне желала, чтобы все предложения свахи осуществились, так как понимала, что это принесет благо всей нашей семье.

Мы, маленькие девочки, были сильно взбудоражены, но знали, как надо себя вести. Мы с Прекрасной Луной сели, чтобы дать отдых нашим ногам.

Старшая Сестра наклонилась к вееру, который я все еще держала в руках. «Что здесь написано?»

«Я не могу все прочитать. Помоги мне».

Я открыла веер. Старшая Сестра и Прекрасная Луна заглянули в него через мое плечо. Мы все пристально вглядывались в иероглифы, выискивая знакомые слова: *девочка, хорошая, женщины, дом, ты, я.*

Тетя поспешила прийти к нам наверх, понимая, что может помочь. Она пальцем указывала на каждый иероглиф. Я запоминала написанные слова: «*Я знаю, в вашем доме есть девочка с хорошим характером и обученная домоводству. Ты и я родились в один год и в один день. Не можем ли мы стать двумя половинками?*»

Прежде чем разрешить мне ответить девочке по имени Снежный Цветок, моя семья должна была многое оценить. Хотя Старшая Сестра, Прекрасная Луна и я не имели права голоса, мы слушали, как Мама и Тетя обсуждали возможные последствия союза *лаотун*. Моя мать была проницательной женщиной, но Тетя происходила из семьи лучшей, чем наша, и ее образование было более глубоким. При этом Тетя занимала самое низкое положение среди женщин в нашей семье, поэтому ей приходилось быть осторожной в своих высказываниях, особенно теперь, когда моя мать имела власть над ее жизнью.

«Союз *лаотун* так же важен, как хороший брак», — говорила Тетя, чтобы начать разговор. Она обычно повторяла многие из аргументов свахи, но всегда возвращалась к этому утверждению, которое считала самым важным: союз *лаотун* заключают по своему выбору для душевного общения и вечной верности. А брак заключают не по своему выбору и с одной целью — иметь сыновей».

Услышав эти слова, Мама старалась утешить свою невестку. «У тебя есть Прекрасная Луна. Она хорошая девочка и делает всех счастливыми».

«И она покинет меня навеки, когда выйдет замуж. А твои два сына будут жить с тобой до конца твоей жизни».

Каждый день они приходили к этому печальному месту в своем диалоге, и каждый день моя мать старалась повернуть разговор в практическое русло.

«Если Лилия станет *лаотун*, у нее не будет названных сестер. Все женщины в нашей семье...»

«...имели названных сестер», — так Мама намеревалась закончить фразу, но Тетя закончила ее по-иному: «...могут исполнять обязанности ее названных сестер при необходимости. Если тебе покажется, что нам понадобится больше девочек, когда придет время Сидения и Пения в Верхней Комнате перед свадьбой Лилии, ты сможешь пригласить незамужних дочерей наших соседей».

«Эти девочки плохо ее знают», — сказала Мама.

«Но ее *лаотун* будет хорошо ее знать. К тому времени, когда они выйдут замуж, они будут знать друг друга лучше, чем я знаю собственного мужа».

Тетя помолчала, как она всегда делала, когда разговор доходил до этой точки.

«У Лилии есть возможность пойти по пути, который будет отличаться от пути, пройденного тобой или мной, — продолжала она, немного помолчав. — Союз *лаотун* увеличит ее ценность и покажет людям в Тункоу, что она достойна хорошего жениха из их деревни. А поскольку союз между двумя половинками заключается на всю жизнь и не меняется с их замужеством, связи с людьми из Тункоу будут крепнуть, и твой муж, и мы все будем под их защитой. Все это поможет Лилии занять надежное место в женской половине дома ее мужа. Она не будет женщиной, изуродованной безобразным лицом или безобразными ногами. Она будет женщиной с совершенными «золотыми лилиями», которая уже доказала свою верность, преданность и умение писать на нашем таймом языке в достаточной степени, чтобы иметь *лаотун* — девочку из их собственной деревни».

Вариации этого разговора были бесконечными, и я слышала их каждый день, я только не слышала, как все это было преподнесено моему отцу, когда Мама и Папа лежали в постели. Этот союз стоил бы моему отцу дополнительных расходов — на постоянный обмен подарками между нами, двумя половинками, и нашими семьями, на еду и воду во время пребывания Снежного Цветка в нашем доме, на мое путешествие в Тункоу — на это у него денег не было. Но как сказала Мадам Ван, Мама должна была убедить Папу в том, что это хорошая идея. А Тетя нашептывала Дяде в ушко, что будущее

Прекрасной Луны тесно связано с моим. Все, кто говорит, что у женщин нет влияния на мужчин, допускают большую ошибку.

Постепенно моя семья сделала желанный для меня выбор. Вопрос заключался в том, как мне следует сообщить об этом Снежному Цветку. Мама помогла мне расшить пару туфельек, над которыми я трудилась, чтобы послать их Снежному Цветку в качестве первого подарка, но она не могла помочь мне написать ответ. Обычно ответ писали на новом веере, который впоследствии становился частью свадебных подарков. Я же задумала нечто иное, полностью нарушавшее традицию.

Когда я посмотрела на гирлянду, вытканную по верху веера, присланного Снежным Цветком, я вспомнила старую поговорку: «Гиацинты и папайя, длинные лозы, глубокие корни. Пальмовые деревья в саду за стенами, с длинными корнями стоят тысячу лет». Для меня это означало, что я хотела, чтобы наши отношения были глубокими, тесными, вечными. Я хотела, чтобы этот веер стал символом наших отношений. Мне было всего семь с половиной лет, но я представляла себе, чем станет веер со всеми его тайными посланиями.

Когда я решила написать ответ на веере Снежного Цветка, я попросила Тетю помочь мне составить послание на правильном *нушу*. Целыми днями мы обсуждали варианты. При том, что я была очень решительна в отношении веера, мне следовало быть по возможности традиционной в своем тайном послании. Тетя написала слова, которые устроили нас обеих, и я начала упражняться в каллиграфии, пока она не стала вполне сносной.

Когда я была удовлетворена своим чистописанием, я растерла чернильный порошок на чернильном камне, смешивая его с водой, пока она не стала совсем черной. Я взяла кисточку, держа ее прямо между большим, указательным и средним пальцами, и окунула ее в чернила. Сначала я нарисовала маленький подснежник среди гирлянды из листьев на веере. Для своего послания я выбрала место на складке веера, следующей за той, где было красивое послание Снежного Цветка. Я начала с традиционного вступления, а затем написала фразы, обычные для такого послания:

Я пишу тебе. Пожалуйста, послушай меня. Хоть я и бедна, хоть я и неподходящая для тебя, хоть я и недостойна высоких ворот твоего дома, я пишу тебе сегодня, чтобы сказать, что наш союз был предопределен судьбой. Твои слова заполняют мое сердце. Мы с тобой, как пара уточек-мандаринок. Мы — мост над рекой. Все люди будут завидовать нашему союзу. Да, мое сердце бьется рядом с твоим.

Естественно, я не испытывала *всех* этих чувств. Как мы могли испытывать глубокую любовь, дружбу и брать на себя вечные обязательства, когда нам было всего по семь лет? Мы даже не встречались, а если бы и встретились, все равно ничегошеньки не понимали в подобных чувствах. Это были просто слова, написанные в надежде, что когда-нибудь они станут правдой.

Я завернула веер и пару туфельек для бинтованных ног, которые сделала сама, в кусок материи. Теперь, когда мои руки остались без дела, мои мысли начали метаться в беспокойстве о многих вещах.

Что если мое происхождение слишком низкое для семьи Снежного Цветка? Что если они посмотрят на мою каллиграфию и поймут, насколько я ниже их? Что если примут мое нарушение традиции за плохие манеры? Будут ли они возражать против такого союза? Эти беспокойные мысли — духи лисицы, как моя мать их называла, преследовали меня постоянно, но я могла лишь ждать, продолжая трудиться в женской комнате и давать отдых своим ногам, чтобы кости срослись правильно.

Когда Мадам Ван увидела, что я проделала с веером, она сначала неодобрительно поджала губы. Затем, после продолжительного молчания, она понимающе кивнула. «Это будет на самом деле совершенный союз. Эти две девочки не только две половинки но своим восьми знакам, они обе настоящие лошади по своему духу. Это будет... интересно». Она произнесла это последнее слово почти как вопрос, что, в свою очередь, заставило меня еще больше заинтересоваться Снежным Цветком.

«Следующим шагом будет заключение официального соглашения. Я предлагаю отвезти обеих девочек на ярмарку Храма Гупо в Шэся для

подписания договора. Мать, я позабочусь о перевозке обеих девочек. Идти пешком им придется немного».

С этими словами Мадам Ван связала в узелок веер и туфельки и взяла их с собой, чтобы отдать моей будущей *лаотун*.

Снежный Цветок

Следующие несколько дней мне было очень трудно сидеть спокойно и залечивать свои ноги, как мне полагалось; я могла думать только о своей встрече со Снежным Цветком. Даже Мама и Тетя были охвачены этим ожиданием и строили предположения о том, что именно нам со Снежным Цветком следует написать в нашем договоре, хотя ни одна из них никогда ни одного договора не видела. Когда паланкин Мадам Ван остановился у нашего дома, я уже была вымыта и одета в простую деревенскую одежду. Мама отнесла меня вниз, потом на улицу. Через десять лет, когда я буду выходить замуж, я совершу подобное путешествие к паланкину. Тогда я буду страшиться новой жизни, расстилающейся передо мной, и горевать от разлуки со всем тем, что мне знакомо. Но ожидая встречи со Снежным Цветком, я испытывала головокружение от нервного возбуждения. Понравлюсь ли я ей?

Мадам Ван открыла дверцу паланкина, Мама посадила меня внутрь, и я очутилась в тесном пространстве. Снежный Цветок была намного красивее, чем я себе воображала. Глаза у нее были, как две совершенные миндалины, а кожа бледная. Было видно, что она не проводила так много времени на улице, как я, в свои молочные годы. Прямо за ней висел занавес красного цвета, и на ее черные волосы падал розовый отсвет. Она была одета в шелковую рубашку небесно-голубого цвета с узором из облаков. Из-под ее штанин выглядывали туфельки, которые я сделала для нее. Она ничего не сказала. Возможно, она нервничала, как и я. Она улыбнулась мне, и я улыбнулась ей в ответ.

В паланкине было всего одно сиденье, поэтому нам пришлось потесниться. Чтобы сохранить равновесие, Мадам Ван села посередине. Носильщики подняли паланкин, и вскоре уже быстро шагали по мосту, который вел прочь из Пувэя. До этого мне никогда не приходилось сидеть в паланкине. У нас было четверо носильщиков, которые старались бежать так, чтобы паланкин раскачивался как можно меньше, но от задернутых занавесок, от жаркого дня, от своего собственного волнения и от странного ритма нашего движения меня тошнило. Я никогда не бывала далеко от дома, поэтому, даже если бы и

выглянула наружу, то не знала бы, где нахожусь, и сколько нам еще предстоит путешествовать. Я слышала раньше о празднике Храма Гупо. Кто о нем не слышал? Женщины ходили туда каждый год на десятый день пятого месяца, чтобы помолиться о рождении сыновей. Говорили, что тысячи людей приезжали на эту ярмарку. Все это было за гранью моего понимания. Когда до меня начали доноситься новые звуки — звяканье колокольчиков на конных повозках, крики носильщиков: «С дороги!», голоса уличных продавцов, уговаривающих покупателей купить благовонные палочки, свечи и другие подношения, которые можно было возложить на алтарь в храме, я поняла, что мы достигли места назначения.

Паланкин остановился, и носильщики опустили его, сильно ударив о землю. Мадам Ван перегнулась через меня, открыла дверцу паланкина, приказала нам сидеть смирно и вышла. Я закрыла глаза, радуясь тому, что качка закончилась, и стараясь успокоить свой желудок, когда чей-то голосок высказал мои мысли вслух: «Я так рада, что мы остановились. Мне казалось, меня вырвет. Что бы ты обо мне тогда подумала?»

Я открыла глаза и посмотрела на Снежный Цветок. Ее белое лицо позеленело, как, мне думалось, и мое собственное, но в ее глазах было откровенное любопытство. Она заговорщицки втянула голову в плечи, улыbnулась с таким видом, который, как я скоро узнала, означал, что мы накличем неприятности на свою голову, потеряла занавеску и сказала: «Давай посмотрим, что там снаружи».

Ключом к совпадению наших восьми знаков было то, что мы обе родились в год лошади. Это означало, что мы обе тосковали по приключениям. Она снова посмотрела на меня, измеряя степень моей храбрости, которая, я вынуждена признать, совсем испарилась. Я глубоко вздохнула и быстро передвинулась на ее сторону паланкина. Снежный Цветок подняла занавес. Теперь я могла совместить лица и голоса, которые я слышала, но помимо этого, перед моим взором предстали удивительные картины. Люди Яо соорудили из ткани торговые палатки, украшенные колышущимися кусками материи, куда более разноцветными, чем те, что ткали Мама или Тетя. Мимо нас прошествовала группа музыкантов в ярких одеждах, направлявшаяся на оперное представление. Прошел мужчина со свиньей на привязи. Мне никогда не приходило в голову, что кто-то приводит свиней на

ярмарку, чтобы их продать. Через каждые несколько секунд мимо нас проносили паланкины. В каждом из них, как мы предполагали, находились женщины, прибывшие возложить дары Гупо. По улицам сновали множество женщин — названные сестры, которые вышли замуж в разные деревни и могли в этот день встретиться вновь. Они были одеты в свои лучшие юбки и старательно вышитые головные уборы. Они стайками семенили по улицам на своих «золотых лилиях». Там было так много красивого, что надо было впитать в себя, и впечатление от этой красоты усиливал невероятно сладкий запах, который проникал к нам в паланкин, дразня мое обоняние и успокаивая желудок.

«Ты бывала здесь раньше?» — спросила Снежный Цветок. Когда я отрицательно покачала головой, она затараторила: «Я приезжала сюда с моей матерью несколько раз. Мы всегда здесь веселились. Мы ходили в храм. Как ты думаешь, мы пойдем туда сегодня? Наверное, нет. Туда слишком долго идти, но я надеюсь, что мы пойдем к ларьку, где продают таро. Мама всегда водит меня туда. Чувствуешь запах? Старик Цзо — он и есть владелец палатки — делает самое вкусное угощение в уезде».

Она была здесь *много раз!* Снежный Цветок продолжала тараторить: «Вот что он делает. Он обжаривает кубики таро, пока они не станут мягкими внутри, но твердыми и хрустящими снаружи. Потом он расплавляет сахар на большой сковородке на сильном огне. Ты когда-нибудь ела сахар, Лилия? Эта самая лучшая вещь в мире. Он нагревает сахар до тех пор, пока тот не станет коричневым, потом кидает туда обжаренные кусочки таро и поворачивает их там, пока они не покроются сахарной корочкой. Кладет их на тарелку и ставит на стол вместе с миской холодной воды. Ты не поверишь, до чего горячо таро в расплавленном сахаре. Оно может прожечь дырку у тебя во рту, если ты попробуешь есть его просто так, поэтому его надо взять палочками и опустить в воду. *Крак, крак, крак!* Так трещит сахар, когда он затвердевает. И когда ты вгрызаешься в него, ты сначала раскусываешь сахарную скорлупу, потом хрустящую корочку таро, а потом добираться до мягкой середины. Тетушка *должна* отвести нас туда, ты согласна?»

«Тетушка?»

«Ты *говоришь*? Я думала, что ты умеешь только писать красивые слова».

«Возможно, я не говорю так много, как ты», — спокойно ответила я, хотя чувства мои были задеты. Она была правнучкой императорского ученого и знала намного больше, чем дочь простого крестьянина.

Снежный Цветок взяла меня за руку. Ее руки были сухими и горячими, ее *чи* пылала. «Не волнуйся. Мне все равно, если ты тихоня. Моя болтовня всегда приводит меня к беде, потому что я не думаю перед тем, как сказать, а ты будешь идеальной женой, которая всегда аккуратно выбирает слова».

Вы понимаете? В первый же день мы поняли друг друга, но удержало ли это нас от ошибок в будущем?

Мадам Ван открыла дверцу паланкина: «Девочки, пошли. Все готово. До нашей цели всего десять шагов. Будь их больше, я бы нарушила обещание, данное вашим матерям».

Мы находились недалеко от палатки, где продавали бумагу. Палатка была украшена красными лентами, двустигиями с добрыми пожеланиями, красными и золотыми символами двойной удачи^[11] и раскрашенными изображениями богини Гупо. Стол, стоявший у входа, был завален самыми яркими из товаров. Проходы с двух сторон давали покупателям возможность войти в палатку, защищенную от уличного шума и гама тремя длинными столами, стоявшими по сторонам. В центре палатки находился маленький стол с чернильницей, кисточками и двумя стульями с прямыми спинками. Мадам Ван сказала, чтобы мы выбрали лист бумаги для нашего договора. Как и всем детям, мне редко приходилось что-либо выбирать, пожалуй, только какой-нибудь овощ из общей миски после того, как Папа, Дядя, Старший Брат и все старшие члены нашей семьи уже воткнули свои палочки в блюдо. Теперь я была ошеломлена возможностью выбора, мне хотелось потрогать все, что было в палатке, в то время как Снежный Цветок, семилетняя девочка, была разборчива, демонстрируя свое хорошее воспитание.

Мадам Ван сказала: «Помните, девочки, сегодня за все плачу я. Можно выбрать только что-нибудь одно. У вас есть еще дела, поэтому не тратьте время зря».

«Конечно, Тетушка», — ответила Снежный Цветок за нас обеих. Потом она спросила меня: «Какая тебе нравится?» Я указала на большой лист бумаги, который из-за своих размеров казался наиболее соответствующим важности события.

Снежный Цветок провела указательным пальцем по золоченому обрезу. «Качество позолоты плохое», — сказала она. Затем подняла лист над головой. «Бумага такая же тонкая и прозрачная, как мушиное крылышко. Посмотри, как солнце просвечивает сквозь нее». Она положила лист на стол и посмотрела мне в глаза серьезным взглядом. «Нам нужно что-нибудь такое, что вечно будет указывать на совершенный характер и длительность нашего союза».

Я едва могла уразуметь ее слова. Она говорила на чуть ином диалекте, чем мы в Пувэе, но это было не единственной причиной моего недопонимания. Я была грубой и глупой, она была утонченной, и ее домашнее обучение выходило далеко за пределы того, что знали моя мать и моя тетка.

Снежный Цветок затащила меня в глубину палатки и прошептала: «Они всегда держали то, что получше, здесь». А потом своим обычным голосом: «Моя половинка, как тебе нравится это?»

Впервые меня попросили посмотреть — действительно *посмотреть* — на что-то, и я посмотрела. Даже своим непросвещенным глазом я могла заметить разницу между тем, что я выбрала на уличной стороне палатки, и тем, что выбрала Снежный Цветок. Ее лист был меньшего размера и менее яркой расцветки.

«Потрогай его», — сказала она.

Я взяла лист в руки — он казался очень прочным на ощупь — и подняла его к солнечному свету, как это сделала Снежный Цветок. Бумага была такой плотной, что свет проходил сквозь лист слабо, как красный отсвет.

В молчаливом согласии мы вручили бумагу торговцу. Мадам Ван заплатила за нее и за то, чтобы мы написали наш договор на столике в середине палатки. Снежный Цветок и я уселись друг напротив друга.

«Как ты думаешь, сколько девочек сидели на этих стульях и писали свои договоры? — спросила Снежный Цветок. — Мы должны составить самый лучший договор из всех». Она немного нахмурилась и спросила: «Что в нем, по-твоему, должно быть?»

Я подумала обо всем том, что предлагали Мама и Тетя. «Мы с тобой еще девочки, — сказала я, — поэтому должны следовать правилам...»

«Да, да, это все обычные вещи, — сказала Снежный Цветок чуть нетерпеливо, — но разве ты не хочешь, чтобы там говорилось о нас обеих?»

Я была не уверена в себе, а она, казалось, знала так много. Она бывала здесь прежде, а я нет. Она, похоже, знала, что следует включить в наш договор, а я лишь могла полагаться на слова моей матери и Тети, которые только *воображали* себе, каким должно быть соглашение. Каждое мое предложение было похоже на вопрос.

«Мы станем *лаотун* на всю жизнь? Мы будем всегда верны друг другу? Мы будем вместе заниматься домашней работой в верхней комнате?»

Снежный Цветок устремила на меня свой взор, такой же прямой, каким она посмотрела на меня в паланкине. Я не могла понять, о чем она думает. Я сказала что-то не то? Я сказала как-то не так?

Секунду спустя она взяла кисточку и обмакнула ее в чернила. Вне зависимости от всех моих сегодняшних промахов, Снежный Цветок еще по нашему вееру поняла, что моя каллиграфия не так хороша, как ее. Но когда она начала писать, я увидела, что она приняла мои предложения. Мои чувства и ее красивое изложение слились воедино, создав одну общую мысль.

Мы верили в то, что наши чувства, запечатленные на листе бумаги, будут длиться вечно, но мы не могли предвидеть всех жизненных перипетий, которые ожидали нас. Все же я помню многое из нашего договора. Как же мне не помнить? Его слова шли из моего сердца.

Мы, Снежный Цветок из деревни Тункоу и Лилия из деревни Пувэй, будем верны друг другу. Мы будем утешать друг друга добрыми словами. Мы будем снимать тяжесть друг у друга с души. Мы будем шептаться и вышивать вместе в женской комнате. Мы будем упражняться в «Трех Повиновениях» и «Четырех Добродетелях». Мы будем следовать наставлениям Конфуция,

записанным в «Образце для женщин», соблюдая правила поведения безупречной женщины. Сегодня мы, Снежный Цветок и Лилия, сказали правду. Мы поклялись в нашем союзе. На десять тысяч *ли*^[12] мы будем как два потока, сливающихся в одну реку, как два цветка в одном саду. Никогда мы не отступимся друг от друга, никогда между нами не будет произнесено ни одного резкого слова. Мы — две половинки до самой смерти. Наши сердца радуются.

Мадам Ван с важностью наблюдала, как мы обе написали наши имена внизу на *нушу*. «Я счастлива, что вы заключили союз *лаотун*, — провозгласила она. — Как и в браке между мужчиной и женщиной, добрые люди сходятся с добрыми людьми, красивые с красивыми, умные с умными. Но в отличие от брака — этот союз особенный. Не допускается, — тут она позволила себе слегка хихикнуть, — никаких наложниц. Вы понимаете, девочки, что я имею в виду? Это союз двух сердец, который не могут разрушить ни расстояние, ни несогласие, ни одиночество, ни более высокое положение в браке, и в этом союзе не допускается другим девочкам — а позднее женщинам — встать между вами».

Мы снова прошли десять шагов до нашего паланкина. Так много месяцев ходьба была мучением, но сейчас я чувствовала себя, как Яо Нянь, первая женщина с крошечными ножками. Когда она танцевала на золотом лотосе^[13], казалось, что она плывет на облаке. Каждый мой шаг делал меня счастливой.

Носильщики отнесли нас к центру ярмарки. На этот раз, выйдя из паланкина, мы оказались прямо посреди рыночной площади. Чуть приподнявшись, я смогла увидеть красные стены храма, позолоченную резьбу и крышу из зеленой черепицы. Мадам Ван сунула нам по монетке и велела купить подарки, чтобы отпраздновать этот день. Если мне никогда не приходилось выбирать, то, конечно же, мне никогда не предоставлялась и возможность тратить деньги. В одной руке я сжимала монету, а другой держалась за руку Снежного Цветка. Я пыталась придумать, что захочет купить эта девочка, стоявшая рядом со мной, но вокруг было так много чудесных вещей, и от этого разнообразия у меня закружилась голова.

К счастью, Снежный Цветок снова взяла инициативу на себя, взвизгнув: «Я знаю, что нам нужно!» Она сделала пару поспешных шажков, словно собиралась побежать, но споткнулась. «Иногда я совсем забываю про свои ноги», — сказал она, и лицо ее напряглось от боли.

Должно быть, мои ноги выздоравливали немного быстрее, чем у нее, и я была капельку разочарована, что мы не сможем осмотреть столько, сколько нам — мне — хотелось.

«Мы пойдем медленно, — сказала я. — Нам не нужно осматривать сегодня все, потому...» «Потому что мы будем приезжать сюда каждый год, пока будем живы», — закончила за меня Снежный Цветок и сжала мою руку.

Что за зрелище мы с ней, должно быть, представляли: две половинки на своей первой прогулке, пытающиеся удержаться на упомянутой формы ногах, и только веселость хранит их от падения, да пожилая женщина в яркой одежде, покрикивающая: «Прекратите так себя вести, или мы сейчас же отправимся домой!» К счастью, нам не надо было идти далеко. Снежный Цветок потащила меня к палатке, где продавались принадлежности для вышивания.

«Мы с тобой — две девочки, и мы находимся в нашем дочернем возрасте, — говорила Снежный Цветок, в то время как ее глаза осматривали радугу разноцветных ниток, разложенных на прилавке. — Пока мы не выйдем замуж, мы будем сидеть в женской комнате, вместе ходить в гости, вместе вышивать, вместе шушукаться. Если мы тщательно все выберем, у нас останется такая память о сегодняшнем дне, которой хватит на долгие годы».

В палатке мы быстро пришли к соглашению. Нам понравились одни и те же цвета, но мы также выбрали и другие, которые были нам не по сердцу, но, тем не менее, подходили для того, чтобы вышить деталь листика или тень от цветка. Мы отдали наши монетки и вернулись к паланкину с покупками в руках. Когда мы были уже внутри, Снежный Цветок принялась умолять Мадам Ван доставить нам еще одно удовольствие. «Тетушка, ну, пожалуйста, отведите нас к продавцу таро. Пожалуйста, Тетушка, ну, пожалуйста». Сообразив, что Снежный Цветок пользуется этим почетным обращением для того, чтобы смягчить суровость Мадам Ван, и воодушевившись смелостью моей *лаотун*, я присоединилась к ее просьбам: «Пожалуйста, Тетушка,

ну, пожалуйста!» Мадам Ван не могла сказать нет, когда по обеим сторонам сидели девочки, теребили ее за рукава и умоляли еще об одном сумасбродстве, как это мог делать только старший сын.

Наконец она сдалась, предупредив нас, что подобное больше не повторится. «Я всего лишь бедная вдова, и пустая трата денег на двух никчемных девочек нанесет урон моей репутации в уезде. Вы хотите довести меня до нищеты? Вы хотите, чтобы я умерла в одиночестве?» Она говорила все это в своей обычной резкой манере, но на самом деле, когда мы добрались до палатки продавца таро, там все было приготовлено для нас. Был накрыт низкий стол, рядом стояли три маленькие бочки для сидения.

Хозяин вынес живого цыпленка и показал его нам. «Я всегда выбираю для вас самого лучшего, Мадам Ван», — сказал Старик Цзо. Через несколько минут он принес специальный горшок, который снизу подогревался углем. Внутри кипел бульон, а в нем был имбирь, лук и разделанный цыпленок, которого мы только что видели. На столе стоял соус из имбиря, чеснока, лука и горячего масла. Нашу трапезу завершал свежий зеленый горошек, тушенный с цельными зубчиками чеснока, разложенный на деревянной тарелке. Мы ели с увлечением, выжывая палочками вкусные кусочки цыпленка, с удовольствием жевали и выплевывали косточки на землю. Еда была чудесной, но я все же оставила у себя место для таро, о котором Снежный Цветок упоминала раньше. Все, что она рассказывала, было правдой: и сахар трещал, попав в холодную воду, и таро хрустело у меня во рту, и серединка его была необыкновенно мягкой.

Так же, как я делала это дома, я взяла чайник и налила нам всем троим чаю. Когда я поставила чайник на место, то услышана, как Снежный Цветок неодобрительно втянула в себя воздух. Я опять что-то сделала неправильно, только не знала, что именно. Она положила свою руку поверх моей, поднесла ее к чайнику, и мы вместе повернули его так, что его носик больше не указывал на Мадам Ван.

«Это невежливо, когда носик чайника указывает на кого-нибудь», — мягко заметила Снежный Цветок.

Мне бы следовало устыдиться. Но вместо этого я чувствовала лишь восхищение воспитанием моей *лаотун*.

Вернувшись к паланкину, мы нашли носильщиков спящими, но громкий голос Мадам Ван разбудил их, и вскоре мы уже были на пути

домой. Мадам Ван позволила нам сидеть рядом, хотя это и нарушило равновесие паланкина, увеличивая его тяжесть для носильщиков. Я оглядываюсь назад и вижу, какими мы были юными просто две девчушки, хихикающие по любому пустяку. Мы разбирали наши нитки, держались за руки, выглядывали наружу, когда Мадам Ван дремала, и наблюдали за тем, что проплывало за нашими окошками.

Мы были так увлечены, что ни одна из нас не почувствовала тошноты в раскачивающемся паланкине, который несли по ухабистой дороге.

Это было наше первое путешествие в Шэся и в Храм Гупо. На следующий год Мадам Ван снова взяла нас туда, и мы совершили наши приношения в храме. Она сопровождала нас в Шэся почти каждый год, пока не закончились наши дочерние годы. После того как мы со Снежным Цветком вышли замуж, мы каждый год встречались в Шэся, если позволяли обстоятельства, и всегда совершали приношения в храме, чтобы у нас были сыновья, всегда заходили к торговцу нитками, чтобы продолжать работать над своими вышивками в одной цветовой гамме, всегда вспоминали подробности нашей первой поездки и всегда приходили к Старику Цзо, чтобы отведать таро в сахаре под конец дня.

Мы добрались до Пувэя в сумерки. В этот день я совершила нечто большее, чем просто приобрела подругу вне моего родного дома. Я подписала договор, по которому я становилась половинкой другой девочки. Мне не хотелось, чтобы этот день заканчивался, но я знала, что это произойдет, как только мы доберемся до моего дома. Я представляла себе, как мы расстаемся, как носильщики уносят Снежный Цветок вниз по улице, и она лишь машет мне рукой на прощанье из-за развевающихся на ветру занавесок, а потом паланкин скрывается за углом. Но я узнала, что мое счастье еще не кончилось.

Мы остановились, и я вышла из паланкина. Мадам Ван велела Снежному Цветку выйти тоже. «До свидания, девочки. Я вернусь через несколько дней, чтобы забрать Снежный Цветок». Она нагнулась, ущипнула щеку моей половинки и добавила: «Веди себя хорошо. Не жалуйся. Смотри во все глаза, слушай во все уши и учись. Пусть твоя мать гордится тобой».

Как мне описать, что я почувствовала, когда мы обе остались стоять у порога дома? Я была вне себя от счастья, но я знала, что

ожидает нас внутри. Как бы я ни любила свою семью и свой дом, я понимала, что Снежный Цветок привыкла к лучшему. А она не взяла с собой никакой одежды или других принадлежностей туалета.

Мама вышла нам навстречу. Она поцеловала меня, потом она взяла Снежный Цветок за плечи и перевела ее через порог. Пока меня не было дома, Мама, Тетя и Старшая Сестра хорошо потрудились, чтобы привести в порядок главную комнату. Вся рвань была убрана, висящая одежда снята с веревок, а тарелки расставлены по местам. Плотный утрамбованный грязный пол был подметен и обрызган водой — так он становился прохладнее.

Снежный Цветок встретили все члены моей семьи, даже Старший Брат. Когда подали обед, Снежный Цветок сначала опустила свои палочки в чашку с чаем, чтобы очистить их, но если не считать этого маленького жеста, который указывал на утонченность манер, которых моя семья не знала, она изо всех сил старалась скрыть свои чувства. Однако моя душа уже знала Снежный Цветок слишком хорошо. Она просто старалась не замечать плохого. На мой взгляд, она была явно устрашена тем, как мы живем.

Этот день был долгим, и мы устали. Когда пришло время идти наверх, у меня снова упало сердце, но женщины постарались прибрать и там. Постельные принадлежности были проветрены, весь беспорядок от нашей каждодневной работы был ликвидирован, вещи сложены в аккуратные стопки. Мама указала нам на таз с чистой водой, чтобы мы умылись, и на три комплекта одежды, два моих, один Старшей Сестры — все только что постиранные — для Снежного Цветка, чтобы она носила их, пока будет нашей гостьей. Я предоставила Снежному Цветку умыться первой, но она лишь слегка прикоснулась к воде, подозревая, как мне кажется, что таз недостаточно чистый. Ночную рубашку, которую я ей дала, она держала двумя пальцами, глядя на нее так, будто это была дохлая рыба, а не самая новая ночная рубашка Старшей Сестры. Она оглянулась, заметила наши взгляды, устремленные на нее, и, не говоря ни слова, надела ее. Мы забрались в постель. В эту ночь и все ночи, пока Снежный Цветок останется у нас, Старшая Сестра будет спать вместе с Прекрасной Луной.

Мама пожелала нам обоим спокойной ночи. Потом наклонилась, поцеловала меня и прошептала мне на ухо: «Мадам Ван сказала нам,

что надо делать. Будь счастлива, малышка, будь счастлива».

Вот так мы и остались лежать рядом друг с другом, укрывшись легким одеялом из хлопка. Мы были совсем маленькими девчушками и, даже ужасно устав, никак не могли перестать перешептываться. Снежный Цветок расспрашивала меня о моей семье, я расспрашивала о ее. Я рассказала о том, как умерла Третья Сестра. Она рассказала о том, как ее третья сестра умерла от кашля. Она спросила меня о нашей деревне, и я сказала ей, что название Пувэй на нашем наречии означает Деревня Обыкновенной Красоты. Она объяснила, что Тункоу означает Деревня Лесного Устья. Когда я приеду к ней в гости, я сама увижу, что это так и есть.

Лунный свет проникал сквозь зарешеченное окно, освещая лицо Снежного Цветка. Старшая Сестра и Прекрасная Луна уснули, но мы со Снежным Цветком продолжали болтать. Когда мы стали старше, нам было велено никогда не обсуждать свои бинтованные ноги, потому что это неприлично и неженственно, и к тому же эти разговоры только разжигают страсть в мужчинах. Но мы были еще девочками и находились в процессе бинтования наших ног. Для нас это еще не стало воспоминанием, как сейчас для меня, а боль и страдание были живы в то время. Снежный Цветок рассказала, как она пряталась от своей матери и просила своего отца пощадить ее. Отец почти согласился, что приговаривало Снежного Цветка к жизни старой девы в доме ее родителей или к жизни служанки в чужом доме.

«Но когда мой отец начал курить свою трубку, — объяснила Снежный Цветок, — он забыл о своем обещании. Когда его голова затуманилась, моя мать и тетя привели меня наверх и привязали к стулу. Поэтому, как и тебя, меня перебинтовали на год позже». Это не означало — раз ее судьба была решена, — что она смирилась с этим. Нет, она сопротивлялась всему в первые месяцы, и даже однажды сдернула с себя все бинты. «Моя мать перебинтовала мои ноги еще крепче, чем прежде, а меня привязала к стулу».

«Нельзя бороться с судьбой, — сказала я. — Она predetermined».

«Моя мать говорит то же самое, — ответила Снежный Цветок. — Она отвязывала меня от стула только для ходьбы по комнате, чтобы мои кости сломались, или отпускала на горшок. Я все время сидела у зарешеченного окошка и смотрела на улицу. Я наблюдала за

пролетающими птицами. Я следила за облаками. Я видела, как луна становится все больше, а потом уменьшается, словно тает. Так много всего происходило за моим окном, что я почти забывала о том, что происходит в комнате».

Как эти ее чувства напугали меня! Она обладала истинной независимостью, присущей знаку лошади, но только у ее лошади были крылья, которые несли ее высоко над землей, в то время как моя лошадь имела приземленный характер. Но это неприятное ощущение где-то в глубине желудка — что-то похожее на удары о стены, в которые была заключена наша предопределенная жизнь, — вызывало во мне внутренний трепет, который со временем превратился в затаенное стремление к свободе.

Снежный Цветок придвинулась ближе ко мне, так что мы лежали лицом друг к другу. Она положила свою руку на мою щеку и сказала: «Я счастлива, что мы с тобой — две половинки». Потом она закрыла глаза и заснула.

Я лежала рядом с ней, смотрела на ее лицо в лунном свете, ощущала легкое прикосновение ее маленькой руки к моей щеке, слушала ее дыхание, которое становилось глубже, и размышляла над тем, сумею ли я заставить ее полюбить меня так, как мне мечталось.

Любовь

Считается, что мы, женщины, начинаем любить наших детей сразу после их рождения, но кто из нас не испытывал разочарования при виде новорожденной дочери или не чувствовал, как мрак окутывает душу, когда даже твой бесценный сын кричит без конца, а твоя свекровь смотрит на тебя так, будто у тебя молоко кислое? Мы можем любить наших дочерей всем сердцем, но мы вынуждены воспитывать их через боль. Мы любим своих сыновей больше всего на свете, но мы никогда не станем частью их мира, внешнего мира мужчин. Считается, что мы должны любить наших мужей со дня заключения Договора о Родстве, хотя мы не увидим их еще целых шесть лет. Нам велят любить наших родственников со стороны мужа, но мы входим в их семьи, как чужие, у нас самое низкое положение в доме, чуть выше служанки. Нам приказывают любить и почитать предков наших мужей, поэтому мы совершаем надлежащие ритуалы, даже если наши сердца втихомолку возносят благодарность нашим собственным предкам. Мы, женщины, любим своих родителей, потому что они заботятся о нас, но нас считают никчемными ветками на семейном дереве. Мы опустошаем семейные запасы. Наши семьи воспитывают нас для других семей. Как бы мы ни были счастливы в наших родных семьях, мы все знаем, что расставание неизбежно. Поэтому мы любим наши семьи, но понимаем, что эта любовь утонет в печали расставания. Все эти виды любви проистекают из чувства долга, уважения и благодарности. И как известно женщинам в нашем уезде, большинство наших привязанностей становится источниками печали, разлук и жестокости.

Но любовь между двумя половинками — это нечто совершенно иное. Как сказала Мадам Ван, союз *лаотун* заключается по выбору. Пусть это правда, что мы со Снежным Цветком не придавали практического значения каждому слову, которое написали в нашем первом послании на веере, все же, когда мы впервые посмотрели друг другу в глаза в паланкине, я почувствовала, как что-то особенное возникло между нами, словно искра, из которой разгорается пламя, или зернышко, из которого вырастает рисовое поле.

Но единственной искры недостаточно, чтобы согреть комнату, так же, как из единственного зерна нельзя получить урожая. Глубокая любовь — истинная сердечная любовь — должна расти. В те дни я еще не понимала, что такое любовный пыл, поэтому я думала о рисовых полях, которые видела во время ежедневных прогулок к реке вместе с братом, когда у меня были целы все молочные зубы. Может быть, я могла бы растить нашу любовь, как крестьянин выращивает зерно — тяжелым трудом, несгибаемой волей и благословением природы? Как смешно, что я помню об этом даже сейчас. *Ва-а-а!* Я знала о жизни так мало, но вполне достаточно, чтобы думать по-крестьянски.

Итак, я, девочка, подготавливала почву для посадки: брала у Папы листок бумаги или выпрашивала у Старшей Сестры лоскуток из ее приданого. Моими семенами были иероглифы *нушу*, которые я сочиняла. Мадам Ван стала моим оросительным каналом. Когда она приезжала к нам, чтобы посмотреть, как ведут себя мои ноги, я вручала ей мое послание — в виде письма, кусочка ткани или вышитого носового платка, — а она передавала его Снежному Цветку.

Ничто не растет без солнца, и оно — единственное, над чем крестьянин не властен. Я поверила в то, что Снежный Цветок будет исполнять эту роль. Солнечный свет доходил до меня в виде ее ответов на мои письма *нушу*. Когда я получала послание от Снежного Цветка, мы собирались все вместе, чтобы разгадать значение ее иероглифов, потому что она использовала слова и образы, которые бросали вызов Тетиным знаниям.

Я писала по-детски о детских вещах.

«У меня все в порядке. Как ты поживаешь?» Она могла ответить: *«Две птички качаются на верхней ветке дерева. Они вместе взлетают в небо»*. Я могла написать: *«Сегодня Мама учила меня, как готовить клейкий рис, завернутый в листья таро»*. Снежный Цветок могла написать в ответ: *«Сегодня я смотрела на улицу из своего зарешеченного окна. Я думала о фениксе, взлетающем в небо, чтобы найти себе подругу, а потом я подумала о тебе»*. Я могла написать: *«Для свадьбы Старшей Сестры был выбран удачный день»*. Она могла ответить: *«Твоя сестра сейчас находится на второй ступени многочисленных свадебных церемоний. По счастью, она будет с вами еще несколько лет»*.

Я могла написать: *«Я хочу научиться всему. Ты умная. Могу я быть твоей ученицей?»* Она могла написать в ответ: *«Я тоже учусь у тебя. Поэтому мы, как две уточки-мандаринки в одном гнездышке»*. Я могла написать: *«Смысл моих слов неглубок, и мой почерк коряв, но мне хотелось бы, чтобы ты была здесь, и мы могли бы шушукаться по ночам»*. Ее ответ: *«Два соловья поют в ночи»*.

Ее слова и пугали, и будоражили меня. Она была умная. Она была образованнее меня. Но не это страшило меня. В каждом послании она говорила о птицах, об их полете, о внешнем мире. Уже тогда она улетала прочь от действительности. Я хотела уцепиться за ее крыло и парить вместе с ней, отбросив свою робость.

За исключением веера. Снежный Цветок никогда ничего не посылала мне, пока я не посылала что-либо ей. Это меня не беспокоило. Я задабривала ее. Я поливала ее своими письмами, а она отвечала мне тем, что давала новый побег или новый цветок. Но одно обстоятельство смущало меня. Мне хотелось увидеть ее снова. Ей следовало бы пригласить меня к себе домой, но приглашения не было.

Однажды Мадам Ван приехала к нам с визитом, и на этот раз она принесла наш веер. Я не раскрыла его весь сразу. Вместо этого я открыла только его первые три складки, обнаружив первое послание Снежного Цветка ко мне, мой ответ рядом и новое сообщение вслед за ним:

Если твоя семья согласна, я хотела бы приехать к тебе в одиннадцатом месяце. Мы будем вместе сидеть, вдевать нитки в иголки, подбирать цвета и разговаривать шепотом.

К гирлянде из листьев она добавила еще один изящный цветок.

В условленный день я ждала у зарешеченного окна и увидела, как из-за узла показался паланкин. Когда он остановился у нашего порога, мне захотелось побежать вниз, на улицу, чтобы встретить мою *лаотун*. Но это было невозможно. Мама вышла из дома, дверца паланкина откинулась. Оттуда вышла Снежный Цветок. На ней был тот же самый жакет с узором из облаков. Со временем я пришла к выводу, что это ее дорожный костюм, и считала, что она надевает его всякий раз, чтобы моя семья не стеснялась нашей бедности.

Снежный Цветок, по обычаю, не привезла с собой ни еды, ни одежды. Мадам Ван произнесла те же самые увещевания, что и в прошлый раз. Она должна вести себя хорошо, не жаловаться, смотреть и слушать во все глаза и уши, учиться, чтобы ее мать могла гордиться ею.

Снежный Цветок ответила: «Да, Тетушка», но я видела, что она не слушала. Она стояла, устремив свой взгляд прямо на наше зарешеченное окно и выискивая в нем мой силуэт.

Мама принесла Снежный Цветок наверх, и с того момента как ее ножки коснулись пола нашей женской комнаты, она говорила не переставая. Она болтала, шептала, поддразнивала, признавалась по секрету, утешала, восхищалась. Это была не та девочка, которая огорчала меня своими мыслями о полетах вне реальности. Ей хотелось просто играть, забавляться, хихикать и говорить, говорить, говорить о разных девчоночьих делах.

Я писала ей, что хочу быть ее ученицей, поэтому она в юг же день начала давать мне уроки по книге «Образец для Женщин». Например, никогда не показывать зубы при улыбке или не повышать голос, разговаривая с мужчиной. Но она писала, что тоже хочет быть моей ученицей, поэтому попросила меня показать ей, как делать пирожки из клейкого риса. Она задавала странные вопросы о том, как носят воду из колодца или кормят свиней. Я смеялась, потому что каждая девочка знает такие вещи. Снежный Цветок поклялась, что она не знает. Я решила, что она дразнит меня. Она настаивала на том, что действительно не знает. Тогда другие начали подстрекать меня.

«Может быть, ты сама не знаешь, как носят воду», — встряла в разговор Старшая Сестра.

«А может быть, ты не помнишь, как кормят свиней, — добавила Тетя. — Может быть, ты выбросила эти знания из своей головы, как старые туфли».

Это было уже слишком, и я вскочила на ноги. Я так рассердилась, что уперла руки в бока и хмуро взглянула на них, но тут же увидела их веселые лица, мой гнев улетучился, и мне хотелось сделать их еще счастливее.

Всем в нашей женской комнате было весело наблюдать за тем, как я ковыляю на своих еще не заживших ногах взад-вперед, изображая, как достаю воду из колодца и несу ее в дом или нагибаюсь и делаю

вид, что рву траву и смешиваю с кухонными остатками. Прекрасная Луна смеялась так сильно, что ей приспичило пописать. Даже Старшая Сестра, всегда такая серьезная и занятая работой над своим приданым, хихикала в рукав. Когда я взглянула на Снежный Цветок, я увидела, как весело блестят ее глаза и как она хлопает в ладоши от восхищения. Вы понимаете, какой она была. Она могла войти в нашу женскую комнату и несколькими простыми словами заставить меня делать вещи, о которых я сама и не помышляла. Она могла присутствовать в этой комнате, которую я считала местом секретов, страдания и печали, и превратить ее в оазис веселья, бодрости и забавных развлечений.

Несмотря на все ее замечания о том, что с мужчинами надо говорить, не повышая голоса, она болтала с Папой и Дядей за обедом, заставляя их тоже смеяться. Младший Брат влезал на Снежный Цветок и сползал с нее, словно он был обезьянкой, а место у нее на коленях — гнездом на дереве. В ней было столько жизни. Куда бы она ни пришла, она пленяла людей и делала их счастливыми. Снежный Цветок была из лучшей семьи, чем наша — для всех это было очевидно, — но она умела превратить это обстоятельство в забавное приключение для нашей семьи. Для нас она была редкой птичкой, улетевшей из своей клетки и попавшей на двор к обычным цыплятам. Мы забавлялись, и она тоже.

Настало время умываться и идти в постель. Я вспомнила, как неловко я себя чувствовала во время первого визита своей *лаотун*. Я хотела, чтобы она умылась первой, но она отказалась. Если бы я умылась первой, то вода для нее уже не была бы такой чистой. Но когда Снежный Цветок сказала: «Давай умываться вместе», я поняла, что мой крестьянский труд и моя настойчивость принесли желанный урожай. Мы вместе склонились над тазом, сложили ковшиком руки и начали плескать воду себе на лицо. Она ткнула меня локтем в бок. Я посмотрела на воду и увидела наши лица, отраженные ее рябой поверхностью. Вода капала с нее, так же, как и с меня. В это мгновение, когда мы умывались в одной воде, я поняла, что моя *лаотун* тоже меня любит.

Обучение

В течение последующих трех лет Снежный Цветок приезжала к нам каждые два месяца. Ее небесно-голубая рубашка с узором из облаков уступила место другому наряду из шелка цвета лаванды с белой отделкой — странное цветовое сочетание для такой юной девочки. Когда она входила в комнату, то сразу переодевалась в одежду которую моя мать готовила для нее. Следовательно, мы были двумя половинками не только внутри, но и снаружи.

Мне все же полагалось навестить Снежный Цветок в ее доме в Тункоу. Я не просила об этом, и не слышала, чтобы мои родители обсуждали этот вопрос. Но однажды, когда мне было уже девять, я подслушала, как Мама пыталась выяснить у Мадам Ван это странное обстоятельство. Они стояли за порогом нашего дома, и до меня разговор доносился сквозь зарешеченное окно.

«Мой муж говорит, что нам каждый раз приходится кормить Снежный Цветок, — сказала Мама, понизив голос и надеясь, что никто ее не услышит. — Когда она приезжает, нам приходится брать больше воды для питья, готовки и стирки. Он хочет знать, когда Лилия сможет поехать в Тункоу. Так ведь обычно делается?»

«Обычно должны совпадать все восемь знаков», — напомнила Мадам Ван, — но мы обе знаем, что один из очень важных знаков не совпадает. Снежный Цветок приезжает в семью, которая ниже ее». Мадам Ван помолчала, потом добавила: «Я не слышала, чтобы вы жаловались на это, когда я впервые предложила вам этот союз».

«Да, но...»

«Вы просто не понимаете, в чем дело, — гневно продолжала Мадам Ван, — я с самого начала объяснила вам, что надеюсь найти Лилии жениха в Тункоу, но свадьба никогда не состоится, если будущий жених хоть одним глазом увидит вашу дочь до свадьбы. Более того, семья Снежного Цветка несет урон от общественного неравенства двух девочек. Вы должны быть благодарны зато, что они не требуют положить конец этому союзу. Никогда не поздно все изменить, если ваш муж действительно этого хочет. Для меня это будет лишь еще одна неловкость».

Моей матери не оставалось ничего, кроме как сказать: «Мадам Ван, я была не права. Пожалуйста, войдите к нам. Не хотите ли выпить чаю?»

В тот день я была свидетелем стыда и страха моей матери. Она не могла подвергать критике ни один из аспектов нашего союза, даже если он возлагал лишнюю ношу на нашу семью.

Вы хотите знать, что я почувствовала, узнав, что семья Снежного Цветка не считает меня равной ей? Это не беспокоило меня, поскольку я знала, что не заслуживаю любви Снежного Цветка. Я очень много трудилась, чтобы заставить ее полюбить меня так, как я любила ее. Мне было жалко — нет, мне было неудобно за свою мать. Она почти потеряла свое лицо в разговоре с Мадам Ван. Но по правде говоря, мне не было дела до папиных затруднений, маминого неудобства, упрямств Мадам Ван и странностей нашего союза со Снежным Цветком, потому что, если бы я даже могла приехать в Тункоу и при этом не попасться на глаза будущему мужу, мне совсем не нужно было ехать туда, чтобы узнать о жизни моей *лаотун*. Она уже рассказала мне о своей деревне, своей семье и своем красивом доме больше, чем я узнала бы, если бы увидела все это своими глазами. Однако дело этим не кончилось.

Мадам Ван и Мадам Гао всегда вели войну за территорию. Как посредница, обслуживающая людей из Пувэя, Мадам Гао устроила хороший брак для Старшей Сестры и нашла подходящую девочку из другой деревни для Старшего Брата. Она думала сделать то же самое для меня и Прекрасной Луны. Но Мадам Ван со своими идеями относительно моей судьбы изменила не только мою жизнь и жизнь Прекрасной Луны, но и жизнь Мадам Гао. Наши деньги больше не текли в ее кошелек. Как говорится, скупая женщина всегда вынашивает месть.

Мадам Гао отправилась в Тункоу, чтобы предложить свои услуги семье Снежного Цветка. Это известие быстро дошло до Мадам Ван. Хотя их конфликт не имел к нам никакого отношения, стычка между ними произошла в нашем доме, когда Мадам Ван приехала забрать домой Снежный Цветок и обнаружила у нас Мадам Гао. Та ела тыквенные семечки и обсуждала с Папой организацию церемонии Официального Свидания в главной комнате. В его присутствии ничего не было сказано. Ни одна из свах не была *настолько* невоспитанной. Мадам Гао могла бы избежать ссоры, если бы быстро ушла после того,

как ее дела были закончены. Вместо этого она поднялась наверх, плюхнулась на стул и начала хвастаться своим профессиональным искусством. С ее стороны это было неосторожностью, все равно что сунуть палец в кипяток. Наконец Мадам Ван не выдержала. Она начала огрызаться: «Только сучка в период течки настолько безумна, чтобы приходить в мою деревню и пытаться украсть одну из моих маленьких племянниц».

«Тункоу не ваша деревня, Престарелая Тетушка, — спокойно ответила Мадам Гао. — Если это ваша деревня, зачем вы приходите и что-то вынюхиваете здесь, в Пувэе? По вашему раскладу, Лилия и Прекрасная Луна должны быть моими. Но разве я плачу от этого?»

«Я найду прекрасных женихов для этих девочек. И для Снежного Цветка тоже. Вы не сможете найти лучше».

«Не будьте такой самоуверенной. Вы не так уж преуспели со старшей сестрой Снежного Цветка. Я ей лучше подхожу, учитывая ее обстоятельства».

Упомянула ли я о том, что Снежный Цветок находилась в это время в той же комнате и слышала, как о ней и ее сестре говорили, словно они были мешки скверного риса, которые рвут друг у друга из рук два бессовестных торговца? Она держала в руках кусок материи, который она вышила. Она теребила пальцами, вытягивая из него нитки, и не поднимала глаз, но я видела, как ее лицо и уши стали красными. На этой стадии спор мог бы разгореться еще пуще. Но Мадам Ван протянула свою руку с прожилками и нежно обняла Снежный Цветок за талию. До этого момента я не знала, что Мадам Ван способна на жалость или на отступление.

«Я не разговариваю с уличными торговками, — проскрипела она. — Пойдем, Снежный Цветок. Нам еще предстоит долгий путь домой».

Мы перестали думать об этом случае, но с этого дня обе свахи были друг с другом на ножах. Если Мадам Гао слышала, что паланкин Мадам Ван прибыл в Пувэй, она надевала свое чересчур яркое платье, румянила щеки, приходила к нам домой и везде совала свой нос, как... как сучка во время течки.

* * *

К тому времени, как нам со Снежным Цветком исполнилось одиннадцать лет, наши ноги окончательно зажили. Мои ноги были сильными и явно совершенными: ровно семь сантиметров в длину. Ноги Снежного Цветка были чуть больше, а у Прекрасной Луны еще больше, но исключительной формы. Это обстоятельство вкупе с хорошим домашним обучением делали Прекрасную Луну желанной невестой. Когда период бинтования закончился, Мадам Ван начала свою деятельность относительно Договора о Родстве для наших трех браков. Наши восемь знаков совпадали со знаками наших будущих мужей, и были назначены дни обручения.

Как и предполагала Мадам Ван, благодаря совершенству моих «золотых лилий», мне удалось подобрать очень удачную партию. Она сосватала меня в самую лучшую семью Лу в Тункоу. Дядя моего жениха был *цзиньши*, ученым, получившим много земли от императора в ленное владение. Дядя Лу, как его называли, был бездетным. Он жил в столице, и за его владениями следил брат. Поскольку мой будущий тесть был старостой в деревне — он сдавал участки земли крестьянам в аренду и собирал арендную плату, — все считали, что мой муж тоже станет старостой. Прекрасная Луна тоже собиралась выйти замуж в семью младшей ветви Лу, жившую поблизости. Ее нареченный был сыном крестьянина, который обрабатывая в четыре раза больше му, чем Папа и Дядя. Нам такая семья казалась процветающей, но ее владения все же были намного, намного меньше, чем владения, находившиеся под надзором моего будущего тестя.

«Прекрасная Луна, Лилия, — сказала Мадам Ван, — вы близки, как сестры. Теперь вы будете, как мы с моей сестрой. Мы обе вышли замуж в Тункоу. Хотя нас обеих постигло несчастье, нам повезло, что мы провели всю свою жизнь вместе». И на самом деле Прекрасная Луна и я были благодарны за то, что нам предстоит и дальше идти по жизни вместе, начиная с наших дней риса-и-соли, когда мы будем женами и матерями, и до дней спокойного сидения, когда мы будем вдовами.

Снежный Цветок должна была выйти замуж и уехать из Тункоу, но ей предстояло жить поблизости, в Цзиньтяне — Деревне Неогороженных Полей. Мадам Ван обещала нам с Прекрасной Луной, что мы сможем увидеть Цзиньтянь и, возможно, даже окно Снежного

Цветка из наших новых зарешеченных окон. Мы мало слышали о том, что представляла собой семья, в которую выходила замуж Снежный Цветок, за исключением того, что ее жених родился в год петуха. Это беспокоило нас, потому что всем известно, что это не идеальный союз, поскольку петух стремится сесть лошади на спину.

«Не беспокойтесь, девочки, — заверяла Мадам Ван, — прорицатель изучил элементы воды, огня, металла, земли и дерева. Я вам обещаю, что это не тот случай, когда огонь и вода будут жить вместе. Все будет хорошо», — сказала она, и мы поверили ей.

Семьи наших женихов прислали первые подарки — деньги, сладости и мясо. Дядя и Тетя получили свиную ногу, а Мама и Папа — целую жареную свинью, которую потом разрубили на части и раздали нашим родственникам в Пувэе. Наши родители также отправили подарки в семьи женихов — яйца и рис, что символизировало наше плодородие. Потом мы ждали, когда подойдет следующий этап — Назначение Дня наших свадеб. Представьте себе, как мы были счастливы. Наше будущее было устроено. Наши будущие семьи были выше по положению, чем наша семья. Мы были еще достаточно молоды, чтобы верить, что наши добрые сердца преодолеют все трудности, которые могут возникнуть с нашими будущими свекровями. Мы были заняты своим рукоделием. Но больше всего мы радовались общению друг с другом.

Тетя продолжала учить нас *нушу*, но мы учились и у Снежного Цветка, которая, приезжая к нам, каждый раз приносила новые иероглифы. Некоторые она подхватывала, заглянув в упражнения своего брата, поскольку многие иероглифы *нушу* были курсивной версией мужских иероглифов; другим иероглифам ее учила мать, которая была очень сведуща в тайном женском письме. Мы часами упражнялись в написании этих иероглифов, пытаясь чертить их пальцем на ладонях друг друга. И всегда Тетя предупреждала нас, чтобы мы были осторожными, выбирая слова, поскольку мы используем фонетические иероглифы, и в отличие от пиктографических иероглифов мужского письма, значение наших иероглифов может быть неправильно понято.

«Каждое слово должно быть помещено в контекст, — напоминала она нам каждый день в конце урока. — Из-за неправильного прочтения может произойти большая трагедия». После этого предупреждения она

вознаграждала нас романтической историей о местной женщине, которая изобрела наше тайное письмо.

«Давным-давно, во времена династии Сун, — начинала она свой рассказ, — император Чжэцзун^[14] искал по всему своему царству новую наложницу. Он путешествовал долго и, наконец, приехал в наш уезд, где услышал о крестьянине по имени Ху, человеке здравомыслящем, который умел немного читать и писать. Он жил в деревне Цзиньтянь — да, в Цзиньтяне, где будет жить наша Снежный Цветок, когда выйдет замуж. У господина Ху был сын, он был ученым, молодым человеком очень высокого положения, который успешно сдал императорский экзамен. Но императора больше всего заинтересовала старшая дочь господина Ху. Ее звали Юйсю. Она была не совсем никчемной ветвью, потому что отец следил за ее образованием. Она знала классическую поэзию и выучилась мужскому письму, умела петь и танцевать. Ее вышивание было изящным и красивым. Все это убедило императора, что она будет прекрасной императорской наложницей. Он посетил господина Ху, поговорил с ним о его умной дочери, и довольно скоро Юйсю была на пути в столицу. Счастливым конец? В некотором роде. Господин Ху получил много подарков, а Юйсю предстояла придворная жизнь среди шелка и нефрита. Но, девочки, я говорю вам, что даже такая яркая и умная девушка, как Юйсю, не может избежать печальных минут расставания с родной семьей. О, как текли слезы по щекам ее матери! О, как рыдали ее сестры! Но никто из них не был так печален, как Юйсю».

Эту часть истории мы знали хорошо. Расставание Юйсю со своей семьей было только началом ее горестей. Даже с помощью всех своих талантов она не могла удержать императора навсегда. Он устал от ее красивого личика, подобного луне, миндалевидных глаз, вишневого ротика. А ее таланты, казавшиеся такими замечательными в уезде Юнмин, были незначительными по сравнению с талантами придворных дам. Бедняжка Юйсю. У нее не было союзника в дворцовых интригах. Остальные жены и наложницы не видели проку в деревенской девушке. Она была печальна и одинока и не могла поедать восточку своей матери и сестрам так, чтобы это не обнаружилось. Одно неосторожное слово могло стоить головы, или же ее могли бросить в один из дворцовых колодцев, чтобы заставить замолчать навеки.

«Днем и ночью Юйсю приходилось скрывать свои чувства, — продолжала Тетя. — Злые женщины при дворе и евнухи наблюдали, как она спокойно вышивала или упражнялась в каллиграфии. Они постоянно высмеивали ее работу. Они говорили: «Ее работа неряшливая» или «Посмотрите, как эта деревенская мартышка пытается скопировать мужское письмо». Их слова были жестокими, но Юйсю не старалась скопировать мужское письмо. Она изменяла его, делала более женственным и постепенно создала совершенно новые иероглифы, которые имели очень мало общего с мужским письмом. Она потихоньку изобретала секретный шифр, и теперь могла писать домой своим сестрам и матери».

Мы со Снежным Цветком часто спрашивали, как мать Юйсю и ее сестры смогли прочитывать секретный шифр, и сегодня Тетя вплела ответ в свой рассказ.

«Может быть, какой-нибудь евнух и посочувствовал ей и тайным образом передал письмо Юйсю, где все было объяснено. А может быть, ее сестры не знали, что означает ее послание, отшвырнули его в сторону и с другой точки увидели и расшифровали закругленные иероглифы. Со временем женщины из этой семьи изобрели новые звуковые иероглифы, которые они научились понимать из контекста, как вы учитесь понимать их сейчас. Но именно ими особенно интересуются мужчины». Она произнесла эти слова со строгим видом, напоминая нам, что это не нашего ума дело. «Мы должны извлечь из жизни Юйсю только один урок: она нашла способ поделиться тем, что происходило за внешне счастливым фасадом ее жизни, и ее дар сквозь бесчисленные поколения дошел до нас».

С минуту мы сидели тихо, думая об одинокой наложнице. Тетя начала петь первая, и мы все втроем присоединились к ней, в то время как Мама слушала. Это была печальная песня, как говорили, ее сочинила сама Юйсю. Наши голоса изливали ее жалобы:

«Мое послание слезами сердца моего омыто,
В нем — мой мятежный дух, от посторонних
скрытый,
Трагическая песня — жизнь моя.
О, мама, сестры, я прошу, услышьте вы меня».

Звуки песни вылетели из зарешеченного окна и поплыли вдоль по улице. «Помните, девочки, — сказала Тетя, — не все мужчины — императоры, но все девушки выходят замуж. Юйсю изобрела *нушу* для женщин в нашем уезде, чтобы мы сохраняли связь с нашими родными семьями».

Мы взялись за иголки и стали вышивать. На следующий день Тетя рассказала нам эту историю снова.

* * *

В тот год, когда Снежному Цветку и мне исполнилось тринадцать лет, наше обучение стало более многообразным, и, помимо этого, мы должны были помогать старшим в работе по дому. Женщины в доме Снежного Цветка превосходили Маму и Тетю в знании изящных искусств, но уступали им в ведении домашнего хозяйства, поэтому Снежный Цветок следовала за мной, как тень, когда я выполняла разную работу по дому. Мы вставали на рассвете и разжигали огонь в очаге. После мытья посуды мы готовили свиное пойло. В полдень мы выходили из дома, чтобы принести свежих овощей с огорода, а потом готовили второй завтрак. Когда-то все это делали Мама и Тетя. Теперь они наблюдали за тем, как это делаем мы. После полудня мы сидели в женской комнате, а вечером помогали готовить обед и накрывать стол.

Каждый день и каждую минуту мы чему-нибудь учились. Все девочки, включая и Снежный Цветок, были хорошими ученицами. Прекрасная Луна лучше всех пряла, у нас со Снежным Цветком для этого не хватало терпения. Мне нравилось готовить, но я очень не любила ткать, шить и делать туфли. Никто из нас не любил убираться и стирать, но Снежный Цветок этого просто терпеть не могла. Мама и Тетя не ругали ее, как меня или мою двоюродную сестру, если мы, например, не побрызгали как следует пол или плохо постирали отцовские рубашки. Думаю, они были снисходительны к ней, так как знали, что у нее скоро будут слуги и ей никогда не придется заниматься всем этим самой. Я же была другого мнения. Снежный Цветок никогда не научится убираться и стирать, как полагается, потому что она, похоже, всегда витает в облаках, вдалеке от практических вещей.

Мы также учились и у мужчин в нашей семье, но не так, как вы можете подумать. Папа и Дядя никогда не учили нас чему-то впрямую. Это было бы неприлично. Я хочу сказать, что узнавала многое о мужчинах из того, как Снежный Цветок обращалась с ними, и по их реакции. Рисовый отвар — самая простая вещь, которую можно приготовить, — просто рис, побольше воды, и размешивать, размешивать, размешивать, — поэтому мы разрешали Снежному Цветку готовить его на завтрак. Когда она увидела, что Папа любит лук, она стала добавлять ему лишнюю пригоршню в миску. За обедом Мама и Тетя молча ставили блюда на стол, а Папа и Дядя сами накладывали себе еду. Снежный Цветок обходила стол, низко склонив голову, и предлагала каждое блюдо сначала Папе, потом Дяде, потом Старшему Брату, потом Второму Брату. Она всегда стояла достаточно далеко от них, чтобы не быть слишком навязчивой, но в то же время источала грацию и красоту. Я поняла, что благодаря этим маленьким знакам внимания, мужчины воздерживались от того, чтобы жадно хватать еду и запихивать ее в рот, плевать на пол или чесать свои набитые животы. Вместо этого они улыбались и разговаривали с ней.

Моя жажда знаний превосходила навыки, необходимые в женской комнате, в комнатах внизу, и даже изучения *нушу* было мало. Мне хотелось знать о своем будущем. К счастью, Снежный Цветок любила поговорить и много рассказывала о Тункоу. Теперь она часто путешествовала между обеими нашими деревнями и хорошо знала дорогу. «Когда ты отправишься к своему мужу, — рассказывала она мне, — ты будешь переезжать реку и проследуешь мимо многих рисовых полей по направлению к низким холмам, которые видны из Пувэя. Тункоу гнездится в объятиях этих холмов. Они никогда-никогда не дрогнут, и мы тоже, по крайней мере, так говорит мой папа. В Тункоу мы защищены от землетрясений, голода и разбойников. У нашей деревни совершенный *фэншуй*».

Когда я слушала ее, Тункоу представала предо мной в моем воображении. Но невозможно описать, что я чувствовала, когда моя *лаотун* рассказывала о моем будущем муже и о будущих родственниках. Ни Прекрасная Луна, ни я сама не присутствовали при встречах Мадам Ван с нашими отцами, но нам было известно основное: все, кто жил в Тункоу, принадлежали к семейству Лу, и обе наши будущие семьи процветали. Эти обстоятельства особенно

интересовали отцов, а нам хотелось знать о наших мужьях, свекровях и других женщинах в будущих семьях. Только Снежный Цветок могла ответить на эти вопросы.

«Тебе повезло, Лилия, — сказала однажды Снежный Цветок. — Я видела этого мальчика Лу. Он мой четвероюродный брат. У него иссиня-черные волосы, волосы цвета ночи. Он добрый по отношению к девочкам. Однажды он поделился со мной пирожком. Он не обязан был этого делать». Она рассказала мне, что мой будущий муж родился в год тигра, то есть его знак такой же энергичный, как и мой, и это означало, что мы превосходно подходим друг другу. Она поведала мне о тех вещах, которые мне необходимо было знать, чтобы ужиться с семьей Лу. «Это деловая семья, — объяснила Снежный Цветок. — Поскольку господин Лу — надзиратель, он принимает множество посетителей, которые живут в деревне и за ее пределами. Кроме этого, в доме живет много народу. У него нет дочерей, но будет много невесток. Ты будешь невесткой номер один. Твое положение с самого первого дня будет высоким. Если ты родишь сначала сына, ты будешь занимать это положение всегда. Это не значит, что тебе не грозят те же затруднения в жизни, что были у Юйсю, императорской наложницы. Хотя жена господина Лу родила ему четырех сыновей, у него три наложницы. Он обязан иметь наложниц, потому что он надзиратель. Это показывает людям его силу».

Мне бы следовало забеспокоиться по этому поводу. Ведь если отец берет себе наложниц, сын, возможно, тоже будет их брать. Но я была так юна и невинна, что это не задевало моей души. А если бы и задело, то я не знала, какие конфликты могли возникнуть из-за этого. Моим миром все еще были Мама и Папа, Тетя и Дядя — просто, очень просто.

Снежный Цветок повернулась к Прекрасной Луне, которая ожидала, когда мы вспомним о ней. Снежный Цветок сказала: «Прекрасная Луна, я счастлива за тебя. Эту семью Лу я знаю хорошо. Твой будущий муж родился в год кабана. Его качества — это смелость, галантность и умение заботиться, а твоя натура овцы заставит тебя любить его до безумия. Это еще один прекрасный союз».

«А как насчет моей свекрови?» — нетерпеливо спросила Прекрасная Луна.

«Эта госпожа Лу приходит к моей матери каждый день. У нее доброе сердце, добрее, чем я могу рассказать».

Внезапно в глазах Снежного Цветка появились слезы. Это было так странно, что мы с Прекрасной Луной захихикали, думая, что это какая-то шутка. Моя *лаотун* быстро сморгнула их.

«Дух попал мне в глаз», — воскликнула Снежный Цветок и засмеялась вместе с нами. Потом она продолжила с того места, где прервалась. «Прекрасная Луна, ты будешь очень довольна. Они будут любить тебя всем сердцем. А лучше всего то, что ты сможешь каждый день приходить к Лилии домой. Вот как близко друг к другу вы будете жить».

Снежный Цветок снова обратилась ко мне. «Твоя свекровь очень уважает традиции, — сказала она. — Она следует всем женским правилам. Она очень осторожна в речах и очень хорошо одевается. А когда приходят гости, для них всегда готов горячий чай». Так как Снежный Цветок учила меня всему этому, я не боялась совершить ошибку. «В доме больше слуг, чем когда-либо было в нашей семье, — продолжала Снежный Цветок. — Тебе не придется готовить самой, разве что особые блюда для госпожи Лу. Тебе не нужно будет нянчить своего ребенка, если только сама не захочешь».

Пока она говорила все это, я думала, что она сошла с ума.

Я спросила ее об отце моего мужа. Она задумалась и ответила: «Господин Лу — добросердечный и щедрый человек, но он также очень умен, поэтому и стал надзирателем. Все уважают его. Все будут также уважать его сына и его невестку». Она посмотрела на меня и повторила: «Тебе очень повезло».

Разве после рассказа Снежного Цветка мне трудно было представить себя в Тункоу с любящим мужем и превосходными сыновьями?

* * *

Мои знания о мире не ограничивались теперь пределами нашей деревни. Мы со Снежным Цветком побывали в Храме Гупо пять раз. Каждый год мы взбирались по лестнице к храму, возлагали дары на

алтарь и жгли ладан. Потом мы шли на рынок, где покупали нитки для вышивания и бумагу.

Мы всегда заканчивали день посещением Старика Цзо и ели у него таро в сахаре. По дороге туда и обратно, пока Мадам Ван дремала, мы выглядывали из паланкина и осматривали окрестности. Мы видели тропинки, ведущие в другие деревни. Мы видели реки и каналы. От наших носильщиков мы узнали, что эти водные пути соединяют наш уезд с другими частями страны. В своей верхней комнате мы видели только четыре стены, но люди в нашем уезде не были настолько изолированы. Они могли поехать почти куда угодно на лодке, если того хотели.

Все это время Мадам Ван и Мадам Гао сновали по нашему дому, как две хлопотливые курицы. Что? Вы думаете, раз мы были уже просватаны, они оставили нас в покое? Они должны были следить и ждать, устраивать заговоры и обхаживать всех, чтобы защитить свое предприятие. Нельзя было допустить ошибок. Было очевидно, что они опасаются за четыре брака, которые должны быть заключены в одной семье, за то, сумеет ли Папа заплатить обещанный выкуп за невесту Старшего Брата, дать соответствующее приданое трем девушкам и, самое главное, вознаградить свах за их услуги. Когда мне исполнилось тринадцать, борьба между двумя свахами стала еще более ожесточенной.

Все началось обыденно. Мы сидели в верхней комнате, и Мадам Гао стала жаловаться, что местные семьи не платят ей вовремя, намекая на то, что наша семья — одна из них.

«Крестьянин, который поднял восстание на холмах, усложняет нам всем жизнь, — высказала свое мнение Мадам Гао. — Ничего нельзя ни ввезти, ни вывезти. Ни у кого нет наличных денег. Я слышала, что некоторым девушкам пришлось отказаться от обручения, потому что их семьи не могли дать им приданое. Эти девушки теперь станут маленькими невестками».

То, что в нашем уезде жизнь стала труднее, не было для нас новостью, но дальнейшие речи Мадам Гао всех поразили.

«Даже положение маленькой госпожи Снежный Цветок небезопасно. Еще не поздно мне присмотреть ей кого-нибудь более подходящего».

Я была рада, что Снежный Цветок не слышит этого оскорбления.

«Вы говорите об одной из лучших семей в уезде», — возразила ей Мадам Ван тоном, не мягким, как масло, но твердым, как камень.

«Может быть, Старая Тетушка, вы хотите сказать, «была одной из лучших»? Ее хозяин слишком много играет, и у него слишком много наложниц».

«Он делает только то, что соответствует его положению. Разумеется, вам можно простить ваше невежество. Высокое положение вам неизвестно».

«Ха! Вы меня смешите. Вы лжете так, словно говорите правду. Весь уезд знает, что происходит в этой семье. Если учесть события на холмах да прибавить сюда плохой урожай и небрежность в делах, и чего еще можно ожидать, кроме того, что этот слабый человек возьмется за свою трубку...»

Моя мать решительно поднялась с места. «Мадам Гао, я благодарна вам за то, что вы сделали для моих детей, но они *дети*, и им не следует слышать о таких вещах. Я провожу вас; я уверена, вас ждут и в других домах».

Мама буквально подняла Мадам Гао со стула и потащила ее к лестнице. Как только они скрылись из виду, моя тетя налила чаю Мадам Ван, которая сидела неподвижно, с отсутствующим взглядом, в глубоких раздумьях. Потом она моргнула несколько раз, оглядела комнату и подозвала меня к себе. Мне было тринадцать лет, и я все еще боялась ее. Я научилась называть ее в лицо Тетушкой, но в душе она оставалась для меня все той же грозной Мадам Ван. Когда я приблизилась к ней, она притянула меня к себе, зажала между колен и крепко ухватила за руки, как и при нашей первой встрече.

«Никогда, *никогда* не говори то, что ты здесь слышала, Снежному Цветку. Она невинная девушка. Не нужно, чтобы бабья грязь пачкала ее душу».

«Да, Тетушка!»

Она сильно встряхнула меня: «Никогда!»

«Я обещаю».

В то время я не поняла и половины того, что было сказано. Но даже если бы поняла, зачем повторять эти злые сплетни Снежному Цветку? Я любила ее. Я бы не оскорбила ее пересказом ядовитых замечаний Мадам Гао.

Я могу добавить только одно: должно быть, Мама что-то сказала Папе, потому что Мадам Гао больше не появлялась в нашем доме. Все дела решались с ней за порогом. Так Мама и Папа заботились о Снежном Цветке. Она была моей *лаотун*, и они любили ее, как любили меня.

* * *

Настал десятый месяц моего тринадцатилетия. За нашим зарешеченным окном белое от жары летнее небо приобрело глубокую голубизну осени. До свадьбы Старшей Сестры оставался один месяц. Семья жениха вручила нашей семье последние подарки. Названные сестры Старшей Сестры продали одну из своих двадцати пяти мер риса и купили подарки. Девушки приходили к нам для Сидения и Пеня в Верхней Комнате. Женщины из нашей деревни заходили пообщаться, дать совет, выразить сочувствие. Двадцать восемь дней мы пели песни и рассказывали истории. Названные сестры помогли Старшей Сестре с ее последними одеялами и завернули туфли, которые она сделала для членов новой семьи. Мы все вместе работали над ее книгами третьего дня свадьбы, которые затем должны были вручить Старшей Сестре. Они представят ее женщинам в новой семье, и мы старались подобрать нужные слова, чтобы описать ее лучшие качества и черты характера.

За три дня до того, как Старшая Сестра ушла в свой новый дом, у нас был День Печали и Тревоги. Мама села на четвертую ступеньку лестницы, ведущей в верхнюю комнату, ноги поставила на третью и начала петь жалобную песню.

«Старшая Дочь, ты была жемчужиной в моей руке, — пела она. — Мои глаза переполнены слезами. Два ручья текут по моему лицу. Скоро твое место опустеет».

Старшая Сестра, ее названные сестры и деревенские женщины начали плакать, услышав печальную песню моей матери: «*Ку, ку, ку*».

Затем запела Тетя, она следовала ритму, заданному моей матерью. Как всегда, Тетя пыталась быть оптимисткой даже в печали. «Я некрасива и не так уж умна, но я всегда старалась быть доброй. Я любила своего мужа, и он любил меня. Мы с ним парочка некрасивых

и не очень умных уточек-мандаринок. У нас было много радостей в постели. Я надеюсь, у тебя будет тоже».

Когда настала моя очередь, я спела высоким голосом: «Старшая Сестра, мое сердце плачет от разлуки с тобой. Если бы мы были сыновьями, нас бы не разлучили. Мы были бы всегда вместе, как Папа и Дядя, Старший Брат и Второй Брат. Наша семья в печали. Верхняя комната будет пуста без тебя».

Желая сделать ей самый лучший подарок, какой только могла, я спела наставление, которое услышала от Снежного Цветка.

«Всем нужна одежда — неважно, прохладно ли летом и тепло ли зимой. Поэтому шей одежду для других без просьб с их стороны. Даже если стол полон еды, позволь своим родственникам поесть первыми. Работай усердно и помни о трех вещах: будь доброй к своим новым родственникам и всегда оказывай им уважение, будь доброй к своему мужу и всегда работай для него, будь добра к своим детям и всегда будь им примером. Если ты будешь делать все это, твоя новая семья будет по-доброму относиться к тебе. В этом прекрасном доме будь спокойна душой».

Вслед за мной начали петь названные сестры. Они любили свою названую сестру. Она была внимательной к другим людям, талантливой девушкой. Когда последняя из них выйдет замуж, союз названных сестер распадется. У них сохранятся лишь воспоминания о том, как они ткали и вышивали вместе. В утешение им останутся лишь слова в их книгах третьего дня свадьбы. Если одна из них умрет, они клянутся, что остальные сестры придут на ее похороны и сожгут записи, чтобы слова отправились в загробный мир вместе с ней. Да, все сестры испытывают боль от разлуки с ней, но надеются, что она будет счастлива.

После того, как спели песни и много слез было пролито, Снежный Цветок совершила свое особое подношение. «Я тебе ничего не буду петь, — сказала она, — вместо этого я покажу, как мы с твоей сестрой решили сохранить твой образ среди нас навеки». Она вынула из своего рукава наш веер, раскрыла его и прочитала простое двустишие, которое мы написали вместе с ней. *«Старшая Сестра и хороший друг, спокойная и добрая. Ты — счастливое воспоминание»*. Затем Снежный Цветок указала на маленький розовый цветочек, который она

нарисовала на гирлянде из листьев на верхнем крае веера, и который теперь всегда будет напоминать нам о Старшей Сестре.

На следующий день все собирали бамбуковые листья и наполняли ведра водой. Когда прибыли новые родственники Старшей Сестры, мы осыпали их этими листьями в знак того, что любовь новобрачных будет такой же вечной и свежей, как бамбук. Затем мы черпали пригоршнями воду и подбрасывали ее вверх, чтобы показать родственникам жениха, что невеста так же чиста, как эта чистая и животворная вода. Все эти действия сопровождалось смехом и множеством добрых пожеланий.

В жалобных песнях и за трапезой прошло еще несколько часов. Приданое разложили перед гостями, и все могли оценить качество рукоделия Старшей Сестры. Она выглядела красивой, хотя ее глаза были заплаканы. Так прошел день, прошла ночь. Утром она села в паланкин, который должен был отвезти ее в новую семью. Все стали плескать водой и кричать: «Выдать замуж дочь — все равно, что вылить воду прочь!» Мы все проводили Старшую Сестру до околицы и смотрели, как процессия пересекла мост и покинула Пувэй. Через три дня в новую деревню Старшей Сестры отправили пирожки из клейкого риса, подарки и все наши книги третьего дня свадьбы, которые должны были быть прочитанными вслух в ее новой верхней комнате. Еще через день, как требовал обычай, Старший Брат взял нашу повозку, съездил за Старшей Сестрой и привез ее домой. За исключением супружеских визитов несколько раз в год, она оставалась жить с нами до конца своей первой беременности.

Из всех событий, связанных со свадьбой Старшей Сестры, я лучше всего помню ее возвращение после супружеского визита в дом мужа следующей весной. Обычно она была такая спокойная — сидела на табурете в уголке и тихо работала иглой, никогда не спорила, всегда была послушной, — но теперь она сидела на полу, уткнувшись лицом в мамины колени, плакала и горько жаловалась. Ее свекровь оказалась вздорной, всегда ныла и придиралась. Ее муж — невежествен и груб. Новые родственники хотят, чтобы она носила воду и обстирывала всех в доме. Видите, как разбухли суставы на ее руках после вчерашней работы? Они не хотят кормить ее и плохо отзываются о нашей семье, потому что мы не даем ей достаточно еды с собой.

Прекрасная Луна, Снежный Цветок и я окружили ее, цокая языками в знак сочувствия. Однако, хотя мы и жалели Старшую Сестру, в душе были уверены, что с нами такого никогда не случится. Мама гладила Старшую Сестру по голове и похлопывала по вздрагивающим плечам. Я ожидала, что Мама посоветует ей не беспокоиться, скажет, что все это пройдет со временем, но Мама молчала. Она беспомощно оглянулась на Тетю, ожидая от нее поддержки.

«Мне тридцать восемь лет, — сказала Тетя без горечи, но с покорностью. Я прожила жалкую жизнь. Моя семья была одной из лучших, но мое лицо и мои ноги определили мою судьбу. Даже такая женщина, как я — не очень умная и некрасивая, даже изуродованная или глухонемая, — найдет себе мужа, потому что даже самый ничтожный мужчина может сделать сына. Нужен всего лишь сосуд. Мой отец выдал меня замуж в лучшую семью, какую только мог найти для меня. Я плакала, как ты сейчас плачешь. Судьба оказалась еще более жестокой. Я не могла иметь сыновей. Я была обузой для моих новых родственников. Мне хотелось иметь сыновей и счастливую жизнь. Я хочу, чтобы моя дочь никогда не выходила замуж, чтобы она всегда оставалась со мной и облегчала мои горести. Но так уж положено женщинам. Ты не можешь избежать своей судьбы. Она предопределена».

Услышать подобные слова от моей тети — единственной в нашем доме, от кого всегда ждали чего-нибудь забавного, которая всегда говорила, как счастливы они с Дядей бывают в постели, всему учила нас, постоянно ободряя и похваливая, — было ударом. Прекрасная Луна схватила мою руку и стиснула. Ее глаза наполнились слезами перед лицом этой истины, которая не высказывалась вслух в женской комнате до этих пор. Никогда раньше я не задумывалась о том, какой тяжелой была жизнь для моей тети. Но сейчас мои мысли убегали в прошлое, и я ясно увидела, как она поворачивает улыбающееся лицо к неумолимым жизненным разочарованиям.

Нечего говорить о том, что эти слова не утешили Старшую Сестру. Она зарыдала еще громче, закрыв уши руками. Мама должна была сказать ей хоть что-нибудь, но когда наконец заговорила, слова вышли из самой глубины ее *инь* — они были неутешительными, недобрыми, женскими.

«Ты вышла замуж, — сказала Мама странным спокойным тоном. — Ты уехала в другую деревню. Твоя свекровь жестока. Твоему мужу нет до тебя дела. Нам хотелось, чтобы ты никогда нас не покидала, но каждая дочь выходит замуж и покидает свой дом. Ты можешь плакать и просить нас забрать тебя домой, мы можем горевать о том, что ты уехала, но у тебя — и у нас — нет выбора. Старая пословица ясно говорит об этом: «Если дочь не выйдет замуж, значит, она никому не нужна, если огонь не разрушит гору, земля не будет плодородной».

Годы закалывания волос

Ловля Прохладного Ветерка

Нам со Снежным Цветком исполнилось по пятнадцать лет. Мы начали зачесывать волосы наверх и закалывать их в стиле фениксов в знак того, что вскоре выйдем замуж. Мы серьезно работали над своим приданым. Мы говорили тихими голосами. Мы грациозно передвигались на своих «золотых лилиях». Мы были абсолютно грамотны в *нушу*, и когда расставались, то почти ежедневно писали друг другу. У нас были ежемесячные кровотечения. Мы помогали по дому, подметали полы, приносили овощи из огорода, готовили еду, мыли посуду, ткали и шили. Нас считали женщинами, но мы не имели обязанностей замужних женщин. Мы все еще пользовались свободой ходить в гости, если нам хотелось, и проводить часы в верхней комнате, сдвинув наши головы вместе, шушукаясь и вышивая. Мы любили друг друга так, как мне мечталось, когда я была маленькой девочкой.

В тот год Снежный Цветок приехала к нам, чтобы остаться на все время праздника Ловли Прохладного Ветерка. Его отмечают в самое жаркое время года, когда запасы прошлого урожая почти закончились, а новый урожай еще не поспел. Замужних женщин, лиц самых низких по положению в семьях своих мужей, отсылают в семьи родителей на несколько дней или несколько недель. Мы называем это праздником, но на самом деле это просто чередой дней, когда семьи освобождаются от лишних ртов.

Старшая Сестра только что переехала в дом своего мужа на постоянное жительство. Вот-вот должен был родиться ее первенец, и она не могла быть нигде в другом месте. Мама уехала в родную семью и взяла с собой Второго Брата.

Тетя также уехала в родной дом, а Прекрасная Луна осталась у своих названных сестер, живших на другом краю деревни. Жена Старшего Брата с маленькой дочкой ловила Прохладный Ветерок в семье своих родителей. Папа, Дядя, Старший Брат были счастливы остаться одни. От нас со Снежным Цветком они ничего не требовали, кроме горячего чая, табака и нарезанной кусочками дыни. Поэтому три ночи Ловли прохладного ветерка мы со Снежным Цветком оставались в верхней комнате одни.

В первую ночь мы лежали рядом, на ногах у нас были бинты и ночные туфли, на нас была исподняя одежда и верхняя одежда. Мы подвинули постель к зарешеченному окну, надеясь поймать Прохладный Ветерок, но воздух был знойным и неподвижным. Приближалось полнолуние. Лунный свет проникал в комнату, и падал на наши вспотевшие лица, от чего становилось еще жарче. На следующую ночь, еще более теплую, Снежный Цветок предложила сбросить нашу одежду. «Здесь никого нет, — сказала она, — никто не узнает». Это принесло облегчение, но нам хотелось еще больше прохлады.

На третью ночь луна была полной, и верхняя комната вся была залита лунным светом. Когда мы убедились, что мужчины легли спать, мы сбросили с себя одежду. На нас не было ничего, кроме бинтов на ногах и ночных туфель. Мы чувствовали теперь легкое движение воздуха, но он не был прохладным, и нам было так же жарко, как и в одежде.

«Этого недостаточно», — проговорила Снежный Цветок, угадав мою мысль.

Она села на постели и взяла наш веер. Она медленно открыла его и начала обмахивать меня. Несмотря на то, что воздух был почти горячим, это было восхитительно. Но Снежный Цветок нахмурилась. Она сложила веер и отложила его в сторону. Затем посмотрела мне в лицо, ее взгляд скользнул по моей шее, груди и животу. Мне бы следовало смутиться, но ведь она была моей *лаотун*, моей половинкой. Тут нечего было стыдиться.

Подняв глаза, я увидела, как она поднесла указательный палец к губам. Кончик ее языка выглянул наружу. В ярком свете полной луны я видела, какой он розовый и блестящий. Она слегка коснулась пальцем влажной поверхности языка. Потом опустила палец на мой живот, провела им влево, потом в обратную сторону, а затем начертила как бы два креста. От соприкосновения с влагой по моей коже побежали мурашки, будто от прохлады. Я закрыла глаза и позволила этому ощущению проникнуть внутрь меня. Влага очень быстро испарилась. Открыв глаза, я увидела, что Снежный Цветок смотрит мне прямо в лицо. «Ну? — Но ответа она не дождалась. — Это же иероглиф, — объяснила она. — Скажи мне, что я написала?»

Внезапно я поняла, что она сделала. Она написала на моем животе иероглиф *нушу*. Мы многие годы делали нечто подобное, когда писали иероглифы палками на песке или пальцами на руках, или на спине друг у друга.

«Я напишу снова, — сказала она, — но будь внимательней».

Она лизнула палец таким же легким движением, как и прежде. Как только она прикоснулась влажным пальцем к моей коже, я невольно закрыла глаза. У меня перехватило дыхание, а тело отяжелело. Черта влево образовала полумесяц, второй полумесяц — внизу, выгнутый в обратную сторону, две черты справа образовали первый крест, другие две черты слева — второй. И снова я держала глаза закрытыми, пока ощущение прохлады не ушло. Когда я открыла их, Снежный Цветок вопросительно смотрела на меня.

«Постель», — сказала я.

«Правильно, — произнесла она тихим голосом. — Закрой глаза. Я напишу еще».

На этот раз она написала гораздо меньший по размеру иероглиф на моем правом бедре. Иероглиф я узнала сразу. Это был глагол «освещать». Я произнесла его вслух, она приблизила свое лицо к моему и прошептала мне на ухо: «Правильно».

Следующий иероглиф Снежный Цветок прочертила у меня на животе, ближе к левому бедру.

«Лунный свет, — сказала я и открыла глаза. — «Постель освещена лунным светом».

Она улыбнулась, когда я процитировала эту начальную строку из поэмы времен династии Тан, которой она выучила меня. Затем мы поменялись местами. Я сделала то же, что и она со мной. Некоторое время смотрела на ее обнаженное тело — на тонкую шею, на маленькие холмики груди, на плоский живот, который манил к себе, как манит кусок шелка, ожидающий первых стежков вышивки, на две резко выдающиеся косточки, а ниже — треугольник, такой же, как у меня, стройные ноги, совсем тонкие внизу, исчезающие в ночных туфельках из красного шелка.

Вам следует помнить, что я еще не была замужем. Я не понимала сути отношений между мужем и женой. Только позже я узнала, что для женщины нет ничего более интимного, чем ее ночные туфельки, а для мужчины нет ничего более эротичного, чем вид белой кожи

обнаженной женщины на ярко-красном фоне этих туфелек. Однако в эту ночь мой взгляд задержался на них. Это была летняя пара. Снежный Цветок выбрала для вышивки изображения Пяти Ядоносцев — сороконожки, жабы, скорпиона, змеи и ящерицы. Это традиционные символы, призванные противостоять бедам, которые приносит лето, — холере, чуме, сыпному тифу. Ее работа была совершенной, как была совершенна и она сама.

Я лизнула палец и оглядела ее тело, белеющее в лунном свете. Когда мой влажный палец коснулся ее живота прямо над пупком, я почувствовала, как она напряглась, а на ее коже появились мурашки.

«Я», — сказала она. Это было правильно. Я написала следующий иероглиф под ее пупком. «Думать», — сказала она. Затем я поступила в точности, как она, и написала иероглиф прямо у ее правого бедра. «Легкий». Теперь на левом. «Снег». Она знала этот стих, поэтому тайной были не сами слова, а ощущения при их написании и прочтении. Я уже коснулась всех тех мест на ее теле, что и она на моем теле. Теперь мне нужно было найти новое место для письма. Я выбрала нежную область, где ребра сходятся над животом. Я по себе знала, что это местечко очень чувствительно к прикосновению, к страху и к любви. Снежный Цветок вздрогнула, когда я начала писать. «Рано», — сказала она.

В строке оставалось только два слова. Я знала, чего мне хочется, но колебалась и в задумчивости покусывала палец. Затем, осмелев от жары, лунного света, от ощущения ее кожи под моими руками, я стала чертить иероглиф на одной из ее грудей. Губы Снежного Цветка приоткрылись, и ее дыхание перешло в легкий стон. Она не назвала слово, а я и не спрашивала. Прежде чем написать последний иероглиф, я легла на бок рядом со Снежным Цветком, чтобы лучше видеть реакцию ее кожи на мое прикосновение. Я лизнула палец, провела линию и увидела, как ее сосок напрягся и сморщился. Минуту мы лежали совсем неподвижно. Потом, не открывая глаз, Снежный Цветок шепотом произнесла всю фразу: «Я думаю, это легкий снег раннего зимнего утра».

Она повернулась на бок, лицом ко мне, нежно положила руку на мою щеку. Она делала так всегда, с тех пор как мы начали спать вместе, все эти годы. Ее лицо светилось в лунном сиянии. Затем она

провела рукой по моей шее, груди и остановилась на моем бедре. «У нас еще две строчки».

Снежный Цветок села, а я перевернулась на спину. Я думала, что мне было очень жарко все прошлые ночи, но сейчас внутри меня горел огонь, который обжигал сильнее любой жары, ниспосланной на нас богами в череде бесконечно повторяющихся времен года.

Я заставила себя сконцентрироваться, увидев, что Снежный Цветок собирается написать первый иероглиф. Она передвинулась на постели и положила мою ногу себе на колени. Она стала чертить на внутренней стороне моей левой лодыжки, прямо над краем моей красной ночной туфли. Закончив, она дотронулась до моей правой ноги. Так она переходила от одной ноги к другой, продолжая при этом писать прямо над моими бинтами. Мои ноги — причина такой сильной боли и горя, предмет моей гордости и признак моей красоты — трепетали от наслаждения. Мы были двумя половинками восемь лет, но никогда еще мы не были так близки. Строчка гласила: «Глядя вверх, наслаждаюсь полной луной в ночном небе».

Мне страстно хотелось, чтобы Снежный Цветок испытала то, что чувствовала я. Держа ее «золотые лилии» в своих руках, я положила ее ноги себе на бедро. Я выбрала самое чувствительное для меня место — выемку между косточкой на лодыжке и сухожилием. Иероглиф, который я написала, означал: *склонившись, сделав коутуу* или *распростершись ниц*. На другой лодыжке мои пальцы начертили слово «я».

Положив ее ноги на постель, я написала иероглиф на икре. Затем перешла к местечку на внутренней стороне бедра, прямо над левой коленкой. Два последних слова я изобразила на ее бедрах. Я наклонилась вперед, чтобы начертить совершенные иероглифы. Потом я подула на них, зная, какое ощущение это вызовет у Снежного Цветка, и увидела, как колыхнулись волоски у нее между ног.

Мы прочли все стихотворение вместе.

«Постель освещена лунным светом.

Я думаю, это легкий снег раннего зимнего утра.

Глядя вверх, я наслаждаюсь полной луной в ночном небе.

Склонившись, я тоскую по дому».

Мы знали, что это стихотворение написано об ученом, который путешествует и тоскует по дому, но после этой ночи я навсегда поверила, что оно написано о нас. Снежный Цветок была моим домом, а я — ее.

Прекрасная Луна

Прекрасная Луна вернулась домой на следующий день, и мы возобновили нашу работу. Несколько месяцев назад будущие родственники назначили Даты наших свадеб и сделали первые взносы официальных выкупов — прислали свинину, сладости, а также пустые деревянные короба, чтобы мы сложили туда свое приданое. И наконец, они прислали ткани.

Я уже говорила, что для нашей семьи ткали Мама и Тетя, а к тому времени мы с Прекрасной Луной умели ткать сами. Но когда я думаю о том, что мы делали своими руками, мне приходит на ум слово «домотканый». Папа и Дядя выращивали хлопок, женщины в нашем доме очищали его, мы использовали пчелиный воск для создания узора на ткани, а синий краситель для ткани мы расходовали очень умеренно, потому что должны были его экономить.

Помимо наших домашних тканей, я могла сравнить подаренную ткань с материалом, из которого были сшиты рубашки, штаны и косынки Снежного Цветка. А это была прекрасная ткань с замысловатыми узорами для элегантного гардероба. Один из любимых мной нарядов, который она носила в то время, был цвета индиго. Затейливый узор на ткани и покрой ее жакета выгодно отличались от одежды замужних женщин в Пувэе. И все же Снежный Цветок носила свои наряды с непринужденностью до тех пор, пока они не начинали выцветать или изнашиваться. Я хочу сказать, что материя и покрой одежды вдохновляли меня. Мне хотелось сшить такую же одежду для себя, чтобы ее можно было носить в Тункоу.

Но тот хлопок, который мне прислали будущие родственники, перевернул все мои представления. Он был мягким, без семян, со сложным узором и выкрашен в глубокий синий цвет, который так ценился людьми Яо. Получив такой подарок, я поняла, что мне необходимо еще многому научиться, но даже этот хлопок был ничем в сравнении с шелком. Подаренный мне шелк был не только превосходного качества, но и очень красивого цвета. Красный — для свадьбы и других праздников, например, для празднования Нового года. Пурпурный и зеленый — оба подходящие для молодой жены. Голубовато-серый, как цвет неба перед бурей, и зеленовато-голубой,

как цвет воды в деревенском пруду летом, — для того времени, когда я буду пожилой женщиной и вдовой. Черный и темно-синий — для мужчин в моем новом доме. Некоторые шелка были простыми, однотонными, на других же были выписаны пожелания двойной удачи, пионы или облака.

Рулоны шелка и хлопка, которые мне прислали будущие родственники, я не могла использовать на свое усмотрение. Из них надо было сшить мое приданое, так же как Прекрасная Луна и Снежный Цветок шили себе приданое из подаренных им материй. Нам нужно было сшить достаточное количество одеял, наволочек, туфель и одежду на всю жизнь, так как женщины Яо считают, что им не следует ничего брать у родственников со стороны мужа. Одеяла? Позвольте мне рассказать о них. Шить их утомительно, особенно в жару. Однако существует поверье: чем больше одеял принесешь в дом своего мужа, тем больше у тебя будет детей, поэтому мы делали как можно больше одеял.

Что нам нравилось делать, так это туфли. Мы делали туфли для наших мужей, свекровей, свекров и всех, кто жил в нашем будущем доме, включая братьев, сестер, невесток и всех детей. (Мне повезло, мой муж был первым сыном. У него было только три младших брата. Туфли для мужчин не надо было украшать, поэтому я шила их очень быстро. У Прекрасной Луны задача была труднее. В ее новом доме был один сын, его родители, пять сестер, тетя, дядя и трое их детей.) Мы, девушки, сшили также по шестнадцать пар для себя, по четыре пары на каждый сезон. Их будут рассматривать гораздо внимательнее, чем все остальные вещи, но мы были этому рады, потому что шили каждую пару с величайшей старательностью, начиная с подошвы и кончая последним стежком вышивки. Шитье туфель позволяло нам не только показать наше техническое и художественное мастерство — в нем заключалось радостное и оптимистичное предсказание. На нашем диалекте слово «туфля» звучит так же, как слово «ребенок». Получалось, как и в случае с одеялами, что чем больше туфель мы сделаем, тем больше у нас будет детей. Разница заключалась в том, что шитье туфель требовало тонкой работы, а шитье одеял было тяжелым трудом. Поскольку мы работали втроем бок о бок, мы по-дружески соперничали в составлении красивых узоров для украшения каждой пары, стараясь при этом сделать туфли крепкими и удобными изнутри.

Наши будущие родственники прислали нам обведенные следы своих ног. Мы не встречали еще своих будущих мужей и не знали, какого они роста, не рябые ли они, но мы знали размеры их ног. Мы были юными девушками, романтичными, как и все в этом возрасте, и воображали себе будущих мужей исходя из этих рисунков. Кое-что оказалось правдой. Большая часть — нет.

По этим рисункам мы вырезали куски хлопковой материи, затем три слоя таких отпечатков мы склеивали вместе. Мы делали несколько заготовок и ставили их на подоконник, чтобы они высохли. В период Ловли Прохладного Ветерка они сохли очень быстро. Затем мы брали эти склеенные стельки, складывали их по три штуки вместе и сшивали в толстую и крепкую подошву. Многие делали на подошве повторяющийся рисунок, вроде рисовых зернышек, но нам хотелось произвести впечатление на новых родственников, поэтому мы выстегивали разные узоры: бабочку, расправляющую крылья, — для мужа, хризантему в цвету — для свекрови, сверчка на веточке — для свекра. Все это делалось только для подошвы, но мы смотрели на эти узоры, как на послание к людям, которые, мы надеялись, полюбят нас, когда мы выйдем замуж и будем жить у них.

Я уже упоминала о том, какая невыносимая жара стояла в этом году в период Ловли Прохладного Ветерка. В верхней комнате мы изнемогали от зноя. Внизу было немногим лучше. Мы пили чай, надеясь, что он освежит нас, но даже в самых легких одеждах мы страдали. Я говорила о том, как опускала ноги в прохладную воду реки. Прекрасная Луна вспоминала, как бегала по полям поздней осенью, и свежий ветер охлаждал ей щеки. Снежный Цветок однажды путешествовала со своим отцом и помнила холодный ветер, который дул из Монголии. Все это нас не утешало. Воспоминания были мучительными.

Папа и Дядя пожалели нас. Они прекрасно знали о том, какой жестокой может быть погода, поскольку вместе с моими братьями работали каждый день под палящим солнцем. Но мы были бедны. У нас не было внутреннего дворика, где можно было отдохнуть, или куска земли, куда бы нас отнесли носильщики, чтобы мы могли посидеть в тени дерева: не было места, где мы были бы укрыты от посторонних взглядов. Папа взял материю у Мамы и с помощью Дяди

соорудил для нас навес с северной стороны дома. Затем они положили на землю несколько толстых одеял, чтобы нам было мягко сидеть.

«Днем мужчины в поле, — сказал Папа. — Они вас не увидят. Пока погода не изменится, вы, девочки, можете работать здесь. Только не говорите об этом вашим матерям».

Прекрасная Луна привыкла ходить к своим названным сестрам, чтобы вышивать и по другим поводам, но я не выходила за пределы нашего дома в Пувэе с самого детства.

Конечно, я покидала его, когда садилась в паланкин Мадам Ван или собирала овощи в огороде. Но за исключением этого мне разрешалось лишь смотреть на улицу через зарешеченное окно. Я очень долго не чувствовала ритма жизни нашей деревни.

Мы были невероятно счастливы, хоть нам и было жарко, но мы были счастливы. Пока мы сидели в тени и на самом деле ловили Прохладный Ветерок, мы вышивали наши туфли с внешней стороны или доводили их до ума. Прекрасная Луна делала стежки на своих красных свадебных туфельках — самых драгоценных из всех туфель. На них цвели розовые и белые лотосы, символизирующие ее чистоту и плодовитость. Снежный Цветок только что закончила пару туфель с узором из облаков для своей свекрови, они стояли рядом на одеяле и выглядели очень изящно и элегантно. Это была совершенная работа, к которой мы стремились во всем, что бы ни делали. Туфли вызывали во мне радостное воспоминание о жакете, который надела Снежный Цветок в день нашего знакомства. Но ностальгические чувства, казалось, не интересовали ее; она просто перешла к новой паре туфель, которую делала для себя, из натурального шелка с белой отделкой. Если иероглифы, изображающие слова «пурпурный» и «белый», написать вместе, они будут означать «много детей». И, как всегда, для вдохновения Снежному Цветку даже при вышивании требовалось небо. Вот и теперь на крошечных кусочках ткани высоко летали и вились в небе птицы и другие летучие создания. Тем временем я закончила пару туфель для своей свекрови. Размер ее ноги был чуть больше моего, и я гордилась этим, потому что, увидев мои ноги, она должна будет признать меня достойной ее сына. Я еще не видела своей свекрови, поэтому не знала ее вкусов, но в эту жару я не могла думать ни о чем другом, кроме прохлады. Мой рисунок на туфлях изображал пейзаж с женщинами, отдыхающими в тени ивы

рядом с ручьем. Это была фантазия, но в ней было не больше выдуманного, чем в мифических птицах, украшавших туфли Снежного Цветка.

Мы представляли собой прелестную картину, когда сидели вот так вместе на одеялах, поджав под себя ноги: три юные девушки, все помолвлены с женихами из хороших семей, весело работающие над своим приданым и демонстрирующие хорошие манеры тем, кто к ним приходил. Маленькие мальчики, идущие собирать хворост или ведущие быков на водопой к реке, останавливались поболтать с нами. Маленькие девочки, нянчившие своих братишек и сестреночек, давали нам подержать их на руках. А мы воображали, будто это наши собственные дети. Пожилые вдовы, чье положение и репутация находились в безопасности, подходили к нам посплетничать, посмотреть на наши вышивки или сделать замечание относительно нашей белой кожи.

На пятый день нам нанесла визит Мадам Гао. Она только что вернулась из деревни Гэтань, где устраивала чью-то свадьбу. Будучи там, она отдала наши письма Старшей Сестре и взяла у нее письмо для нас. Нам не нравилась Мадам Гао, но нас учили уважать старших. Мы предложили ей чаю, но она отказалась. Поскольку мы не были источниками ее доходов, она просто отдала мне письмо и взобралась в свой паланкин. Мы подождали, пока она повернет за угол; потом я своей вышивальной иглой вскрыла печать из рисовой мастики. Из-за дальнейших событий того дня, и потому, что Старшая Сестра использовала много стандартных фраз *нушу*, я могу, как мне кажется, воссоздать большую часть того, что она написала:

Семья,
Сегодня я взяла кисточку в руки,
и мое сердце полетело домой.
Я пишу своей семье —
поклон дорогим родителям, Тете и Дяде.
Когда я думаю об ушедших днях,
не могу удержаться от слез.
Я до сих пор в печали от разлуки с родным домом.
Мой живот большой из-за ребенка,
и мне очень жарко в эту погоду.

Мои родственники злобные.
Я делаю всю работу по дому.
В такую погоду невозможно никому угодить.
Сестра, двоюродная сестра, позаботьтесь о Маме и Папе.
Мы, женщины, можем только надеяться на то,
что наши родители проживут долго.
Тогда у нас будет место, куда вернуться на праздники.
В нашем родном доме у нас всегда будут те, кто ценит нас.
Пожалуйста, будьте добры к нашим родителям.

Ваша дочь, сестра и двоюродная сестра.

Я закончила читать письмо и закрыла глаза. Я раздумывала. Так много слез для Старшей Сестры, так много радости для меня. Я была благодарна, что мы следуем обычаю не переезжать насовсем в дом мужа до рождения первенца. У меня было еще целых два года до моей свадьбы и, возможно, еще три года до окончательного переезда в дом мужа.

Мои размышления были прерваны звуком, похожим на всхлип. Я взглянула на Снежный Цветок. Она смотрела на что-то справа от себя. Я проследила за ее взглядом, и остановилась на Прекрасной Луне, которая терла себе шею и делала глубокие вдохи.

«Что случилось?» — спросила я.

Грудь Прекрасной Луны вздымалась и опускалась от усилий вобрать в себя вздох — у-у-у, у-у-у, у-у-у — этих звуков я никогда не забуду.

Она посмотрела на меня своими красивыми глазами. Ее рука перестала тереть и сжимать шею. Она не пыталась встать. Она сидела с поджатыми под себя ногами и выглядела, как молодая дама, сидящая в тени в жаркий полдень с рукоделием на коленях, но я видела, как шея под ее рукой начала распухать.

«Снежный Цветок, — сказала я поспешно, — позови на помощь. Позови Папу, позови Дядю. Быстро!»

Уголкем глаз я видела, как Снежный Цветок пытается бежать на своих крошечных ножках. Ее голос — непривычно громкий — звучал высоко и неуверенно: «Помогите! Помогите!»

Я подползла по одеялу к Прекрасной Луне. На ее вышивании я увидела умирающую пчелу. Жало должно было быть в шее моей сестрички. Я взяла ее за руку. Ее рот открылся. Язык распух и налился кровью.

«Что я могу сделать? — спросила я. — Хочешь, я попробую вытащить жало?»

Мы обе знали, что было уже слишком поздно.

«Дать тебе воды?» — спросила я.

Прекрасная Луна не ответила. Теперь она дышала только носом, и каждый вдох требовал все больших усилий.

Откуда-то с улицы донесся голос Снежного Цветка: «Папа! Дядя! Старший Брат! Кто-нибудь! Помогите!»

Те же самые дети, которые навещали нас в последние дни, собрались вокруг нас и стояли с открытыми ртами, наблюдая за тем, как распухла шея Прекрасной Луны, ее язык, веки и руки. Ее кожа утратила белизну луны, в честь которой она была названа, и стала сначала розовой, потом красной, пурпурной и, наконец, посинела. Она была похожа на привидение из сказки. Пришли несколько вдов из Пувэя. Они сочувственно качали головами.

Прекрасная Луна смотрела на меня. Ее рука так раздулась, что пальцы стали напоминать сосиски, кожа ее так лоснилась и так натянулась, что, казалось, была готова лопнуть. Я держала эту жуткую лапу в своей руке.

«Прекрасная Луна, послушай меня, — взмолилась я. — Твой папа сейчас придет. Подожди его. Он так тебя любит. Мы все любим тебя, Прекрасная Луна. Ты слышишь меня?»

Женщины заплакали. Дети сбились в кучу, прижавшись друг к другу. Жизнь в деревне была трудной. Кто из нас не видел смерти? Но редко можно было увидеть такую храбрость, такое спокойствие, такое самообладание в последние минуты жизни.

«Ты была хорошей двоюродной сестрой, — сказала я. — Я всегда любила тебя. Я буду всегда тебя помнить».

Прекрасная Луна сделала еще один вдох. Этот звук был похож на скрип дверной петли. Он был долгим. Воздух почти не проходил в ее тело.

«Прекрасная Луна, Прекрасная Луна...»

Ужасный звук прекратился. Ее глаза превратились в узкие щелки на искаженном лице, но она смотрела на меня совершенно осмысленно. Она слышала все, что я сказала. В последний момент ее жизни — когда ни один глоток воздуха не мог ни войти в нее, ни выйти, — я чувствовала, будто она дает мне множество поручений. *«Скажи Маме, что я люблю ее. Скажи Папе, что я люблю его. Скажи своим родителям, что я благодарна им за все, что они сделали для меня. Пусть люди не жалеют обо мне»*. Потом ее голова упала на грудь.

Никто не двигался. Все было неподвижно, как пейзаж на моей вышивке. Только чье-то рыдание или сопение говорило о том, что здесь произошло несчастье.

На улицу выбежал Дядя. Он протиснулся сквозь толпу и увидел нас с Прекрасной Луной. Ее спокойная поза еще давала ему надежду. Но выражение моего лица и лиц стоящих вокруг людей подтверждало иное. Он опустился на колени и страшно закричал. Когда он увидел обезображенное лицо Прекрасной Луны, из его груди вырвался ужасный вой. Некоторые из маленьких детишек убежали.

Дядя так пропотел от работы в поле и пока бежал к нам, что я сильно ощутила его запах. Слезы текли у него из глаз, капали с носа, стекали со щек и смешивались с потом, пропитавшим его рубашку.

Прибежал Папа и опустился на колени рядом со мной. Через несколько секунд прибежал, расталкивая толпу и задыхаясь, Старший Брат, который нес на спине Снежный Цветок.

Дядя говорил Прекрасной Луне: «Проснись, малышка. Проснись. Я приведу твою маму. Ты нужна ей. Проснись. Проснись».

Мой отец схватил его за руку: «Это бесполезно».

Дядя сидел в позе, напоминающей позу Прекрасной Луны, поджав под себя ноги, опустив голову на грудь и сложив руки на коленях, — за исключением того, что из его глаз лились слезы, а тело содрогалось от рыданий.

Папа спросил: «Ты сам хочешь забрать ее, или мне это сделать?»

Дядя покачал головой. Он молча вытянул ногу и поставил ее на землю, чтобы иметь опору. Потом он поднял Прекрасную Луну и внес ее в дом. Ни один из нас не действовал сознательно. Только Снежный Цветок поняла, что надо сделать, и быстро убрала со стола чашки, которые мы поставили для мужчин, чтобы напоить их чаем, когда они придут с поля. Дядя положил Прекрасную Луну на стол. Теперь все могли видеть, как яд пчелы изуродовал ее лицо и тело. В моем мозгу билась одна мысль: это случилось всего за пять минут, не больше.

И снова Снежный Цветок приняла руководство на себя. «Простите меня, но вам нужно сообщить об этом остальным».

При мысли, что Тете необходимо сказать о смерти Прекрасной Луны, Дядя зарыдал еще горше. Я сама с ужасом думала о Тете. Прекрасная Луна была ее единственным счастьем в жизни. Я была потрясена тем, что случилось с моей сестричкой, и некоторое время почти ничего не чувствовала. Теперь же мои ноги ослабли, а глаза наполнились слезами от жалости к моей милой сестричке, к Тете и Дяде. Снежный Цветок обняла меня за плечи и подвела к стулу, по дороге давая указания.

«Старший Брат, беги в родную деревню твоей тети. У меня есть деньги. Найми на них для нее паланкин. Потом беги в родную деревню твоей матери. Приведи ее сюда. Ты можешь нести ее, как ты нес меня. Может быть, Второй Брат поможет тебе. Но торопись. Она нужна твоей тете».

Потом мы уселись ждать. Дядя сидел у стола и горько плакал, уткнувшись лицом в рубашку Прекрасной Луны, отчего она покрылась пятнами, похожими на дождевые облака. Папа пытался утешить Дядю, но какая от этого была польза? Его нельзя было утешить. Кто бы ни сказал вам, что люди Яо не любят своих дочерей, не верьте им. Мы можем быть никчемными. Нас могут растить и воспитывать для других семей. Но нас часто любят и лелеют, хотя порой наши родные изо всех сил стараются не иметь к нам чувств. Почему же в наших тайных записях вы часто видите такие фразы: «Я была жемчужиной на ладони моего отца»? Может быть, когда мы станем родителями, мы тоже будем стараться не иметь чувств к нашим дочерям. Я сама старалась не думать о своей дочери, но что я могла поделать? Я кормила ее грудью, как и своих сыновей, она плакала у меня на

колених и она воздала мне, став доброй и талантливой женщиной, хорошо знающей *нушу*. Дядина жемчужина покидала его навеки.

Я смотрела на личико Прекрасной Луны и вспоминала о том, как мы были близки. Нам перебинтовали ноги в одно и то же время. Нас просватали в одну и ту же деревню. Наши жизни были неразрывно связаны, а теперь нас разъединили навсегда.

Снежный Цветок хлопотала вокруг нас. Она приготовила чай, который никто не стал пить. Она прошлась по дому, нашла белые траурные одежды и вынула их. Она стояла у дверей, встречая тех, кто услышал печальные новости. Мадам Ван прибыла в своем паланкине, и Снежный Цветок ввела ее в дом. Я ожидала, что Мадам Ван начнет причитать по поводу потери своего вознаграждения. Но она спросила только, чем может помочь. Будущее Прекрасной Луны было в ее руках, и она чувствовала себя обязанной проводить ее в последний путь. Но когда Мадам Ван увидела ее обезображенное лицо и ужасные пальцы, она зажала рукой рот. А ведь стояла такая жара. У нас не было прохладного места, куда бы мы могли положить мою сестренку. Для Прекрасной Луны все начало происходить очень быстро.

«Когда придет ее мать?» — спросила Мадам Ван.

Мы не знали.

«Снежный Цветок, оберни ей голову муслином, а потом надень на нее вечные одежды. Сделай это сейчас. Ни одной матери не следует видеть свою дочь в таком состоянии».

Снежный Цветок направилась было наверх, но Мадам Ван схватила ее за рукав.

«Я поеду в Тункоу и привезу тебе траурное платье. Не уезжай отсюда, пока я тебе не скажу».

Она отпустила Снежный Цветок, бросила последний взгляд на Прекрасную Луну и выскользнула за дверь.

К тому времени, как приехала Тетя, Папа, Дядя, мои братья и я переоделись в одежду из простой мешковины. Тело Прекрасной Луны было полностью закутано в муслин, а потом ее одели в платье для путешествия в загробный мир. Было пролито много слез, но Тетя не пролила ни одной. Она просеменила на своих лилейных ногах и подошла прямо к своей дочери. Она поправила на ней платье и положила свою руку на то место, где было сердце ее дочери. Она простояла так много часов.

Тетя сделала все, что полагалось для похорон. Она дошла до могилы на коленях. Она сожгла бумажные деньги и одежду на могиле, чтобы Прекрасная Луна могла воспользоваться ими в загробном мире. Она собрала все тайные записи Прекрасной Луны и тоже сожгла их. Позже она сделала маленький алтарь в нашем доме, где каждый день совершала жертвоприношения. Тетя не плакала в нашем присутствии, но я никогда не забуду звуки, которые разносились по нашему дому по ночам, когда она ложилась спать. Ее стоны шли из глубины ее души. Никто из нас не мог уснуть. Никто из нас не мог стать ее утешением. Мы с братьями изо всех сил старались быть невидимыми, насколько это возможно, зная, что наши лица и голоса лишь горькое напоминание о том, что она потеряла. По утрам, после того как мужчины уходили на работу в поле, Тетя исчезала в своей комнатухе и не выходила оттуда. Она лежала на боку, лицом к стене, отказывалась съесть что-нибудь, кроме чашки риса, которую Мама приносила ей, и так проводила весь день молча, пока нас не окутывала ночь, и тогда эти страшные стоны снова наполняли дом.

Всем известно, что часть духа человека уходит в загробный мир, а другая часть остается в семье. Но у нас есть особое поверье насчет духов молодых женщин, умерших до свадьбы. Они возвращаются, чтобы терзать других незамужних девушек — не с целью напугать их, а с целью взять их с собой в загробный мир, чтобы не быть там в одиночестве. То, что Несчастный дух Прекрасной Луны являлся нам в загробных столах ее матери, предупредило нас со Снежным Цветком об опасности.

Снежный Цветок нашла выход. «Нужно сделать цветочную башню», — сказала она однажды утром. Цветочная башня была тем самым, что требовалось для умиротворения духа Прекрасной Луны. Если мы сделаем ей хорошую цветочную башню, у нее будет место, где она сможет бродить и развлекаться. Если она будет счастлива, мы со Снежным Цветком будем в безопасности.

Некоторые люди — у кого побольше денег — обращаются к профессиональному строителю цветочных башен, но мы со Снежным Цветком решили сделать ее сами. Мы представляли себе башню в несколько этажей, похожую на семярусную пагоду. Около входа мы поставили двух каменных собак. Внутри, на стенах, написали стихи на нашей тайнописи. Мы приготовили один этаж для танцев, другой —

для плавания. Мы сделали спальню, на потолке которой нарисовали луну и звезды. На другом этаже располагаюсь женская комната с зарешеченными окнами со сложным узором из бумаги, которые смотрели на все четыре стороны. Мы соорудили стол, на который положили обрывочки ее любимых ниток, чернила, бумагу и кисточку, поэтому Прекрасная Луна теперь могла вышивать или писать письма *нушу* своим новым друзьям-духам. Мы сделали слуг и затейников из цветной бумаги и расположили их по всей башне так, чтобы на каждом этаже были забавы и развлечения. Когда мы не работали над цветочной башней, мы сочиняли жалобную песню, которую хотели спеть, чтобы успокоить мою сестру. Если цветочная башня станет вечным удовольствием для Прекрасной Луны, слова этой песни станут нашим последним прощанием с ней, последним приветом из мира живых.

В тот день, когда погода, наконец, переменилась, мы со Снежным Цветком попросили разрешения пойти на могилу Прекрасной Луны. До могильного холма было недалеко, намного ближе, чем то расстояние, которое преодолела Снежный Цветок, когда ей пришлось идти в поле за Папой и Дядей. Мы посидели у могилы несколько минут. Потом Снежный Цветок подожгла цветочную башню. Мы наблюдали, как она горит, и воображали себе, как она переносится в загробный мир, и как Прекрасная Луна бродит по ее комнатам и восхищается ею. Потом я вынула лист бумаги, на котором мы написали песню для Прекрасной Луны на нашей тайнописи, и мы начали петь.

«Прекрасная Луна, мы надеемся,
что цветочная башня принесет тебе покой.
Мы надеемся, что ты забудешь о нас,
но мы никогда не забудем тебя.
Мы будем почитать тебя. Мы будем
убирать твою могилу на Весенний Праздник.
Не давай своим мыслям метаться в беспорядке.
Живи в своей цветочной башне и будь счастлива».

Мы со Снежным Цветком вернулись домой и поднялись наверх в женскую комнату. Сидя рядышком, мы принялись по очереди писать нашу жалобную песню на складках нашего веера. Когда мы с этим покончили, я добавила к гирлянде на верхнем крае веера маленький полумесяц, такой тонкий и изящный, какой была сама Прекрасная Луна.

Цветочная башня помогла нам защитить себя, она умиротворила беспокойный дух Прекрасной Луны, но ничем не помогла Тете и Дяде, которые были неутешны. Все это должно было случиться. Мы были во власти могущественных стихий и могли лишь следовать своей судьбе. Это можно объяснить существованием *ин* и *янь*: есть мужчины и женщины, свет и тень, печаль и счастье. Такой порядок вещей создаст равновесие. Вы можете испытывать мгновения величайшего счастья, как мы со Снежным Цветком в начале праздника Ловли Прохладного Ветерка, но вскоре оно было сметено самым жестоким образом смертью Прекрасной Луны. Вы можете взять двух вполне счастливых людей, таких, как Тетя и Дядя, а потом в одно мгновение завести их в тупик, где им не для чего жить; если мой отец умрет, им придется полагаться только на добросердечие Старшего Брата, который будет заботиться о них и не выгонит их из своего дома. Возьмите семью вроде моей, не очень-то богатую, и подумайте, можем ли мы вынести тяжесть такого большого числа свадеб в нашем доме... Все это нарушило равновесие во Вселенной, поэтому боги исправили положение, погубив милую девочку. Нет жизни без смерти. Это и есть истинное значение *ин* и *янь*.

Цветочный паланкин

Через два месяца после смерти Прекрасной Луны мои волосы, которые я закалывала с пятнадцати лет, начали причесывать в стиле дракона, как подобало молодой женщине, собирающейся вскоре выйти замуж. Мои будущие родственники прислали еще материю, деньги, чтобы у меня был свой собственный кошелек, и драгоценные украшения — серьги, кольца, ожерелья — все из серебра и нефрита. Они также прислали моим родителям тридцать мешочков клейкого риса — достаточно, чтобы накормить семью и друзей, которые будут навешать нас, — и свиной бок, который Папа нарезал на куски, а братья разнесли по семьям в Пувэе, чтобы известить их об официальном начале празднования свадьбы, злящейся целый месяц. Но Папу больше всего удивило и обрадовало прибытие нового буйвола. Этот подарок продемонстрировал всем, что моя семья не напрасно трудилась ради моего особого будущего. Благодаря этому дару мой отец стал одним из трех самых состоятельных людей в деревне.

Снежный Цветок приехала ко мне на весь месяц Сидения и Пеня в Верхней Комнате. Во время этих последних четырех недель, пока я заканчивала шить свое приданое, она помогала мне во всем, и мы стали еще ближе друг другу. У нас обеих были глупые представления о браке, но мы обе верили, что ничем нельзя поколебать тот покой, который мы ощущали в объятиях друг друга, — тепло наших тел, мягкость кожи, легкий запах всегда останутся прежними. Ничто не изменит нашу любовь друг к другу, и в будущем нас ждет много общих дел.

Сидение и Пеня в Верхней Комнате было началом более глубоких отношений между нами. После десяти лет, проведенных вместе, мы были готовы перейти на новую и более высокую ступень отношений. Через два или три года, когда я перейду жить в дом своего мужа насовсем, а Снежный Цветок уедет к своему мужу в Цзиньтянь, мы будем часто видеться. Конечно же, наши мужья — люди состоятельные и уважаемые — наймут нам паланкины для этой цели.

Поскольку у меня не было названных сестер, моя мать, моя тетя, моя невестка, Старшая Сестра, которая приехала домой и была снова

беременна, и несколько незамужних девушек из Пувэя пришли отпраздновать мою удачную помолвку. Время от времени к нам присоединялась Мадам Ван. Иногда мы читали наизусть любимые истории, или кто-нибудь из нас начинал песню, а остальные подхватывали. Иногда мы пели песни о наших собственных жизнях. Моя мать — довольная своей участью — пересказывала «Историю Цветочницы», в то время как Тетя, все еще в трауре, заставляла нас плакать, распевая жалобную погребальную песню.

Однажды днем, когда я сидела и вышивала пояс к своему свадебному наряду, к нам прибыла Мадам Ван, чтобы развлечь нас «Историей о Жене Ван». Она подвинула табурет поближе к Снежному Цветку, которая сидела в глубокой задумчивости, погруженная в составление моей книги третьего дня свадьбы, подыскивая нужные слова, которыми она хотела рассказать обо мне моим будущим родственникам. Они тихонько разговаривали друг с другом. Время от времени я слышала голосок Снежного Цветка, говорящей «Да, Тетушка» или «Нет, Тетушка». Снежный Цветок всегда была очень ласкова со свахой. Я пыталась — с весьма скромным успехом — подражать ей в этом.

Когда Мадам Ван увидела, что мы полностью готовы ее слушать, она поерзала на табурете, устраиваясь поудобнее, и начала свой рассказ. «Жила на свете одна благочестивая женщина, у которой было мало надежд на будущее». За последние годы сваха сильно располнела, поэтому говорила и двигалась медленнее и осмотрительнее, чем прежде. «Семья выдала ее замуж за мясника — это самый низменный союз для женщины, приверженной буддизму. Несмотря на это, она прежде всего была женщиной и родила сыновей и дочерей. Но Жена Ван не ела рыбы или мяса. Каждый день она часами читала сутры, особенно «Алмазную сутру». В то время, когда она не читала, она просила мужа не убивать животных. Она предупреждала его о плохой карме, которая будет ждать его в следующей жизни, если он не перестанет заниматься убийством животных».

Сваха положила руку на бедро Снежного Цветка. Мне бы эта рука показалась тяжелой, но Снежный Цветок не убрала ее.

«Но Муж Ван говорил — и некоторые назовут его слова справедливыми, — что в его семье бесчисленные поколения мужчин были мясниками», — рассказывала сваха. — «Ты продолжай читать

«Алмазную сутру», — сказал он. — И будешь вознаграждена в будущей жизни. А я буду заниматься своим делом. В этой жизни я куплю землю, а в следующей буду наказан. Жена Ван знала, что она обязана спать со своим мужем. Но когда он проверил ее знание «Алмазной сутры» и обнаружил, что она выучила ее наизусть, он предоставил ей отдельную комнату, чтобы она могла сохранять целомудрие весь остаток их семейной жизни».

«Тем временем, — продолжала Мадам Ван, и снова ее рука потянулась к Снежному Цветку и ласково легла ей на спину, — Властитель Загробного Мира послал духов^[15] за Женой Ван. Убедившись в ее чистоте, они уговаривали ее отправиться в загробный мир, чтобы читать там «Алмазную сутру». Она знала, что это значит: они просили ее умереть. Она умоляла их не заставлять ее покидать своих детей, но духи не слушали ее мольбы. Она велела своему мужу взять новую жену, а своим детям наказала быть добрыми и повиноваться новой матери. Только она проговорила эти слова, как упала на пол мертвой».

Жена Ван пережила много испытаний, прежде чем ее привели к Властителю Загробного Мира. Он наблюдал за ней во всех ее несчастьях и видел ее добродетель и благочестие. Как и ее муж, он попросил ее прочитать «Алмазную сутру». Хотя она и пропустила девять слов, он был так доволен ее усердием — как во время ее жизни, так и после смерти, — что вознаградил ее, разрешив вернуться в мир живых уже в образе маленького мальчика. На этот раз она родилась в доме важного чиновника, но ее настоящее имя было написано на подошве ее ноги.

Жена Ван вела примерную жизнь, но она была всего лишь женщиной, — напомнила нам сваха. — Теперь, в образе мужчины, она отличалась во всем, что делала. Она стала чиновником высокого ранга, она приобрела богатство, почет и уважение, но несмотря на это, ей не хватало ее семьи, и она очень хотела снова стать женщиной. Наконец ее представили императору. Она рассказала ему свою историю и умолила позволить ей вернуться в родную деревню ее мужа. Как и Властитель Загробного Мира, император был впечатлен ее мужеством и добродетелью, но он увидел в ней нечто большее — благочестивую любовь к семье. Император назначил ее судьей в деревню ее мужа. Она прибыла туда в полном облачении судьи. Когда все вышли из

своих домов, чтобы сделать *коуту*, она увидела всех присутствующих, сняла свои мужские туфли и показала свое настоящее имя. Затем рассказала своему мужу — теперь очень старому человеку, — что она хочет снова быть его женой. Муж Ван и дети пошли к ее могиле и открыли ее. Нефритовый Император вышел оттуда^[16] и провозгласил, что вся семья Ван может перейти из этого мира в нирвану, что они и сделали».

Я думала, что Мадам Ван рассказала эту историю мне о моем будущем. Мой муж Лу и его семья, какими бы уважаемыми они ни были в нашем уезде, могли совершить что-нибудь такое, что считается оскорбительным или грязным. Кроме того, мужчины, рожденные под знаком тигра, могут быть жестокими, горячими и импульсивными. Предположим, мой муж мог бы разразиться бранью в присутствии посторонних или насмеяться над обычаем бинтования ног. (Я признаю, это не так скверно, как быть мясником, но тем не менее эти черты характера могут быть опасными.) Я, женщина, рожденная под знаком лошади, могу помочь своему мужу бороться с этими чертами его характера. Женщина-Лошадь никогда не побоится взять руководство на себя и помочь своему товарищу избежать беды. Для меня в этом и заключался истинный смысл «Истории о Жене Ван». Возможно, она не могла заставить своего мужа делать то, что она хотела, но благодаря своему благочестию и добрым делам, она не только спасла его от наказания за его грязное ремесло, но и помогла всей своей семье достигнуть нирваны. Это была одна из немногих назидательных историй со счастливым концом, и в этот осенний день, когда до моей свадьбы оставался только один месяц, она сделала меня счастливой.

И все же в этот месяц Сидения и Пения я испытывала смешанные чувства. Я была опечалена расставанием со своей семьей, но так же, как и в случае с бинтованием, старалась смотреть на вещи шире. Я представляла себе не только тот маленький кусочек жизни, который могла видеть из своего зарешеченного окна. Передо мной разворачивалась панорама, подобная той, которую мы со Снежным Цветком видели, когда высывались из окна паланкина Мадам Ван. Я была убеждена, что передо мной расстилается новая и лучшая жизнь. Возможно, это было заложено в моем характере — ведь лошади любят бродить по свету, если могут. Я была счастлива оттого, что поеду в

какое-то новое место. Разумеется, я бы сказала, что мы со Снежным Цветком в точности следуем своему гороскопу, но лошади (и люди) не всегда бывают послушными. Мы говорим одно, а делаем другое. Сначала мы испытываем одни чувства, а потом наши сердца заставляют нас чувствовать совсем другое. Мы смотрим, но не понимаем, что шторы на глазах мешают нам видеть. Мы бредем по любимой тропинке, а потом находим новую дорогу, реку, и они искушают нас...

Вот такими были мои чувства, и я думала, что Снежный Цветок, моя половинка, испытывает то же самое, но она оставалась для меня загадкой. Ее свадьба была назначена через месяц после моей, но она не казалась ни взволнованной, ни опечаленной. Наоборот, была необычайно спокойна, даже когда пела вместе с нами или усердно работала над моей книгой третьего дня свадьбы. Я думала, что она больше меня нервничает по поводу первой брачной ночи.

«Я этого не боюсь», — усмехнулась она, когда мы вместе с ней складывали и заворачивали мои новые одеяла.

«Я тоже», — сказала я, но не думаю, что каждая из нас говорила с большой уверенностью. В мои дочерние годы, когда мне еще разрешалось играть на улице, я видела, как это происходит у животных. Я знала, что мне предстоит нечто вроде этого, но не понимала, как именно это произойдет и что мне следует при этом делать. А от Снежного Цветка, обычно знавшей намного больше меня, не было никакого проку. Мы обе ожидали, что наши матери, старшие сестры, моя тетя или хотя бы сваха объяснят нам, как это делается, — так же как они обучили нас многим другим вещам.

Поскольку нам неудобно было об этом говорить, я попыталась завести разговор о том, чем мы будем заниматься в течение нескольких недель. Вместо того чтобы сразу же после свадьбы вернуться домой, я собиралась приехать в дом Снежного Цветка и провести там месяц Сидения и Пеня. Мне нужно было помочь ей шить приданое, как она помогала мне. Я ждала этого путешествия уже десять лет, и некоторым образом это волновало меня больше, чем встреча с моим мужем. Ведь я так много слышала о доме Снежного Цветка и о ее семье, а о человеке, за которого собиралась выйти замуж, — почти ничего. Но хотя я с волнением предвкушала, что наконец увижу дом Снежного Цветка, она была скупа на подробности.

«Кто-нибудь из дома твоего мужа доставит тебя ко мне», — сказала она.

«Как ты думаешь, моя свекровь присоединится к нам во время твоего Сидения и Пеня?» — спросила я. Это было бы мне очень приятно, ведь свекровь увидела бы меня вместе с моей *лаотун*.

«Госпожа Лу слишком занята. У нее много обязанностей, как будет и у тебя когда-нибудь».

«Но ведь я познакомлюсь с твоей матерью, старшей сестрой и... кто еще приглашен?»

Я ожидала, что Мама и Тетя будут участвовать в подготовке к свадьбе Снежного Цветка. Казалось, она настолько сроднилась с нами, что обязательно пригласит их.

«Приедет Тетушка Ван», — ответила она. Сваха действительно должна была посетить ее несколько раз в период Сидения и Пеня, как посещала и меня. Для Мадам Ван наши свадьбы были завершением многих лет тяжелого труда, а это означало, что она получит последнее причитающееся ей вознаграждение. Она бы не упустила шанса показать другим женщинам — матерям возможных клиентов — свои результаты.

«Кроме приезда Тетушки Ван, я не знаю, что еще задумала моя мать, — продолжала Снежный Цветок. — Все будет сюрпризом».

Мы молча сложили еще одно одеяло. Я взглянула на Снежный Цветок и увидела непроницаемое выражение ее лица. Впервые за много лет во мне всколыхнулись мои прежние сомнения. Может быть, Снежный Цветок все еще считает, что я недостойна ее? Может быть, ее приводит в смущение мысль о встрече женщин из Тункоу с моей матерью и Тетей? Затем я вспомнила, что мы уже обсуждали *ее* месяц Сидения и Пеня. Он ведь должен быть *точно* таким, каким его хочет видеть ее мать.

Я взяла прядь волос Снежного Цветка и заложила ей за ухо. «Я не могу дожидаться встречи с твоей семьей. Это будет счастливое время».

Она произнесла с отсутствующим видом: «Боюсь, ты будешь разочарована. Я так много рассказывала тебе о Маме и Папе...»

«И о Гункоу, и о твоём доме!»

«Разве они могут быть столь прекрасными, как ты себе их воображаешь?»

Я засмеялась: «Ты глупенькая, если беспокоишься об этом. Все, что я воображаю себе, происходит из твоих красивых рассказов».

* * *

За три дня до моей свадьбы я начала совершать обряды, связанные с Днем Печали и Тревоги. Мама села на четвертую ступеньку лестницы, которая вела в верхнюю комнату, женщины из нашей деревни пришли к нам, чтобы петь жалобные песни, и все рыдали и приговаривали *ку, ку, ку*. Когда мы с Мамой перестали плакать и петь друг для друга, я повторила все сначала с моим отцом, моим дядей, Тетей и моими братьями. Я могла храбриться и смело смотреть вперед в свою будущую новую жизнь, но мое тело и душа ослабли от голода, так как невестам не разрешается есть последние десять дней перед свадьбой. Следуем ли мы этому обычаю ради того, чтобы казаться печальней от разлуки с нашими семьями, или ради того, чтобы сделаться более уступчивыми, или ради того, чтобы мы казались нашим мужьям более чистыми? Откуда я знаю? Я только знаю, что Мама — как и большинство матерей — спрятала несколько сваренных вкрутую яиц для меня в верхней комнате, но они мало помогали мне, и мои душевные силы ослабевали с каждым днем.

На следующий день я проснулась рано, в сильном волнении, но Снежный Цветок была рядом со мной. Ее нежные пальцы гладили меня по щеке, стараясь успокоить. Сегодня меня должны были представить будущим родственникам, и я была так напугана, что не могла съесть даже того, что мне разрешалось. Снежный Цветок помогла мне надеть свадебный наряд, который я сшила, — короткий жакет без воротника, подвязанный поясом, и длинные штаны. Она застегнула на моих запястьях браслеты, подаренные мне семьей моего мужа, потом помогла мне надеть другие их подарки — серьги, ожерелья, заколку для волос. Мои браслеты звенели не в лад, а вот украшения, которые я пришила к жакету, гармонично позвякивали. На ноги я надела красные свадебные туфли, а на голову — сложный убор с жемчужными шариками и серебряными украшениями, и все это трепетало, когда я двигалась или поворачивала голову, или же когда мои чувства прорывались наружу. С моего головного убора свисали

красные кисточки, образуя вуаль. Единственное, что я могла делать, сохраняя при этом соответствующий вид, — смотреть вниз.

Снежный Цветок помогла мне сойти с лестницы. То, что я почти ничего не могла видеть, вовсе не означало, что во мне не осталось никаких чувств, они-то и заставляли меня дрожать. Я слышала неровные шаги моей матери, тихие голоса Дяди и Тети, говоривших друг с другом, скрип стула, с которого поднялся мой отец. Все вместе мы пошли в храм предков Пувэя, где я благодарила своих предков за мою жизнь. Все это время Снежный Цветок была рядом со мной, она вела меня по улицам, подбадривая меня шепотом и напоминая, что следует поторопиться, насколько возможно, потому что вскоре должны прибыть мои новые родственники.

Придя домой, мы со Снежным Цветком поднялись наверх. Чтобы успокоить, она взяла меня за руку и постаралась описать то, что сейчас делает моя новая семья.

«Закрой глаза и представь себе вот это», — сказала она. При каждом ее слове кисточки перед моим лицом начинали волноваться. «Господин и госпожа Лу красиво одеты. Они вместе со своими друзьями и родственниками выехали в Пувэй. Их сопровождает оркестр, который сообщает всем, кто им встретится, что сегодня они — хозяева дороги. — Она понизила голос. — А где же жених? Он ждет тебя в Тункоу. Через два дня ты увидишь его!»

Внезапно мы услышали музыку. Они были уже неподалеку. Мы со Снежным Цветком подошли к зарешеченному окну. Я раздвинула кисточки и посмотрела в окно. Мы еще не могли увидеть оркестр или процессию, но мы обе увидели, как посланец прошел по улице, остановился у нашего порога и подал моему отцу письмо на красной бумаге, объявлявшее, что моя новая семья приехала за мной.

Потом из-за угла появился оркестр в сопровождении толпы незнакомых людей. Как только они подошли к нашему дому, началась обычная суматоха. Внизу плескали воду и кидали бамбуковые листья на музыкантов — все это с привычными шутками и смехом. Меня позвали вниз. И снова Снежный Цветок взяла меня за руку и повела. Я слышала, как женщины пели: «Вырастить дочь и выдать ее замуж все равно, что вымостить прекрасную дорогу для других».

Мы вышли на улицу, и Мадам Ван представила обе семьи друг другу. Я так волновалась в ту минуту, когда мои новые родственники

впервые увидели меня, что даже не могла шепотом попросить Снежный Цветок описать их мне или сказать, что они обо мне подумали. Затем мои родители повели всех к родовому храму предков, где было приготовлено праздничное угощение — первая из многочисленных свадебных трапез. Снежный Цветок села около меня вместе с девушками из нашей деревни. Были принесены особые блюда. Подали алкогольные напитки. Лица у всех покраснелись. Мужчины и пожилые женщины то и дело поддразнивали меня. На протяжении всего застолья я пела жалобные песни, а женщины мне отвечали. К этому моменту я по-настоящему не ела уже семь дней, и от запаха еды у меня кружилась голова.

Главным событием следующего дня — Дня Зала Большого Пения — был официальный завтрак. Мое рукоделие и все книги третьего дня свадьбы были вынесены на всеобщее обозрение под пение Снежного Цветка, других женщин и мое. Мама и Тетя подвели меня к центральному столу. Как только я села, моя свекровь поставила передо мной миску с супом, который она приготовила в знак добросердечия моей новой семьи. Мне разрешалось сделать только несколько глотков.

Сквозь свою вуаль я не могла видеть лица моей свекрови, но когда я сквозь кисточки увидела ее «золотые лилии», которые казались такими же маленькими, как мои собственные, я почувствовала прилив панического ужаса. Она не надела той специальной пары туфель, которые я сделала для нее. И я могла понять, почему. Вышивка на ее туфлях была намного лучше, чем что-либо сделанное мной. Я была опозорена. Несомненно, мои родители чувствовали неловкость, а мои новые родственники — разочарование. В эту ужасную минуту Снежный Цветок подошла ко мне и снова взяла меня за руку. По обычаю, мне следовало покинуть собравшихся, поэтому она вывела меня из храма и повела в дом. Она помогла мне подняться по лестнице, потом сняла с меня головной убор и свадебные одежды, одела меня в ночную рубашку и ночные туфли. Я не проронила ни слова. Совершенство туфель моей свекрови терзало мою душу, но я боялась сказать хоть слово об этом даже Снежному Цветку. Я не хотела, чтобы она тоже разочаровалась во мне.

Этим вечером моя семья вернулась домой очень поздно. Если я хотела получить какой-то совет относительно постельных дел, это должно было произойти сейчас. Мама вошла в комнату, а Снежный

Цветок вышла. Мама выглядела озабоченной, и на секунду я было подумала, что мои будущие родственники хотят разорвать помолвку. Мама положила свою палку на постель и села рядом со мной.

«Я всегда говорила тебе, что достойная женщина никогда не допустит ничего безобразного в своей жизни и что только через страдание ты можешь обрести красоту».

Я скромно кивнула, но внутренне я прямо-таки кричала от ужаса. Мама не раз повторяла мне те же слова во время бинтования. Могут ли быть постельные дела такими же страшными?

«Я надеюсь, ты будешь помнить, Лилия, что иногда мы не можем избежать безобразия. Ты должна быть храброй. Ты пообещала, что вы будете связаны на всю жизнь. Будь достойной женщиной, такой, какой ты должна быть».

Потом она встала, оперлась на палку и пошла прочь. Ее слова не подбодрили меня. Мои решительность, отвага и сила полностью иссякли. Я чувствовала себя настоящей невестой — испуганной, печальной — и очень страшилась покинуть свою семью.

Когда Снежный Цветок вошла в комнату и увидела, что я побелела от страха, она села на постель на то же место, где сидела моя мать, и попыталась утешить меня.

«Десять лет тебя готовили к этому моменту, — ласково уговаривала она меня. — Ты подчиняешься правилам, установленным в «Образце для Женщин». Ты тиха в речах, но сильна в душе. Ты скромно причесана. Ты не пользуешься пудрой или помадой. Ты умеешь прясть хлопок и шерсть, ткать, шить и вышивать. Ты умеешь готовить, убираться, стирать, всегда сохранять чай горячим и поддерживать огонь в очаге. Ты заботишься о своих ногах. Перед сном ты всегда меняешь бинты. Ты тщательно моешь ноги и освежаешь их ароматами перед тем, как перебинтовать заново».

«А как насчет... постельных дел?»

«Как насчет этого? Твои дядя и тетя счастливы, занимаясь этим. Твои мама и папа достаточно занимались этим, чтобы нарожать много детей. Это не должно быть таким тяжелым занятием, как вышивание или уборка».

Мне стало немного легче, но Снежный Цветок еще не закончила говорить. Она помогла мне лечь в постель и свернулась калачиком рядом, продолжая хвалить меня.

«Ты будешь хорошей матерью, потому что ты заботливая, — шептала она мне на ухо. — В то же время ты будешь хорошей учительницей. Откуда я это знаю? Вспомни все то, чему ты научила меня. — Она немного помолчала, чтобы мои душа и тело успели впитать в себя ее слова, затем перешла к более важному сообщению. — И, кроме того, я видела, как члены семьи Лу смотрели на тебя вчера и сегодня».

Я вывернулась из ее объятий и посмотрела в ее глаза. «Расскажи мне. Расскажи мне все».

«Помнишь, как госпожа Лу подала тебе суп?»

Конечно, я помнила. Это было началом того, что я считала своим вечным позором.

«Ты задрожала всем телом, — сказала Снежный Цветок. — Как тебе удалось это сделать? Все в комнате это заметили. Все говорили о твоей душевной хрупкости, соединенной с самообладанием. И пока ты сидела со склоненной головой, показывая всем, какая ты благовоспитанная девушка, госпожа Лу посмотрела через твою голову на своего мужа. Она одобрительно улыбнулась, и он улыбнулся в ответ. Вот увидишь. Госпожа Лу строгая, но у нее доброе сердце».

«Но...»

«А как все Лу смотрели на твои ноги! Ах, Лилия, я уверена, что все в моей деревне рады тому, что в один прекрасный день ты станешь новой госпожой Лу. А теперь постарайся заснуть. Впереди у тебя много долгих дней».

Мы улеглись лицом друг к другу. Снежный Цветок как обычно положила свою ладонь мне на щеку. «Закрой глаза», — ласково приказала она. Я сделала, как мне было велено.

* * *

На следующий день мои новые родственники прибыли в Пувэй довольно рано, чтобы забрать меня и привезти в Тункоу до наступления вечера. Когда я услышала звуки оркестра на окраине деревни, мое сердце запрыгало в груди. Я ничего не могла с этим поделать, и слезы текли у меня из глаз. Мама, Тетя, Старшая Сестра и Снежный Цветок плакали, когда вели меня по лестнице вниз. Прибыли

посланцы жениха. Мои братья помогли погрузить мое приданое в паланкины. Я снова надела свой головной убор, поэтому никого не могла видеть, я лишь слышала голоса своих родных, пока мы произносили традиционные слова прощания.

«Женщина никогда не обретет ценность, если не покинет своей деревни», — плача, призналась Мама.

«До свидания, Мама, — пропела я в ответ. — Благодарю тебя за то, что ты вырастила свою никчемную дочь».

«До свидания, дочка», — тихо сказал Папа. При звуке его голоса мои слезы полились в три ручья. Я вцепилась в перила лестницы, ведущей в верхнюю комнату. Внезапно мне расхотелось уезжать.

«Мы, женщины, должны покидать свои родные деревни, — запела Тетя. — Ты, словно птичка, улетающая в облака, которая никогда не вернется».

«Благодарю тебя, Тетя, за то, что ты смешила меня. Благодарю тебя за то, что ты показала истинное значение горя. Благодарю тебя за то, что ты делилась со мной своими особыми знаниями».

Тетины рыдания долетали до меня из ее укромного уголка. Я не могла оставить ее в скорби одну. Мои слезы были под стать ее слезам.

Взглянув вниз, я увидела загорелые руки Дяди на моей руке — он отрывал мои пальцы от перил.

«Твой цветочный паланкин ждет тебя», — сказал он, и его голос дрожал от волнения.

«Дядя...»

Потом я услышала голоса моих братьев и сестры. Они прощались со мной. Мне хотелось увидеть их, но я была ослеплена своими красными кисточками.

«Старший Брат, благодарю тебя за твою доброту, — пропела я. — Второй Брат, благодарю за то, что ты позволял мне нянчить тебя. Старшая Сестра, благодарю тебя за твое терпение».

На улице оркестр заиграл громче. Я вытянула руки вперед. Мама и Папа помогли мне переступить порог. Как только я сделала шаг, мои кисточки качнулись вперед и назад. В одно короткое мгновение я увидела свой паланкин, покрытый цветами и красным шелком. Мое *хуа цзяо* — цветочное кресло — было прекрасным.

Все, о чем мне говорили в течение шести лет, начиная со времени помолвки, хлынуло мне в голову. Я выходила замуж за тигра, это был

самый подходящий для меня союз, согласно нашим гороскопам. Мой муж был здоров, умен и образован. Его семья была уважаемой, богатой и щедрой. Я уже поняла это по достоинствам и количеству подарков, которые были присланы в качестве выкупа за меня, и теперь я снова убедилась в этом, увидев свое цветочное кресло. Я перестала цепляться за руки своих родителей, и они отпустили меня.

Сделав два шага вперед, я остановилась. Я не видела, куда надо идти, и протянула руки, в надежде, что Снежный Цветок поддержит меня. Как всегда, она пришла на помощь. Взяв меня за руку, она подвела меня к паланкину. Затем открыла дверь. Я слышала, как все вокруг плачут. Мама и Тетя выводили мелодию, обычную при прощании с дочерью. Снежный Цветок наклонилась ко мне и прошептала так, чтобы никто не мог услышать.

«Помни, мы с тобой две половинки навеки». Затем она вытащила что-то из своего рукава и сунула мне за пазуху. «Прочитай это по дороге в Тункоу. Я увижусь с тобой там».

Я села в паланкин. Носильщики подняли его, и мы отправились в путь. Мама, Тетя, Папа, Снежный Цветок и несколько друзей из Пувэя проводили мой паланкин до околицы и прокричали мне вслед добрые пожелания. Я осталась одна в паланкине и заплакала.

Почему вокруг меня устроили такую суматоху, если через три дня я все равно вернусь в свой родной дом? Я могу объяснить это так. Мы называем замужество *було фуцзя*, что означает «постепенное падение в дом мужа». Слово «ло» означает «падение», как падение листьев осенью. А на нашем местном диалекте слово «жена» имеет еще одно значение — «гость». Всю оставшуюся жизнь я буду просто гостьей в доме своего мужа — не той гостьей, которую балуют особыми блюдами, подарками, вниманием, мягкой постелью, а той, на которую всегда смотрят как на чужую, незнакомку, смотрят с подозрением.

Я сунула руку за пазуху и вытащила сверток Снежного Цветка. Это был наш веер, завернутый в материю. Я открыла его, предвкушая увидеть пожелания счастья, написанные рукой Снежного Цветка. Мои глаза быстро пробежали по складкам веера, и я нашла ее послание: «*Две птицы в полете — два сердца бьются, как одно. Солнце сияет на их крыльях, лаская их живительным теплом. Земля расстилается под ними — она вся принадлежит им*». Среди гирлянды на верхнем крае веера парили рядом две птички: мой муж и я. Мне очень понравилось,

что Снежный Цветок поместила моего мужа на нашей самой дорогой вещице.

А потом я развернула носовой платок, в который был завернут веер. Мои кисточки покачивались в такт шагов носильщиков, когда я наклонила голову, чтобы посмотреть вниз. Я увидела, что Снежный Цветок вышила на нашем тайном языке письмо для меня, чтобы отметить этот особый момент в моей жизни.

Письмо начиналось традиционным обращением к невесте:

Когда я пишу тебе, я чувствую, как кинжалы пронзают мое сердце. Мы обещали, что никогда не расстанемся, что никогда не скажем друг другу резкое слово.

Это были фразы нашего договора, и я улыбнулась при этом воспоминании.

Я думала, что мы всю жизнь будем вместе. Я никогда не верила, что настанет этот день. Печально, что мы ошибочно пришли в этот мир — родились девочками — но такова наша судьба. Лилия, мы были, как пара уточек-мандаринок. Теперь все изменилось. В ближайшие дни ты узнаешь кое-что обо мне. Я полна беспокойства и мрачных предчувствий. Моя душа рыдает при мысли, что ты больше не будешь любить меня. Пожалуйста, помни: что бы ты ни думала обо мне, мое мнение о тебе никогда не изменится.

Снежный Цветок

Можете ли вы представить себе мои чувства? Снежный Цветок все эти последние недели была очень тихой, потому что боялась, что я больше не буду любить ее. Но как такое возможно? Сидя в своем цветочном паланкине, я думала: *ничто* и никогда не изменит моих чувств к Снежному Цветку. Меня одолевали ужасные предчувствия, и мне хотелось крикнуть носильщикам, чтобы они повернули назад, и я смогла бы развеять все страхи моей *лаотун*.

Но мы уже прибыли к главным воротам Тункоу. Взлетали вверх и рассыпались фейерверки; оркестр звенел, грубил и барабанил. Люди стали выгружать мое приданое.

Эти вещи нужно было отнести прямо в мой новый дом, чтобы мой муж мог переодеться в свадебную одежду, которую я сшила для него. Потом я услышала ужасный, но знакомый звук. Это был писк цыпленка, которому отрубили голову. Кто-то брызгал цыплячьей кровью на землю рядом с моим цветочным паланкином, чтобы отогнать злых духов, которые могли прибыть вместе со мной.

Наконец дверь паланкина отворилась, и женщина, которую посчитали главной в деревне, помогла мне выйти. На самом деле главной женщиной в деревне была моя свекровь, но сейчас на эту роль выбрали другую жительницу Тункоу, у которой было больше всех сыновей. Она повела меня к моему новому дому, я переступила через порог и была представлена новым родственникам. Я встала перед ними на колени и коснулась лбом земли три раза. «Я буду повиноваться вам, — сказала я. — Я буду трудиться для вас». Потом я налила им чаю. После этого меня отвели в мою брачную комнату и оставили одну, но дверь комнаты была открыта. Только несколько минут отделяли меня от встречи с моим мужем. Я ждала этой минуты с тех пор, как Мадам Ван впервые приходила посмотреть на мои ноги, и все-таки я была ужасно взволнована, возбуждена и смущена. Этот человек был для меня абсолютным незнакомцем, и меня, естественно, мучило любопытство. Он будет отцом моих детей, и я беспокоилась о том, как все произойдет. И, кроме того, я получила таинственное письмо от моей половинки, и меня терзала тревога за нее.

Я услышала, как двигают стол, чтобы перегородить дверной проем. Я покачала головой, кисточки раздвинулись, и я увидела, как свекор и свекровь кладут свадебные одеяла на стол и ставят на груды одеял два связанных друг с другом кубка с вином: один, перевязанный зеленой ниткой, другой — красной.

В переднюю комнату вошел мой муж. Все громко приветствовали его. На этот раз я не пыталась подсматривать. Мне хотелось вести себя во время нашей первой встречи по возможности так, как предписывал обычай. Со своей стороны стола он потянул за красную нитку. Я потянула за зеленую. Затем он запрыгнул на стол, прямо на одеяла, и соскочил в комнату, где была я. Теперь мы были официально женаты.

Что я могла сказать о своем муже в этот первый момент нашей встречи, когда мы стояли рядом друг с другом? По его запаху я могла судить, что он очень хорошо помылся. Посмотрев вниз, я увидела, что свадебные туфли, которые я сшила, красиво выглядят у него на ногах и что свадебные красные брюки точно подходят по длине. Но эта минута прошла, и началась процедура Поздравления и Шумного Веселья в свадебной комнате. В комнату ворвались друзья моего мужа. Они нетвердо держались на ногах и невнятно выговаривали слова, потому что слишком много выпили. Они одарили нас земляными орехами и финиками, чтобы у нас было много детей. Они одарили нас сладостями, чтобы у нас была сладкая жизнь. Но они не отдали мне запеченное в тесте яблоко, как моему мужу. Нет! Они привязали его за нитку и раскачивали перед моим ртом. Они заставили меня подпрыгивать за этим яблоком так, чтобы мне никогда не удавалось достичь цели. И все это время они отпускали шуточки. Ну, вы знаете, какие. «Пусть в эту ночь мой муж будет сильным, как бык», или «Пусть я буду послушна, как овечка», или что «Мои груди похожи на два персика, готовые прорвать ткань жакета», или «Пусть у моего мужа будет столько потомков, сколько зернышек в гранате», или «Если мы используем такую-то позу, у нас точно первым родится сын». Здесь было то же, что и везде — низкосортные разговоры о первой ночи допускались на любой свадьбе. И я подыгрывала им, хотя внутри меня росла паника.

Уже несколько часов я была в Тункоу. Наступил поздний вечер. На улице жители деревни пели, ели, танцевали, веселились. Снова зажглись огни фейерверка, подавшие сигнал всем расходиться по домам. Наконец Мадам Ван закрыла дверь в брачную комнату, и мы с моим мужем остались одни.

Он сказал: «Привет».

Я сказала: «Привет».

«Ты поела?»

«Мне не полагается есть еще два дня».

«У тебя есть земляные орехи и финики. Если ты их поешь, я никому не скажу».

Я отрицательно покачала головой, а маленькие шарики на моем головном уборе и серебряные украшения красиво зазвенели. Мои кисточки раздвинулись, и я увидела, что его глаза опущены. Он

смотрел на мои ноги. Кровь бросилась мне в лицо. Я задержала дыхание, надеясь, что кисточки перестанут раскачиваться, и он не увидит моего смущения. Я не двигалась с места, он тоже. Я была уверена, что он все еще рассматривает меня. Оставалось только ждать.

Наконец мой муж сказал: «Говорят, ты очень хорошенькая. Это правда?»

«Помоги мне снять мой головной убор, и сам увидишь».

Эти слова прозвучали более резко, чем мне хотелось, но мой муж только рассмеялся. Через секунду он поставил мой головной убор на столик рядом. Он обернулся ко мне, чтобы посмотреть на меня. Между нами было около метра. Он внимательно глядел мне в лицо, а я храбро смотрела на него. Все, что говорили о нем Мадам Ван и Снежный Цветок, было правдой. У него на лице не было следов оспы или каких-либо шрамов. Он не был таким загорелым, как Папа или Дядя, и я поняла, что он мало времени проводит в поле. У него были высокие скулы и твердый, но не тяжелый подбородок, что придавало ему уверенный, но не наглый вид. Непокорный чуб падал ему на лоб, придавая беззаботное выражение лицу. Его глаза светились добродушным юмором.

Он шагнул ко мне, взял мою руку в свои и сказал: «Я думаю, мы можем быть счастливы, ты и я».

Могла ли я, семнадцатилетняя девушка из племени Яо, надеяться услышать более добрые слова? Как и мой муж, я видела впереди наше золотое будущее. В эту ночь он соблюдал все традиции, он даже снял с меня туфли невесты и надел на мои ноги ночные туфли. Я так привыкла к нежным прикосновениям Снежного Цветка, что даже не могу описать свои чувства, когда его руки касались моих ног. Могу лишь сказать, что эти прикосновения показались мне намного более интимными, чем то, что произошло потом. Я не знала, что я делаю, но и он не знал. Я только пыталась представить себе, что делала бы Снежный Цветок, если бы лежала под этим незнакомым человеком вместо меня.

* * *

На второй день моей свадьбы я поднялась рано. Муж мой еще спал, и я вышла в коридор. Вам знакомо состояние, когда вас просто тошнит от беспокойства? Вот так я себя и чувствовала с той минуты, как прочитала письмо Снежного Цветка, но ничего не могла поделать — ни во время свадьбы, ни прошлой ночью, ни сейчас. Я должна была как можно лучше выполнять все предписанные действия до того, как увижу ее снова. Но это было тяжело, потому что я была голодна, мои силы истощились, и все тело болело. Мои ноги устали и были стерты от непривычно долгой ходьбы за последние дни. Я испытывала дискомфорт еще в одном месте, но, придя на кухню, где на корточках сидела девочка-служанка лет десяти и очевидно ожидала меня, старалась не показывать, как мне плохо. Это была моя собственная служанка — мне никто не сказал об этом. У людей в Пувэе не было слуг, но я поняла, кто она такая, потому что ее ноги не были перебинтованы. Ее звали Юнгам, что означало *храбрая* и *сильная, как железо*. (Это оказалось правдой.) Она уже развела огонь в жаровне и принесла воды в кухню. Все, что мне осталось сделать, это нагреть воды и отнести ее моим свекру и свекрови, чтобы они могли умыться. Я также приготовила чай для всех в доме, и когда они пришли на кухню, я разлила его по чашкам, не пролив ни капли.

В этот день мои новые родственники послали еще один свиной бок и сладкие пирожки моей семье. В храме предков семьи Лу был большой праздник, но для меня это была еще одна трапеза, где мне не разрешалось есть. В присутствии всех родственников мы с мужем поклонились Небу и Земле, моим свекру и свекрови и предкам семьи Лу. Потом мы прошли по храму и поклонились всем, кто был старше нас. Они, в свою очередь, давали нам деньги, завернутые в красную бумагу. Дальше было возвращение в брачную комнату.

Следующий, третий день свадьбы, был тем самым днем, которого ждут все невесты. Это время, когда читают книги третьего дня свадьбы, написанные родными и друзьями. Но я могла думать только о Снежном Цветке и о том, что я увижу ее во время чтения.

Прибыли Старшая Сестра и жена Старшего Брата. Они привезли книги и еду, к которой мне наконец-то можно было притронуться. Многие женщины из Тункоу присоединились к женщинам из семьи моего мужа, чтобы помочь читать книги. Но ни Снежный Цветок, ни ее мать не пришли. Это было выше моего понимания. Я была глубоко

обижена... и напугана отсутствием Снежного Цветка. Я присутствовала при самом радостном из всех свадебных ритуалов, но не испытывала никакой радости.

Мои *саньчжаошу* содержали обычные слова о горе моей семьи, оттого, что я не буду больше вместе с ними. В то же время в них превозносились мои добродетели и повторялись такие фразы, как *«Если бы мы только могли убедить эту почтенную семью подождать несколько лет и не забирать тебя от нас»* или *«Печально, что мы не вместе»*. В то же время они умоляли моих новых родственников быть снисходительными и обучить меня обычаям их семьи с терпением. *Саньчжаошу* Снежного Цветка была именно такой, как я ожидала. В ней отразилась ее любовь к птицам, и начиналась она так: *«Феникс спаривается с золотой курочкой, это союз, заключенный в небесах»*. И дальше — добрые пожелания. Как это похоже на мою *лаотун*.

Правда

При обычных обстоятельствах на четвертый день после свадьбы я вернулась бы к своей семье в Пувэй, но я давно собиралась отправиться в дом Снежного Цветка и пробыть там весь ее месяц Сидения и Пеня. Сейчас, когда я могла вот-вот увидеть ее, я разволновалась еще больше. Я надела один из своих лучших повседневных нарядов — жакет из бледно-зеленого шелка и штаны с вышитым бамбуковым узором. Мне хотелось произвести благоприятное впечатление не только на всех, кто мне встретится в Тункоу, но и на семью Снежного Цветка, о которой я так много слышала на протяжении стольких лет. Юнган, девочка-служанка, провела меня по улицам Тункоу. В корзине она несла мою одежду, нитки для вышивания, ткани и книги третьего дня свадьбы, которые я приготовила для Снежного Цветка. Я была рада тому, что Юнган сопровождала меня, но все же испытывала неудобство в ее присутствии. Она была частью того много, к чему мне предстояло привыкнуть.

Тункоу была намного больше, чем Пувэй, и гораздо более богатой деревней. Улицы были чистыми, по ним не бродили цыплята, утки или свиньи. Мы остановились у дома, который выглядел точно так, как его описывала Снежный Цветок: двухэтажный, изящный и элегантный. Я пробыла в Тункоу недостаточно времени, чтобы знать местные обычаи, но один из них был точно такой, как в Пувэе. Мы не стали вызывать хозяев своими приветствиями или стучать в дверь. Юнган просто открыла парадную дверь в дом Снежного Цветка, и мы вошли.

Я вошла прямо за Юнган, и меня тут же поразил странный запах, сочетающий в себе запах помойки и протухшего мяса с чем-то тошнотворно-сладким. Я понятия не имела, что бы это могло быть, за исключением того, что запах все-таки человеческий. Меня замутило, но мой взор был поражен еще сильнее и отказывался принять то, что я видела.

Главная комната была намного больше, чем в моем родном доме, но в ней было гораздо меньше мебели. Я видела стол, но не было стульев. Я видела резную балюстраду, ведущую в женскую комнату, но кроме нескольких вещей, в которых можно было заметить искусство

выделки более высокого качества, чем в любой вещи в моем доме, там больше не было ничего. Даже огня не было. Была поздняя осень, и начинались холода. Комната была грязной, с объедками на полу. Я увидела и другие двери, которые, должно быть, вели в спальни.

Все это разительно отличалось не только от того, что ожидал бы увидеть прохожий, взглянувший на этот дом снаружи, но и от рассказов моей *лаотун*. Наверное, я не туда попала.

Под потолком находились несколько окон, но все они, кроме одного, были наглухо закрыты. Темноту в комнате пронизывал единственный луч света, падающий из этого окна. В мрачной темноте я заметила женщину, сидевшую на корточках рядом с тазом для умывания. Наши глаза встретились, и она быстро отвела взгляд. Не поднимая головы, она стояла в полосе света. Женщина была одета, как самая бедная крестьянка, в рваную и грязную стеганую одежду. Но кожа ее была прекрасной, такой же белой и чистой, как фарфор. Она сложила руки перед собой и поклонилась.

«Госпожа Лилия, добро пожаловать, добро пожаловать. — Она произнесла эти слова тихим голосом, но, казалось, не из уважения к моему новому более высокому статусу, а из страха перед кем-то. — Подождите здесь. Я приведу Снежный Цветок».

Я была совершенно потрясена. Стало быть, это дом Снежного Цветка? Но как это могло быть правдой? Когда женщина шла к лестнице, я заметила ее «золотые лилии», почти такие же маленькие, как у меня, и моему невежественному взору показалось странным, что у женщины-прислужницы такие ноги.

Я внимательно прислушивалась к голосу этой женщины, которая разговаривала с кем-то наверху. Потом я услышала нечто невозможное — голос Снежного Цветка, которая упрячилась и спорила. Я была потрясена, просто потрясена. Но за исключением звуков такого знакомого мне голоса, дом был пугающе тих. И в этой тишине я ощутила нечто таинственное, будто здесь присутствовал дух из загробного мира. Вес мое тело противилось этому чувству. По моей коже побежали мурашки. Я дрожала в своем шелковом наряде, который надела, чтобы произвести впечатление на родителей Снежного Цветка, но он не защищал меня от влажного ветра, дувшего из окна, и от пронизывающего холода, вызванного страхом пребывания в этом странном, темном, зловонном, пугающем месте.

Снежный Цветок появилась на верху лестницы. «Поднимайся», — сказала она.

Я стояла, как парализованная, отчаянно стараясь уразуметь то, что увидела. Кто-то коснулся моего рукава, и я очнулась.

«Не думаю, что хозяин захотел бы, чтобы я оставила вас здесь», — сказала Юнган. Ее лицо выражало крайнее беспокойство.

«Хозяин знает, где я», — ответила я, не раздумывая.

«Лилия...». В голосе Снежного Цветка было такое горестное отчаяние, которого я никогда не слышала.

Затем воспоминания о совсем недавних событиях нахлынули на меня с новой силой. Моя мать говорила мне, что я, как женщина, не могу избежать безобразия и что я должна быть храброй. «Ты пообещала, что вы будете связаны на всю жизнь, — сказала она. — Будь достойной женщиной, такой, какой ты должна быть». Она говорила не о постельных делах и не о моем муже. Она говорила об *этом*. Снежный Цветок была моей половинкой на всю жизнь. Моя любовь к ней была больше и глубже, чем моя любовь к человеку, ставшему моим мужем. В этом и заключалась суть союза *лаотун*.

Я сделала шаг вперед и услышала, как Юнган хнычет. Я не знала, что делать. У меня никогда прежде не было слуг. Я нерешительно погладила ее по плечу. «Иди, — сказала я, стараясь держаться как хозяйка. — Со мной все будет в порядке».

«Если вам почему-то нужно будет уйти отсюда, просто выйдите на улицу и позовите на помощь, — предложила Юнган, все еще не успокоенная. — Здесь все знают Господина и Госпожу Лу. Люди проводят вас до дома вашего мужа».

Я протянула руку и взяла у нее корзинку. Служанка не двигалась с места, но я кивком приказала ей уйти. Она вздохнула, быстро поклонилась, повернулась к дверям и вышла.

Крепко держа корзинку в руке, я поднялась по лестнице. Приблизившись к Снежному Цветку, я увидела, что по ее лицу текут слезы. Как и ее служанка, она была одета в серую, дурно на ней сидящую и плохо починенную стеганую одежду. Я остановилась на последней ступеньке перед площадкой.

«Ничего не изменилось, — сказала я. — Мы с тобой две половинки».

Снежный Цветок взяла меня за руку, помогла мне взобраться на последнюю ступеньку и повела меня в женскую комнату. Я увидела, что эта комната когда-то тоже была очень красива. Она раза в три превышала размеры женской комнаты в моем доме. На зарешеченном окне вместо вертикальных планок был экран из дерева со сложной резьбой. Но комната была пустой, в ней находились лишь прялка да постель. Красивая женщина, которую я видела внизу, сидела на краю постели в изящной позе, сложив руки на коленях. Крестьянская одежда не могла скрыть ее красоты и благовоспитанности.

«Лилия, — сказала Снежный Цветок, — это моя мать».

Я подошла к женщине ближе, сложила руки и поклонилась той, которая принесла мою *лаотун* в этот мир.

«Ты должна простить нам наши обстоятельства, — сказала мать Снежного Цветка. — Я могу предложить тебе только чай». Она встала с места. — «У вас, девочки, найдется много, о чем сказать друг другу». С этими словами она вышла из комнаты с той горделивой грацией, которая происходила от ее превосходно перебинтованных ног.

Когда четыре дня назад я покидала свой родной дом, слезы заливали мое лицо. Я испытывала печаль, радость, страх — и все одновременно. Но теперь, сидя со Снежным Цветком на ее постели, я видела в ее глазах слезы угрызений совести, сознание вины, стыда и смятения.

Мне хотелось крикнуть ей: «Расскажи мне!» Но я сидела и ждала правды, понимая при этом, что любое слово из уст Снежного Цветка станет причиной того, что она окончательно потеряет свое лицо.

«Задолго до того, как мы с тобой познакомились, — наконец начала говорить Снежный Цветок, — моя семья была самой лучшей в уезде. Ты можешь видеть, — она беспомощно повела рукой, — когда-то все это было великолепно. Мы были богаты. Мой прадедущка, ученый, получил от императора много *му* земли».

Я слушала, а мысли вихрем вились у меня в голове.

«Когда император умер, мой прадедущка вышел из фавора, поэтому он удалился от дел и вернулся домой. Жизнь была хорошей. Когда умер мой дед, его сын унаследовал все. У моего дедушки было много работников и слуг. У него было три наложницы, но они ему рожали только девочек. Моя бабушка, в конце концов, родила сына и сохранила свое положение. Они женили сына на моей матери.

Люди говорили, она была, как Ху Юйсю, та способная и обворожительная девушка, что привлекла к себе внимание императора. Мой отец не был императорским чиновником, но он был образованным человеком. Люди говорили, что когда-нибудь он станет надзирателем в Тункоу. Мои дедушка и бабушка видели в моем отце слабости, которые происходили оттого, что он был единственным сыном в доме, где жили слишком много дочерей и наложниц. Моя тетя подозревала, что он был труслив и склонен к пороку».

По мере того как Снежный Цветок углублялась в прошлое, которого уже не существовало, ее взгляд становился все более отсутствующим. «Через два года после того, как родилась я, мои дедушка и бабушка умерли, — продолжала она. — У моей семьи было все — великолепная одежда, много еды, куча слуг. Мой отец брал меня в путешествия, моя мать возила меня в Храм Гупо. Девочкой я много увидела и узнала. Но мой отец должен был заботиться о трех наложницах дедушки и выдать замуж четырех своих родных сестер и единокровных сестер, рожденных наложницами. Он также должен был давать еду и кров работникам, занятым в поле, и домашней прислуге. Были устроены браки всех его сестер. Мой отец старался показать всем, какой он большой человек. Каждая следующая свадьба была расточительней предыдущей. Он начал продавать наши поля крупным землевладельцам с запада провинции, чтобы заплатить за шелка и свинину. Моя мать — ты ее видела, — она красивая, а во всем остальном очень похожа на меня, ту, какой я была до встречи с тобой: изнеженная, беззаботная, не знающая ничего из женских домашних обязанностей, кроме вышивания и *нушу*. Мой отец... — тут Снежный Цветок запнулась, а потом выпалила: — Мой отец пристрастился к курению».

Я вспомнила тот день, когда Мадам Гао сплетничала о семье моей *лаотун*. Она упомянула азартные игры и наложниц, но также и то, что отец Снежного Цветка курил. Мне было тогда девять лет, и я подумала, что он курил слишком много табака. Теперь я поняла не только то, что отец Снежного Цветка стал жертвой своего пристрастия к опиуму, но и то, что в тот день все присутствующие в верхней комнате, кроме меня, точно знали, о чем говорит Мадам Гао. Моя мать знала, моя тетя знала, Мадам Ван знала. Они все знали, но решили, что мне этого знать не следует.

«Твой отец еще жив?» — робко спросила я. Конечно, она сказала бы мне, если бы он умер, но с другой стороны среди прочей лжи, может быть, и нет.

Она кивнула, но больше ничего не произнесла.

«Он внизу?» — спросила я, думая об этом странном, отвратительном запахе, которым пропиталась главная комната. Лицо Снежного Цветка оставалось неподвижным; потом она двинула бровью вверх. Я решила, что это означает «да».

«Поворотной точкой был голодный год, — заговорила она снова. — Ты это помнишь? Мы с тобой еще не были знакомы, и в тот год был ужасный неурожай, а потом жутко холодная зима».

Как я могла забыть? Самым лучшим нашим блюдом в то время был жидкий рис с сушеной рыбой. Мама экономила, Папа и Дядя питались кое-как, и мы выжили.

«Мой отец не был готов к этому, — продолжала Снежный Цветок. — Он курил свою трубку и совсем забыл о нас. Однажды наложницы моего дедушки ушли из дома. Может быть, они вернулись в свои родные семьи. Может быть, замерзли в снегу. Никто не знал. Но к весне в доме остались только мои родители, два моих брата, две мои сестры и я. Внешне наша жизнь казалась такой же изящной и красивой, но на самом деле к нам стали регулярно приходиться сборщики долгов. Мой отец продал еще часть земли. В конце концов, у нас остался только дом. Но к тому времени отец больше думал о своей трубке, чем о нас. Прежде чем он заложил мебель, — о, Лилия, ты не можешь себе представить, как все тут было красиво, — он решил продать меня».

«Неужели как служанку?!»

«Хуже. Как маленькую невестку».

Для меня это всегда была самая ужасная вещь, которую только можно себе представить: тебе не бинтуют ноги, тебя воспитывают чужие люди с такими низкими устоями, что им даже не нужна настоящая невестка, с гобой обращаются хуже, чем со служанкой. А теперь, когда я была замужем, я понимала самую худшую сторону такого положения. Ты можешь быть лишь подстилкой для любого мужчины в семье.

«Нас спасла сестра моей матери, — сказала Снежный Цветок. — После того как мы с тобой заключили союз *лаотун*, она устроила

более или менее сносный брак для моей старшей сестры, которая сюда больше не приезжает. Потом она отдала моего старшего брата учиться ремеслу в Шанхае. Мой младший брат сейчас работает в поле на семью твоего мужа. Моя младшая сестра, как ты знаешь, умерла...»

Но мне были неинтересны люди, которых я никогда не видела, и о которых слышала только ложь. «Что было с тобой?»

«Моя тетя изменила мое будущее с помощью ножниц, куска материи и квасцов. Мой отец возражал, но ты же знаешь Тетушку Ван. Кто посмеет сказать ей «нет», если она сказала «да»?»

«Тетушка Ван?» — у меня закружилась голова. — Ты говоришь о *нашей* Тетушке Ван, о свахе?»

«Она сестра моей матери».

Я сжала виски пальцами. С самого первого дня, когда мы встретились со Снежным Цветком и посетили Храм Гупо, она называла сваху Тетушкой. Я думала, она делает это из вежливости и уважения к свахе, а потом и я стала, разговаривая с Мадам Ван, пользоваться этим почтительным обращением. Я чувствовала себя глупой и одураченной.

«Ты никогда не говорила мне об этом», — сказала я.

«О Тетушке Ван? Я думала, это единственная вещь, которая тебе известна».

Единственная вещь, которая тебе известна. Я постаралась уразуметь эти слова.

«Тетушка Ван видела моего отца насквозь, — продолжала Снежный Цветок. — Она понимала, что он слабый человек. Она видела и меня, видела, что я не люблю повиноваться, что я невнимательная, что я совершенно ничего не смыслю в домоводстве. Но моя мать могла лишь научить меня вышивать, изящно одеваться и вести себя в присутствии мужчин, а также нашему тайному письму. Тетушка всего лишь женщина, но поскольку она сваха, ей приходится быть деловой. Она поняла, чем все это кончится для моей семьи и для меня, и начала подыскивать какую-нибудь девочку, чтобы она стала моей *лаотун*. Тетушка надеялась, что благодаря этому в нашей местности меня будут считать образованной, послушной, верной...»

«И тогда тебя можно будет выдать замуж», — закончила я вместо нее. Для меня это было правдой.

«Она искала по всему уезду, разъезжая по своим обычным делам, пока не услышала от прорицателя о тебе. Увидев тебя, она решила связать мою судьбу с твоей».

«Я не понимаю».

Снежный Цветок горько улыбнулась.

«Ты поднималась, а я опускалась. Когда мы с тобой познакомились, я не смыслила ничего в том, чему, как предполагалось, я должна была научиться у тебя».

«Но ведь это *ты* учила *меня*. Твое вышивание всегда было лучше моего. И ты так хорошо владела нашим тайным письмом. Ты научила меня жить в доме с высоким порогом...»

«А ты научила меня носить воду из колодца, стирать одежду, готовить и убираться. Я пыталась научить этому мою мать, но она смотрит только в прошлое».

Я уже почувствовала, что мать Снежного Цветка держится за прошлое, которого больше нет, но сейчас, слушая, как Снежный Цветок рассказывает историю своей семьи, я подумала, что и моя *лаотун* смотрит на жизнь сквозь дымку счастливых воспоминаний. После стольких лет нашего знакомства я знала: она верит в то, что внутренний мир, мир женщин, должен быть прекрасен и не ведать тревог. Возможно, она думала, что когда-нибудь все станет прежним.

«У тебя я научилась всему, что мне нужно было узнать для моей новой жизни, — призналась Снежный Цветок, — за исключением того, что я никогда не могла так хорошо убираться, как ты».

И правда, она никогда не могла в этом преуспеть. Я всегда думала, что она просто старалась не обращать внимания на беспорядок в нашем доме. Сейчас я поняла, что ей было проще витать в облаках, чем видеть уродство вокруг себя.

«Но твой дом гораздо больше моего, и его труднее прибрать, а ты была только девочка в возрасте закалывания волос, — я приводила глупые доводы, стараясь подбодрить ее. — У тебя была...»

«Мать, которая не могла мне помочь, отец, который курил опиум, и братья с сестрами, которые покидали дом один за другим».

«Но ты же выходишь замуж...»

Внезапно я припомнила тот последний день, когда Мадам Гао поднялась к нам в верхнюю комнату, и я присутствовала при их последнем споре с Мадам Ван. Что такое она сказала о помолвке

Снежного Цветка? Я старалась вспомнить, что мне известно об этом, но Снежный Цветок редко говорила о своем будущем муже, редко показывала нам свои подарки для него и его семьи. Мы видели куски хлопка и шелка, над которыми она трудилась, но она всегда говорила, что это были обычные вещи, например, туфли для нее самой. Ничего особенного.

В моей душе возникло странное предчувствие. Снежный Цветок должна выйти замуж в семью низкого положения. Вопрос был — насколько низкого?

Казалось, Снежный Цветок, читала мои мысли. «Тетушка сделала для меня все, что могла. Я выхожу замуж не за крестьянина».

Эти слова меня немного задели, потому что мой отец был крестьянином.

«Он торговец?» Торговля считалась низменным занятием, но торговец мог восстановить кое-что из того, что было утрачено семьей Снежного Цветка.

«Я выхожу замуж в соседнюю деревню Цзиньтянь, как и говорила Тетушка Ван, но семья моего мужа... — она снова запнулась, — они мясники».

Ва-а-а! Хуже брака нельзя было придумать! У мужа Снежного Цветка будут деньги, но его занятие — грязное и отвратительное. Перед моим внутренним взором прошло все, что было в последний месяц, когда мы готовились к моей свадьбе. В особенности я вспомнила, как Мадам Ван стояла рядом со Снежным Цветком, утешая и успокаивая ее. Потом я вспомнила, как сваха рассказала «Историю о Жене Ван». С глубоким стыдом я видела, что эта история предназначалась не для меня, а для Снежного Цветка.

Я не знала, что сказать, что сделать. Я слышала обрывки правды с тех пор, как мне было девять лет, но я либо не верила этому, либо не хотела признавать. Теперь я думала, не состоит ли мой долг в том, чтобы сделать мою *лаотун* счастливой? Заставить ее забыть эти горести? Заставить поверить в то, что все будет хорошо?

Я обняла ее. «По крайней мере, ты никогда не будешь голодной, — сказала я, хотя, как оказалось, ошибалась в этом. — С женщинами может приключиться кое-что похуже этого», — сказала я, сама не зная, что имею в виду.

Снежный Цветок уткнулась лицом мне в плечо и зарыдала. Через мгновение она грубо оттолкнула меня. Ее глаза были мокрыми от слез, но я увидела в них не печаль, а дикую ярость.

«Не жалею меня! Я не хочу этого!»

Мне и не приходило в голову ее жалеть. Я чувствовала себя неловко, испытывая одновременно замешательство и печаль. Ее письмо помешало мне получить удовольствие от моей свадьбы. То, что она не пришла ко мне на чтение книг третьего дня свадьбы, глубоко ранило меня. А теперь все это. Я была в смятении, а в голове у меня билась мысль о том, что Снежный Цветок предала меня. Все эти ночи, проведенные вместе, — почему тогда она не сказала правду? Может быть, она искренне верила в то, что судьба ее изменится? Может быть, улетая куда-то в мыслях, она думала, что это произойдет и в реальности? Может быть, она и вправду надеялась, что наши ноги оторвутся от земли и наши души будут парить среди птиц? Или просто старалась сохранить лицо, не доверяя мне свои секреты и полагая, что сегодняшний день никогда не наступит?

Возможно, мне следовало бы рассердиться на Снежный Цветок за то, что она лгала мне, но я не была рассержена. Я считала, что меня обманули ради моего особого будущего, и это сделало меня слишком сосредоточенной на себе самой, не позволяя видеть то, что происходит прямо перед моими глазами. Не было ли это *моим* недостатком как подруги, как *лаотун*, помешавшим мне задать ей нужные вопросы о ее прошлом и ее будущем?

Мне было только семнадцать лет. Я провела последние десять лет в верхней комнате, в окружении женщин, которые видели мое особое будущее. То же самое можно сказать и о мужчинах в нашем доме. Но когда я думала о них всех — о Маме, Папе, Тете, Дяде, Мадам Гао, Мадам Ван и даже о Снежном Цветке, — единственным человеком, кого я действительно могла бы винить, была моя мать. Мадам Ван могла обмануть ее в самом начале, но потом Мама постепенно узнавала правду и решила мне ничего не говорить. Мое нынешнее отношение к матери сплеталось с осознанием того, что ее редкие знаки любви ко мне, которые я теперь считала частью ее лживого умалчивания, было просто способом удержать меня на пути к выгодному браку, который облагодетельствовал бы всю нашу семью.

Какое-то время я пребывала в сильном замешательстве и думаю, это создало почву для того, что произошло позже. Я не знала своей души. Я не видела и не понимала главного. Я была глупой девчонкой, которая вообразила, что многое знает о жизни, потому что вышла замуж. Я не представляла, как распутать клубок всех этих чувств, поэтому и похоронила их глубоко, глубоко внутри себя. Но мои чувства не могли исчезнуть. Я как будто бы проглотила кусок испорченной свинины, и он постепенно начал отравлять мои внутренности.

* * *

Я еще не стала той госпожой Лу, которую сейчас все уважают за ее доброту, сострадательность и силу. И все же, с того самого дня, когда я вошла в дом Снежного Цветка, я почувствовала в себе нечто новое. Подумайте опять об этом испорченном куске свинины, и вы поймете, о чем я говорю. Я должна была притвориться, что не больна и не заражена, поэтому я и нашла хорошую цель для применения своей силы воли. Я хотела принести честь семье моего мужа своей щедростью и добротой по отношению к людям, находящимся в тяжелых обстоятельствах. Конечно, я не знала, *как* это сделать, потому что подобные вещи не были для меня естественными.

Снежный Цветок выходила замуж через месяц, поэтому я помогла ей и ее матери прибраться дом. Мне хотелось сделать его приличным для вечеринки жениха, но ничего нельзя было поделаться с вонью, проникшей во все комнаты. Приторная сладость шла от опиума, который курил отец Снежного Цветка. А другая вонь, как вы, возможно, догадываетесь, шла из его переполненного кишечника. Ни ладан, ни уксус, ни открытые окна (даже в эти холодные дни) не могли скрыть мерзость этого человека и его привычек.

Я наблюдала повседневную жизнь этого дома, где две женщины существовали в страхе перед мужчиной, пребывавшим в своей комнате внизу. Я слышала их приглушенные голоса и видела, как они непроизвольно съеживались, когда он звал их. И я видела его самого, лежащего в грязи и вони. Даже в бедности он был капризным и крикливым, как испорченный ребенок. Наверное, было время, когда он

мог ударить жену или дочь, но сейчас он был настолько истощен наркотиками, что лучше было оставить его наедине с его пороком.

Я старалась не обнаруживать своих чувств. В этом доме было пролито достаточно слез, здесь их и без моих хватало. Я попросила Снежный Цветок показать мне ее приданое. Про себя я подумала: может быть, семья мясника будет не такой уж скверной. Я увидела куски шелка, над которыми трудилась Снежный Цветок. Эти люди могут быть относительно богаты, даже если они нечисты духовно.

Снежный Цветок открыла деревянный сундук и аккуратно разложила на постели все вещи, которые она сшила. Я увидела небесно-голубые шелковые туфли с узором из облаков, которые она закончила в тот день, когда умерла Прекрасная Луна. Я увидела жакет, у которого на вставке был использован тот же шелк. Затем Снежный Цветок выставила аккуратно друг за другом пять пар туфель разного размера из одной и той же материи, но с разной вышивкой. Все это показалось мне знакомым, внезапно я поняла почему. Все эти вещи были сделаны из жакета, в который Снежный Цветок была одета в день нашей первой встречи.

Мои руки перебирали другие предметы ее приданого. Тут был и лавандовый с белым материал, из которого был когда-то сшит наряд Снежного Цветка для путешествий. Теперь он был перекроен на кофточки и туфли. Здесь была и моя любимая темно-синяя с белым хлопковая ткань, разрезанная на полосы и ленты, чтобы ее можно было вставить в жакет, головные уборы, пояса и сделать из них украшения на одеялах. Приданое Снежного Цветка было минимальным, но она взяла кусочки своих прежних нарядов и создала уникальные вещи.

«Ты будешь замечательной женой», — сказала я, действительно потрясенная тем, что она сотворила своими руками.

Впервые Снежный Цветок рассмеялась. Я всегда любила звук ее смеха, такой звонкий, такой привлекательный. Я тоже засмеялась, потому что все это было... за пределами — за пределами того, что я могла себе представить, за пределами добра и зла в этом мире. Положение Снежного Цветка и то, как она со всем этим управилась, было ужасно и трагично, и в то же время смешно и забавно.

«Твои вещи...»

«Начнем с того, что они даже не мои, — вздохнув, отозвалась Снежный Цветок. — Моя мать перекроила свою одежду из приданого, чтобы сшить мне наряды для визитов к тебе. Теперь я перекроила их снова для моего мужа и его родственников».

Конечно же! Так оно и было, теперь я вспомнила, что некоторые из узоров казались мне слишком сложными для одежды такой маленькой девочки, вспомнила как срезала свисающие нитки с обшлагов, когда Снежный Цветок этого не видела. Я была глупее мокрой курицы. Кровь бросилась мне в лицо. Я прижала руки к щекам и засмеялась еще пуще.

«Как ты думаешь, моя свекровь заметит?» — спросила Снежный Цветок.

«Если уж я была настолько слепа, что не заметила, то...» Но я не могла закончить, потому что все это было слишком смешно.

Может быть, такое может показаться смешным только девушкам или женщинам. Нас считали совершенно бесполезными. Даже если наши родные любили нас, мы были для них обузой. Мы выходили замуж в чужие семьи, уезжали к нашим мужьям, которые нас толком не видели, делили с ними постель, как абсолютные чужачки, и подчинялись требованиям наших свекровей. Если нам везло, мы рожали сыновей и таким образом сохраняли свое положение в доме мужа. Если нет, то мы сталкивались с презрением свекрови, насмешками наложниц мужа и видели разочарованные лица наших дочерей. Мы пользовались женскими хитростями и уловками, о которых в свои семнадцать лет мы, девушки, еще почти ничего не знали, но, кроме этого, мы мало что могли сделать, чтобы как-то изменить свою судьбу. Мы жили для прихотей и удовольствия других, вот почему то, что сделали Снежный Цветок и ее мать, было настолько *за пределами*. Они взяли ткань, которая когда-то была прислана семьей Снежного Цветка ее матери в качестве подарка, потом из нее сшили приданое красивой девушке, потом переделали ее в одежду для ее красивой дочери, а теперь снова перекроили и перешили, чтобы продемонстрировать мастерство молодой девушки, выходящей замуж в дом нечистого мясника. Все это было женской работой — той самой, которую мужчины считают просто украшательством, и эта работа была проделана, чтобы изменить жизнь самих женщин.

Но еще так много необходимо было сделать. Снежный Цветок должна была отправиться в ее новый дом, имея столько одежды, чтобы ее хватило на всю жизнь. Сейчас у нее было очень мало одежды. Мои мысли рыскали в поисках решения, что мы можем сделать за оставшийся месяц.

Когда Мадам Ван прибыла к Снежному Цветку на ее месяц Сидения и Пеня в Верхней Комнате, я отвела ее в сторону и попросила поехать в мой родной дом.

«Мне нужно, чтобы вы кое-что привезли...»

Эта женщина так долго критически относилась ко мне. Она тоже лгала — не моей семье, а *мне*. Я никогда не любила ее, а теперь еще меньше из-за ее двуличия, но она сделала все в точности, как ей было велено. (В конце концов, я теперь занимала более высокое положение, чем она.) Она вернулась из моего родного дома через несколько часов и привезла корзину с моими свадебными клецками, куском свинины, которую прислали мои новые родственники, свежие овощи из нашего огорода и еще одну корзину с материей, которую я собиралась раскроить по возвращении домой. Я никогда не забуду, как ела мать Снежного Цветка. Она получила тонкое воспитание, и какой бы голодной ни была, она не набросилась на еду, как это бывало в моей семье. Своими палочками она отделяла кусочки свинины от большого куска и изящно подносила их к губам. Ее сдержанность и самообладание преподали мне урок, который помню по сей день. Ты можешь быть в отчаянии, но всегда оставайся женщиной с хорошим воспитанием.

Я еще не закончила с Мадам Ван.

«Нам нужны девушки для Сидения и Пеня, — сказала я. — Вы можете привезти старшую сестру Снежного Цветка».

«Ее родственники не разрешают ей приезжать в этот дом».

Я не сразу поняла, что она сказала. Мне никогда не доводилось слышать, что такое возможно.

«Но нам все же нужны девушки», — продолжала настаивать я.

«Никто не придет, Лилия, — призналась Мадам Ван. — Репутация моего зятя слишком уж плохая. Ни одна семья не позволит незамужней девушке переступить порог этого дома. А как насчет твоей матери и Тети? Они-то уж знают...»

«Нет!» Я еще не была готова иметь с ними дело, а Снежному Цветку не нужна была их жалость. Моей *лаотун* были нужны посторонние.

У меня были монеты — деньги, оставшиеся со свадьбы. Я сунула несколько монет в руку Мадам Ван. «Не возвращайтесь, пока не найдете трех девушек. Заплатите их отцам столько, сколько считаете нужным. Скажите им, что я отвечаю за их дочерей».

Я была уверена, что мой новый статус невестки в лучшей семье в Тункоу будет достаточно убедительным, и все же вряд ли я могла так легко говорить о своей ответственности, потому что мои новые родственники понятия не имели о том, каким образом я использую их положение. Однако я видела, что Мадам Ван обдумывает мои слова. Ей было необходимо продолжать свое дело в Тункоу, и она готовилась получить долгожданную мзду за мое водворение в семью Лу. Сваха не хотела подвергать свое положение опасности, но ведь она уже и так изменила многим правилам ради племянницы.

Наконец, Мадам Ван вывела в своем уме уравнение, кивнула мне и ушла.

На следующий день она вернулась с тремя дочками крестьян, которые работали на моего свекра. Другими словами, они были такими же обыкновенными девушками, как и я, только у них не было моих преимуществ.

В этот месяц я все решала *сама*. Я вела девушек во время пения. Я помогала им находить добрые слова, чтобы описать качества Снежного Цветка, которую они совсем не знали, в книгах третьего дня свадьбы. Если они не знали какого-либо иероглифа, я писала за них сама. Если девушки были нерадивы во время шитья одеял, я рассказывала их в разные углы и шепотом предупреждала, что их отцов накажут, если они как следует не выполнят работу, ради которой их наняли.

Вы помните, как выдавали замуж мою старшую сестру? Она с печалью покидала родной дом, но все знали, что она собирается вступить в честный брак. Ее песни не были ни трагичными, ни слишком блаженными, в них действительно было отражено ее будущее. Я по отношению к своему браку испытывала смешанные чувства. Мне тоже было грустно покидать родной дом, но меня радовало то, что моя жизнь изменится к лучшему. Я пела песни в честь моих родителей, благодаря их за то, что они воспитали меня и так

много трудились ради этого. Будущее Снежного Цветка выглядело мрачным. Никто из нас не мог изменить его, поэтому наши песни были наполнены грустью.

«Мама, — спела однажды Снежный Цветок, — Папе не удалось посадить меня на солнечной стороне холма. Я буду вечно жить в тени».

Ее мать спела в ответ: «Правда, это все равно, что посадить красивый цветок на кучу навоза».

Все три девушки, и я с ними, могли только согласиться с этим, повторив в унисон обе фразы. Вот так оно и было: печально, но в соответствии с традициями.

* * *

Дни становились холоднее, младший брат Снежного Цветка пришел однажды и заклеил решетчатое окно бумагой. И все же сырость проникала в дом. От постоянного холода у нас пальцы коченели и становились красными. Три девушки боялись жаловаться. Так продолжаться больше не могло, поэтому я предложила перебраться в кухню, где мы могли бы согреться у жаровни. Мадам Ван и мать Снежного Цветка уступили мне, и это снова показало, что у меня теперь есть власть.

Я приготовила книгу для третьего дня свадьбы Снежного Цветка давным-давно. Она была полна приятных предсказаний о будущем Снежного Цветка, но теперь все это потеряло смысл. Я начала все сначала. Я вырезала кусок синей материи, чтобы сделать обложку для книги, вложила туда несколько листов рисовой бумаги и прошила переплет белыми нитками. На первой странице, по углам, я наклеила узоры из красной бумаги. Первые страницы предназначались для моей прощальной песни, обращенной к Снежному Цветку, следующие — для моего представления Снежного Цветка ее новым родственникам, а остальные оставались пустыми, чтобы она могла написать там что-нибудь сама или сделать рисунки для вышивания. Я растерла чернильную краску на камне и взяла кисточку, чтобы написать иероглифы на нашем тайном языке. Я старалась вывести каждую черту

как можно красивее. Нельзя было позволить моей руке — такой нетвердой от недавних переживаний — неверно выразить мои чувства.

Когда прошло тридцать дней, настал День Печали и Тревоги. Снежный Цветок осталась наверху. Ее мать села на четвертую ступеньку лестницы, которая вела в женскую комнату. Потом мы начали петь. Несмотря на зловещую угрозу при малейшем шуме вызвать гнев отца Снежного Цветка, я повысила голос, чтобы спеть о своих чувствах и дать советы своей подруге.

«Хорошей женщине не следует презирать низкое положение своего мужа, — пела я, вспоминая «Историю о Жене Ван». — Помоги своей семье достичь более высокого положения. Служи своему мужу и повинуйся ему».

Мать Снежного Цветка и ее тетка хором повторяли эти слова. «Для того чтобы быть хорошими дочерьми, мы должны повиноваться», — пели они вместе. Слушая их слаженные голоса, никто бы не усомнился в их любви и преданности друг другу. «Мы должны оставаться в наших верхних комнатах, быть целомудренными, скромными и совершенными в нашем женском ремесле. Чтобы оставаться хорошими дочерьми, мы должны покидать наши родные дома. Это наша судьба. Когда мы уходим в дома наших мужей, для нас раскрывается новый мир — иногда лучше, иногда хуже прежнего».

«У нас с тобой были счастливые дочерние годы, которые мы провели вместе, — напомнила я Снежному Цветку. — Мы не расставались с тобой год за годом. Теперь мы все равно будем вместе». Я напомнила ей о том, что мы написали друг другу на нашем веере, когда впервые обменялись им, и в нашем договоре. «Мы все еще шепчемся. Мы выбираем цвета, нитки или иголки и вышиваем вместе».

Наверху на лестнице появилась Снежный Цветок.

Ее голос долетел до меня оттуда. «Я думала, что мы обе будем парить в небесах — два феникса в полете — вечно. Теперь же я, словно утопленница, идущая по дну пруда. Ты говоришь, что мы все равно будем вместе. Я верю тебе. Но порог моего дома вряд ли сравнится с твоим».

Она медленно спустилась и присела рядом с матерью. Мы ожидали увидеть ее горькие слезы, но их не было. Она взяла мать за руки и вежливо слушала, как деревенские девушки продолжали петь

свои жалобные песни. Глядя на Снежный Цветок, я не переставала удивляться тому, что она никак не проявляла своих чувств. Ведь даже я сама — взволнованная до крайности, хотя мой брак был хорошим, — плакала во время этой церемонии. Были ли чувства Снежного Цветка такими же противоречивыми, как у меня в день моей свадьбы? Ей, конечно, будет не доставать ее матери, но будет ли ей не доставать ее отвратительного отца, будет ли ей не доставать этого пустого дома, который может быть только постоянным напоминанием обо всем плохом, случившемся с ее семьей? Ужасно быть просватанной в дом мясника, но на деле, что может быть хуже ее собственного дома? А Снежный Цветок была также рождена под знаком лошади. Скачущий дух в ней так же тосковал по приключениям, как и во мне. И все же, несмотря на то, что мы были двумя половинками и обе родились под знаком лошади, мои ноги всегда твердо стояли на земле — я была практична, верна и послушна, — а у ее духа лошади были крылья, которые жаждали полета и хотели побороть все, что держало ее в узде. Душа Снежного Цветка искала красоты и изящества.

Через два дня прибыл ее цветочный паланкин. И снова Снежный Цветок не плакала и не пыталась бороться с неизбежным. Она бросила взгляд на жалкую кучку тех, кто собрался проводить ее, и вошла в скудно украшенный паланкин. Три нанятые девушки даже не стали ждать, пока тот завернет за угол, и быстро разошлись по домам. Мать Снежного Цветка скрылась в доме, и я осталась наедине с Мадам Ван.

«Ты, должно быть, считаешь меня злой старухой, — сказала сваха. — Но тебе следует понять, что я никогда не лгала твоей матери и тетке. Женщина мало что может сделать, чтобы изменить свою судьбу, разве что может изменить чужую, но...»

Я подняла руку, чтобы удержать ее от дальнейших извинений, потому что хотела услышать нечто более важное для меня. «Все эти годы, когда вы приезжали к нам и осматривали мои ноги...»

«Ты хочешь знать, было ли в тебе на самом деле что-то особенное?»

Я ответила «да», и она уставилась на меня тяжелым взглядом.

«Найти подходящую *лаотун* было нелегко, — призналась она. — У меня было несколько прорицателей, которые искали по всему уезду девочку, подходящую для союза с моей племянницей. Разумеется, я бы предпочла кого-то из семьи с более высоким положением, но

прорицатель Ху нашел тебя. Твои восемь знаков в точности совпадали со знаками моей племянницы. Но он все равно пришел бы ко мне, потому что, да, твои ноги были особенными. Твоей судьбе было предопределено измениться, стала бы моя племянница твоей *лаотун* или нет. А теперь, я надеюсь, ее судьба изменится, благодаря тебе. Мне приходилось много лгать ради того, чтобы у нее появилась эта возможность. Я не собираюсь извиняться за это перед тобой».

Я посмотрела прямо в излишне накрашенное лицо Мадам Ван. Я хотела ненавидеть ее, но как я могла? Она сделала все возможное для человека, который значил для меня больше, чем все остальные в целом мире.

* * *

Так как старшая сестра Снежного Цветка не приготовила для нее книг третьего дня свадьбы, я заняла ее место. Моя родная семья прислала паланкин, и я очень быстро прибыла в Цзиньтянь. Не было ни украшений, ни хриплых звуков свадебного оркестра, не было даже намека на то, что в деревне в этот день происходит что-то особенное. Я просто вышла из своего паланкина и направилась по грязной дорожке к дому с низко нависающей крышей и кучей дров у стены. Справа от двери находилось нечто, похожее на гигантскую кастрюлю, влитую в кирпичный помост.

К моему приезду следовало бы устроить праздник. Его не было. Самые почтенные женщины деревни должны были приветствовать меня. Они встретили меня, но их грубый выговор — в деревне, находящейся всего в нескольких *ли* от Тункоу, — сказал мне многое о низком уровне людей, живших здесь.

Когда настало время читать *саньчжаошу*, меня ввели в главную комнату. Внешне этот дом напоминал мой родной. С центральной балки свисал сушеный перец. Стены были сделаны из сырого кирпича и не расписаны. Я надеялась, что внешняя схожесть этого дома с моим как-то отразится и на его обитателях. В этот раз я не увидела мужа Снежного Цветка, но увидела его мать, которая была просто ужасной женщиной. У нее были близко посаженные глаза, а губы — жутко тонкие. Все говорило об узости ее ума и о злобности ее натуры.

Снежный Цветок вошла в комнату, села на стул рядом с тем местом, где лежали ее книги третьего дня свадьбы, и стала спокойно ждать. Хотя я чувствовала, что сама стала другой, вступив в брак, она не показалась мне изменившейся. Женщины из деревни Цзиньтянь суетились вокруг книг, перебирая их своими грязными пальцами. Они разговаривали между собой о переплетах, о стежках, которыми книги были прошиты, о бумажных обрезках, но ни одна из них не сказала ни слова о качестве письма или о содержании. Через несколько минут женщины расселись по своим местам.

Свекровь Снежного Цветка прошла к скамье. Ее ноги не были так плохо перебинтованы, как у моей матери, но неуклюжесть ее походки выдавала ее низкое происхождение больше, чем гортанные звуки, вылетающие из ее горла. Она уселась, с неприязнью оглядела свою невестку, а потом перевела свой недобрый взгляд на меня.

«Я так понимаю, что ты вышла замуж в семью Лу. Тебе повезло». Слова были вежливыми, но то, как она произнесла их, вызвало ощущение, будто я окунулась в помой.

«Люди говорят, будто ты и моя невестка хорошо знаете *нушу*. Женщины в нашей деревне не слишком уважают это занятие. Мы можем это читать, но считаем, что лучше слушать».

Я думала по-другому. Эта женщина была невежественна в *нушу*, как и моя мать. Я оглядела комнату, оценивая остальных женщин. Они ничего не говорили по поводу написанного, потому что, возможно, почти ничего не могли понять.

«Нам нет надобности скрывать свои мысли за каракулями на бумаге, — продолжала свекровь Снежного Цветка. — Всем в этой комнате известно, что я думаю».

Ее слова были встречены смущенным смехом, и она подняла три пальца вверх, чтобы успокоить своих подруг «Нам будет приятно послушать, как ты будешь читать *саньчжаошу* моей невестки. Мнение о достоинствах моей невестки, высказанное девушкой из большого дома в Тункоу, будет очень ценным».

Все, что говорила эта женщина, было насмешкой. Я отреагировала так, как это могла сделать семнадцатилетняя девушка, — взяла книгу, приготовленную матерью Снежного Цветка, и открыла ее. В моих ушах звучали изысканные интонации ее голоса, которым я старалась подражать, когда пела:

«Я посылаю это письмо в твой благородный дом на третий день твоей свадьбы. Я — твоя мать, и мы расстались с тобой на три дня. Несчастье постигло нашу семью, и теперь ты выходишь замуж в деревню с суровыми нравами». Как полагалось в книгах третьего дня свадьбы, тема изменилась, и мать Снежного Цветка обратилась к новой семье своей дочери: «Я надеюсь, что вы посочувствуете моей дочери и простите ей скудость ее приданого. Даже косынка на ее голове простая. Пожалуйста, не обращайтесь на это внимания». Эта тема продолжалась, мать Снежного Цветка рассказывала о злосчастье их семьи, о нужде, которую они теперь испытывали, но мои глаза скользили по написанным словам, будто их и не было. Вместо них я произносила свои слова: «Такая хорошая женщина, как наша Снежный Цветок, должна попасть в хорошее место. Она заслуживает приличной семьи».

Я отложила книгу. В комнате было очень тихо. Я взяла в руки книгу, которую написала для Снежного Цветка сама, и открыла ее. Мой взгляд был устремлен прямо в глаза свекрови Снежного Цветка. Я хотела дать ее понять, что у моей *лаотун* всегда будет защитник в моем лице.

«Люди могут говорить о нас, как о девушках, которые вышли замуж, — запела я, обращаясь к Снежному Цветку, — но в своей душе мы никогда не расстанемся друг с другом. Ты опускаешься, я поднимаюсь. Твоя семья убивает животных. Моя семья самая лучшая в уезде. Ты так же близка мне, как мое сердце. Наше будущее неразрывно. Мы, словно мост над широкой рекой. Мы идем рядом друг с другом». Мне хотелось, чтобы свекровь Снежного Цветка услышала меня. Но ее глаза смотрели на меня подозрительно, а тонкие губы были поджаты, выражая неудовольствие.

Под конец я добавила еще несколько слов, которые не были написаны: *«Не показывай своего горя, когда тебя видят другие. Не позволяй рыданиям вырываться наружу. Не давай повод дурно воспитанным людям насмехаться над твоей семьей или над тобой самой. Выполняй все правила. Не хмурь бровей. Мы будем двумя половинками вечно».*

Нам со Снежным Цветком не дали возможности поговорить. Меня проводили к моему паланкину, и я вернулась к своей родной семье. Оставшись одна, я достала наш веер и раскрыла его. Уже треть его

складок была покрыта надписями, напоминавшими нам о важных моментах нашей жизни. Наверное, это было правильно, потому что мы со Снежным Цветком прожили более трети того времени, которое считалось долгой жизнью для женщины в нашем уезде. И я вспомнила все, что произошло в нашей жизни до этого дня. Так много счастья, так много печали. Так много душевной близости.

Я взглянула на последнюю запись, где Снежный Цветок говорила о моем замужестве. Она занимала половину складки веера. Я развела чернила и выбрала самую тонкую из моих кисточек. Прямо под ее добрыми пожеланиями мне я аккуратно написала новые строки: *«Птица Феникс парит в небе над обычным петухом. Она ощущает порывы ветра. Ничего не привяжет ее к земле»*. Только теперь, оставшись наедине с этими строчками, я, наконец, по-настоящему посмотрела в лицо судьбы, предназначенной для Снежного Цветка. В гирлянде на верхнем крае веера я нарисовала увядающий цветок, с которого капали слезы. Я подождала, пока высохнут чернила.

Затем я закрыла веер.

Храм богини Гупо

Мои родители были счастливы увидеть меня. Еще больше они обрадовались сладким пирожкам, которые мои новые родственники прислали в подарок. Но если говорить честно, я не была так уж рада увидеться с родными. Они лгали мне в течение десяти лет, и теперь моя душа была перевернута и наполнена отвратительными чувствами. Я больше не была маленькой девочкой, чьи неприятные ощущения могла смыть вода. Мне хотелось бросить свои обвинения в лицо всем членам моей семьи, но ради моего же блага мне приходилось следовать установленным правилам. Поэтому я бунтовала потихоньку, стараясь отстраниться от них и физически, и эмоционально.

Сначала казалось, мои родные не замечают во мне этих перемен. Они продолжали делать и говорить обычные вещи, а я изо всех сил старалась отклонить их предложения. Моя мать захотела проверить мои женские органы, но я отказалась под предлогом крайнего смущения. Моя тетя расспрашивала меня о моих постельных делах, но я отвернулась от нее, притворившись, будто слишком стыдлива. Мой отец попытался взять меня за руку, но я намекнула ему, что я теперь замужняя женщина, и такое проявление чувств для меня неуместно. Старший Брат хотел было поболтать и посмеяться со мной, но я сказала ему, что у него для этого есть жена. Второй Брат посмотрел мне в лицо и стал держаться на расстоянии. Только Дядя — с его рассеянным взглядом и нервными движениями — вызывал во мне симпатию, но теперь я не доверяла никому. Я выполняла свои обязанности. Я спокойно работала в верхней комнате. Я была вежливой. Я следила за своим языком и сдерживала себя, потому что все они, за исключением Второго Брата, были старше меня. Даже после замужества мое положение не давало мне право обвинять их в чем-либо.

Но мое настроение не могло долго оставаться незамеченным. Для Мама мое поведение — хотя и учтивое по всех отношениях — было неприемлемо. Нас было слишком много в небольшом доме, чтобы я могла долго распространять вокруг себя то, что она считала моей раздражительностью.

Я была дома уже пять дней. Мама попросила Тетю сойти вниз и принести нам чай. Как только Тетя вышла, моя мать подошла ко мне, прислонила свою палку к столу, у которого я сидела, схватила меня за руку, вонзив ногти мне в кожу.

«Думаешь, ты теперь слишком хороша для нас? — прошипела она именно те слова, которых я ждала. — Думаешь, ты стала выше нас, потому что переспала с сыном надзирателя?»

Я посмотрела ей прямо в глаза. Я никогда не оказывала ей неуважения. Сейчас же я позволила гневу отравиться у меня на лице. Она выдержала мой взгляд, полагая, что сможет перебороть меня своим ледяным взором, но я не отвела глаз. Тогда, одним быстрым движением, она отпустила мою руку, замахнулась и сильно ударила меня по лицу. Моя голова качнулась в сторону и обратно. Мои глаза упорно старались снова встретиться с ее глазами, что еще больше обозлило ее.

«Своим поведением ты позоришь свой дом, — сказала она. — Ты неблагодарная».

«Неблагодарная», — повторила я тихо зная, что это обозлит ее еще больше. Потом я схватила ее руку и дернула вниз так, что ее лицо оказалось на одном уровне с моим. Ее палка покатила по полу.

Тетя снизу окликнула ее: «С тобой все в порядке, Сестра?»

Мама быстро ответила: «Да, только принеси чай, когда он будет готов».

Меня буквально трясло от раздиравших меня чувств. Маме они были известны, и она понимающе ухмыльнулась. Я вцепилась ногтями в ее руку, как она это проделала со мной. Я продолжала говорить очень тихо, чтобы никто в доме не мог меня услышать. «Ты лгунья. Ты и все в этом доме обманули меня. Ты думала, что я никогда ничего не узнаю?»

«Мы ничего не говорили тебе из доброго отношения к Снежному Цветку, — сказала она жалобным голосом. — Мы ее любили. Она была счастлива здесь. Зачем нам нужно было менять твое мнение о ней?»

«Оно не изменилось бы. Она — моя *лаотун*».

Мать упрямо выставила вперед подбородок и сменила тактику. «Все, что мы делали, было ради твоего блага».

Мои ногти впились глубже. «Ради *вашего* блага, ты хочешь сказать».

Я знала, что причиняю ей физическую боль, но вместо болезненной гримасы ее черты выразили нечто, похожее на сочувствие и мольбу. Я знала, она попытается оправдаться, но я даже представить себе не могла, какую отговорку она придумает.

«Твой союз со Снежным Цветком и твои превосходно перебинтованные ноги были залогом выгодного брака не только для тебя, но и для Прекрасной Луны. Прекрасная Луна должна была тоже стать счастливой».

Такой поворот разговора почти переполнил чашу моего терпения, но я сумела сохранить хладнокровие.

«Прекрасная Луна умерла два года тому назад. — Мой голос звучал хрипло. — Снежный Цветок пришла в этот дом *десять* лет назад. У тебя не нашлось времени, чтобы рассказать мне о ее обстоятельствах».

«Прекрасная Луна...»

«Мы говорим не о Прекрасной Луне».

«Это ты вывела ее на улицу. Если бы ты этого не сделала, она была бы жива. Ты разбила сердце своей тете».

Мне следовало ожидать такого ловкого обращения с истинными событиями от моей матери, родившейся под знаком обезьяны. Даже учитывая этот факт, обвинение было слишком суровым, слишком жестоким, чтобы в него можно было поверить. Но что я могла поделаться? Я была верной дочерью. Мне приходилось рассчитывать только на мою семью, до тех пор пока я не забеременею и не уеду в дом мужа. Как может девушка, родившаяся под знаком лошади, взять верх над хитрой обезьяной?

Должно быть, моя мать почувствовала свое преимущество и продолжала: «Порядочная дочь благодарила бы меня...»

«За что?»

«Я дала тебе возможность, которой у меня никогда не было из-за них, — и она указала на свои искалеченные ноги. — Я перебинтовала твои ноги, и теперь ты получила награду».

Ее слова перенесли меня в то время, когда я испытывала самую ужасную боль от бинтования, а она часто повторяла мне это обещание о награде в разных вариантах. С ужасом я осознала, что в те дни она

вовсе не показывала мне материнской любви. Каким-то извращенным образом боль, которую она мне причиняла, была связана с ее собственными нуждами и эгоистическими желаниями.

Мои ярость и разочарование были невыносимы. «Я никогда больше не буду ожидать от тебя доброты, — выплюнула я с отвращением, отпуская ее руку. — Но помни вот что. Ты устроила так, что когда-нибудь у меня будет власть, и я буду следить за всем, что происходит в этой семье. Я буду доброй и милосердной женщиной, но не думай, что я когда-нибудь забуду о том, что ты сделала».

Моя мать наклонилась, подняла свою палку и оперлась на нее. «Мне жаль семью Лу за то, что они взяли тебя. Тот день, когда ты уедешь отсюда, будет самым благословенным в моей жизни. И до этих пор не пытайся повторять всю эту чушь снова!»

«А что тогда? Ты не будешь кормить меня?»

Мама посмотрела на меня, будто я была ей незнакома. Затем она повернулась и заковыляла к своему стулу. Когда Тетя принесла чай, ничего больше не было сказано.

Так продолжалось и дальше. Я смягчилась по отношению к остальным: к своим братьям, Тете, Дяде и Папе. Мне хотелось совсем исключить Маму из моей жизни, но обстоятельства не позволяли. Я должна была оставаться в нашем доме, пока не забеременею и буду на сносях. И даже когда я перееду в дом своего мужа, традиция требовала, чтобы я приезжала в свой родной дом несколько раз в год. Но я старалась сохранить дистанцию между собой и матерью — хотя большую часть времени мы проводили сидя рядом — и вела себя так, будто я взрослая женщина и не нуждаюсь в нежности. Впервые я вела себя так — должным образом соблюдая обычаи, а внутри прилепившись к своей обиде, как осьминог к скале, — и это сработало. Моя семья приняла мой стиль поведения, и я продолжала выглядеть верной и покорной дочерью. Позже я проделала нечто похожее вновь, но по другим причинам и с роковыми последствиями.

* * *

Снежный Цветок была дороже мне, чем когда-либо прежде. Мы часто писали друг другу, а Мадам Ван передавала наши письма. Я

беспокоилась о Снежном Цветке — хорошо ли обращается с ней свекровь, как Снежный Цветок переносит постельные дела и не ухудшились ли условия в ее родном доме, — а она волновалась, люблю ли я ее по-прежнему. Нам хотелось увидеться, но не было предлога, потому что теперь мы не трудились над своим приданым, и нам разрешалось совершать путешествия только в дома наших мужей для супружеских визитов.

Я проводила у своего мужа четыре-пять ночей в году. Каждый раз, когда я уезжала, женщины в моем родном доме плакали. Каждый раз я привозила в дом мужа свою еду, потому что мои новые родственники не кормили меня, пока я не переехала в их дом на постоянное жительство. Каждый раз, когда я оставалась в Тункоу, меня подбадривало то, как со мной там обращались. Каждый раз, когда я возвращалась, мои родные испытывали радость пополам с горечью, потому что каждая ночь вдали от них, казалось, делала меня для них дороже, а тот факт, что я скоро покину их навсегда, реальной.

С каждым путешествием я становилась смелее и смотрела в окно паланкина на дорогу чаще, пока не выучила ее хорошо. Обычно я ехала по дороге, которая представляла собой разъезженную тропу, пыльную и грязную. По обе стороны от нее тянулись рисовые поля и редкие поля таро. В окрестностях Тункоу над дорогой приветливо склонялись сосновые ветви. Дальше, по левой стороне, находился пруд для разведения рыб. За мной, там, откуда я ехала, извивалась река Сяо. Впереди, точно как описывала Снежный Цветок, покоилась в объятиях холмов Тункоу.

Как только носильщики высадили меня у главных ворот Тункоу, я ступила на булыжник, выложенный затейливым узором в форме рыбы. Пространство передо мной имело форму лошадиного копыта, справа находилось рисовое гумно, слева — конюшня. Столбы у ворот, украшенные расписной резьбой, поддерживали искусно сделанную крышу с карнизами, изгибающимися вверх, к небу. Стены были расписаны сценами из жизни бессмертных. Порог у центральных ворот был высоким, чтобы все знали, что Тункоу занимает самое высокое положение в уезде. Две колонны из оникса, украшенные резными рыбами, выпрыгивающими из воды, стояли по сторонам ворот, предназначенных для всадников, которые должны были перед ними спешиться.

Прямо за порогом лежал парадный двор Тункоу, большой и гостеприимный на вид. Резной расписной восьмигранный купол покрывал его, что считалось превосходным *фэнишуй*. Если я проходила во вторые ворота справа, я попадала в парадный зал Тункоу, предназначенный для встречи обычных посетителей и небольших собраний. За ним находился храм предков, предназначенный для приема посланцев и правительственных чиновников, а также для официальных церемоний, таких как свадьбы. Деревенские дома, многие из них деревянные, начинались прямо за храмом и располагались очень близко друг к другу.

Дом моего мужа находился по другую сторону вторых ворот, слева от меня. Он выделялся на фоне остальных домов. Все постройки в этой части деревни были большими, но дом моего мужа отличался особой красотой. Даже сегодня я счастлива, что живу в нем. Это двухэтажное здание было построено из кирпича и оштукатурено снаружи. Наверху под карнизами были нарисованы красивые девушки и красивые мужчины, которые читали, играли на музыкальных инструментах, занимались каллиграфией, изучали счета. Именно этим всегда занимались люди в нашем доме, и картины давали знать всем прохожим, как мы проводили свое время. Стены внутри дома были отделаны панелями из прекрасного дерева с наших холмов, а комнаты украшены высокими резными колоннами, зарешеченными окнами и балюстрадами.

Когда я впервые приехала в этот дом, главная комната во многом была такой, какой остается и сейчас — с изящной мебелью, деревянными полами, легким ветерком, дующим в высокие окна, и лестницей, поднимающейся вдоль восточной стены к деревянному балкону, украшенному ромбовидным узором. В то время мои свекровь и свекр спали в самой большой комнате в глубине дома на первом этаже. У каждого из моих деверей были свои комнаты, расположенные по периметру главной комнаты. Со временем к ним стали приходить жить их жены. Если они не рожали сыновей, их постепенно отправляли жить в другие помещения, а их место занимали наложницы или маленькие невестки.

Во время моих посещений ночь была посвящена постельным делам с моим мужем. Нам нужно было родить сына, и мы оба очень старались сделать для этого все возможное. В другое время мы с

мужем виделись мало. Он проводил дни со своим отцом, а я — с его матерью, но со временем мы лучше узнали друг друга, что сделало нашу ночную задачу более сносной.

Как и положено в браке, для меня важнее всего было выстроить отношения со своей свекровью. Все, что Снежный Цветок рассказывала мне о госпоже Лу и о том, как она чтит традиции, было правдой. Она наблюдала за тем, как я выполняю те же обязанности, которые выполняла в своем родном доме: готовлю чай и завтрак, стираю одежду и постельное белье, готовлю второй завтрак, шью, вышиваю и ткаю, и, наконец, готовлю обед. Моя свекровь открыто помыкала мной. «Нарезай дыню на более мелкие кусочки, — могла сказать она, когда я готовила суп из зимней дыни. — Куски, которые ты нарезаешь, годятся только для свиней». Или «У меня месячные протекли на простыни. Постирай их как следует, чтобы не оставалось пятен». А увидев еду, которую я приносила с собой из дома, она фыркала и говорила: «В следующий раз приноси что-нибудь не такое пахучее. Запах твоей еды портит аппетит моему мужу и сыновьям». Как только мое посещение заканчивалось, меня отсылали домой, не поблагодарив и не попрощавшись со мной.

Этим исчерпывается почти все, что происходило со мной — не слишком плохо, не слишком хорошо, все, как обычно. Госпожа Лу вела себя честно; я была послушна и готова учиться. Другими словами, мы обе понимали, чего ожидать друг от друга, и обе старались как можно лучше выполнять свои обязанности. Например, на второй день празднования Нового Года, наступившего после моей свадьбы, моя свекровь пригласила всех незамужних девушек из Тункоу и всех недавно вышедших замуж молодых женщин нанести ей визит. Она приготовила для них чай и угощение. Она была вежлива и любезна. Когда все собрались уходить, мы пошли вместе с ними. В этот день мы посетили пять домов, и я познакомилась с пятью невестками. Если бы у меня не было моей *лаотун*, я бы высматривала тех, кто мог стать моими названными сестрами.

* * *

Мы снова встретились со Снежным Цветком во время нашего ежегодного посещения Храма Богини Гупо. Вы можете подумать, что мы могли о многом поговорить, но и она, и я были подавлены. Я думала, что ее терзают угрызения совести из-за того, что она лгала мне все эти годы. Но и я себя чувствовала неловко. Я не знала, как объяснить Снежному Цветку свои чувства к матери без напоминания о ее собственном обмане. Если этих секретов было недостаточно для отказа от душевных бесед, то у нас теперь были еще и мужья, и с ними мы занимались такими вещами, о которых говорить было неприятно. Хватало того, что наши свекры подслушивали под дверью спальни, а свекрови проверяли простыни по утрам. Все же мы со Снежным Цветком о чем-то говорили, и было куда безопаснее говорить о нашей обязанности забеременеть, чем углубляться в иные щекотливые темы.

Мы деликатно обсудили основные правила, которые следовало соблюдать, чтобы зачать ребенка, и о том, совершают ли наши мужья эти ритуалы. Всем известно, что человеческое тело является миниатюрным повторением вселенной: глаза и уши — это солнце и луна, дыхание — воздух, кровь — дождь. И наоборот, эти стихии играют важную роль при зачатии и развитии ребенка. Поэтому постельными делами не следует заниматься, когда с крыши стекает дождевая вода, иначе ребенок будет чувствовать себя так, будто его поймали и зажали в тиски. Нельзя заниматься этим и в бурю, и в грозу, потому что у ребенка разовьются чувство страха и разрушительные наклонности. И не нужно этого делать, если муж или жена чем-то обеспокоены, испытывают тревогу или недомогание, так как все эти ощущения могут быть перенесены темными духами на следующее поколение.

«Я слышала, что не следует заниматься постельными делами после очень тяжелой работы, — сказала мне Снежный Цветок, — но я не думаю, что моя свекровь знает об этом». Она выглядела истощенной.

После посещения дома моего мужа я чувствовала себя точно так же — от бесконечной работы, от необходимости быть со всеми вежливой и от постоянного надзора.

«Это единственное правило, которое моя свекровь не соблюдает, — призналась я. — Разве они не слышали, что в

иссякнувшем колодце не набрать воды?»

Мы обе покачали головами в упрек нашим свекровям, но мы также беспокоились, сумеем ли мы родить здоровых и умных сыновей.

«Тетя сказала мне, какое самое лучшее время для зачатия, — сообщила я. Хотя все тетины дети, кроме Прекрасной Луны, умерли в младенчестве, мы все еще доверяли ее опыту в этом отношении. — Нужно, чтобы в твоей жизни было все хорошо и не было никаких неприятностей».

«Я знаю». Снежный Цветок вздохнула. «Когда вода спокойна — рыба дышит легко, когда стихает ветер — дерево стоит крепко», — процитировала она.

«Нам нужна тихая ночь, когда будет полная и яркая луна, это придает округлость животу беременной женщины, а ей самой — чистоту».

«И когда небо ясное, — добавила Снежный Цветок. — Это говорит нам о том, что вселенная спокойна и готова к зачатию».

«И когда мы с нашими мужьями счастливы, это помогает достичь цели. Тетя говорит, что при таких условиях спариваются даже самые ядовитые насекомые».

«Я знаю, что для этого нужно. — Снежный Цветок опять вздохнула. — Но только очень трудно соединить все это в одно время».

«Но мы должны попытаться».

Во время своего первого посещения Храма Богини Гупо после нашего замужества мы со Снежным Цветком возложили дары и молились о том, чтобы все, о чем мы мечтаем, свершилось. Однако, несмотря на соблюдение всех правил, мы не беременели. Вы думаете, легко забеременеть, занимаясь постельными делами всего несколько раз в год? Иногда мой муж был так полон желания, что его семя даже не попадало мне внутрь.

Во время нашего второго посещения храма после нашего замужества мы со Снежным Цветком молились еще усердней и принесли еще больше жертв. Затем, по нашему обычаю, мы зашли к продавцу таро. Мы съели по цыпленку и принялись за свой любимый десерт. Хотя мы очень любили это блюдо, все же ели его без особого удовольствия. Мы сравнивали все наши знания и старались найти новую тактику, чтобы забеременеть.

В течение следующих месяцев я изо всех сил старалась во время своего пребывания в семье Лу угодить свекрови. В своем родном доме я вела себя, по возможности, как полагается. Но где бы я ни находилась, на меня бросали взгляды, которые я расценивала как упрек в неплодовитости. Затем, месяца два спустя, Мадам Ван вручила мне письмо от Снежного Цветка. Я подождала, пока сваха отбудет, и развернула лист бумаги. Снежный Цветок писала на *нушу*:

Я беременна. Меня каждый день тошнит. Моя мать говорит, это означает, что ребенок счастлив в моем теле. Я надеюсь, это мальчик. Я хочу, чтобы это случилось с тобой.

Я просто не могла поверить, что Снежный Цветок обошла меня. Мое положение было выше. Мне следовало забеременеть первой. Мое унижение было таким глубоким, что я даже не рассказала Маме и Тете о хороших новостях. Я знаю, как они повели бы себя. Мама стала бы критиковать меня, а Тетя чересчур сильно радоваться.

В следующий раз, когда я приехала к мужу, и мы занимались постельными делами, я обхватила его ноги своими и удерживала его на себе руками, пока он не кончил. Я держала его на себе так долго, что он заснул в таком положении. Я долго лежала без сна, дыша глубоко и спокойно, думая о полной луне в небе и слушая шорох бамбука за окном. Утром он отодвинулся от меня и перевернулся на бок. Но теперь я знала, что надо делать. Я протянула руку под одеялом, положила ее на его член и подождала, пока он стал твердым. Убедившись, что муж вот-вот проснется, я убрала руку и закрыла глаза. Я позволила ему сделать свое дело снова, а когда он встал и оделся, осталась лежать очень спокойно. Мы слышали, как его мать возилась в кухне, занимаясь тем, что полагалось делать мне. Мой муж бросил на меня взгляд, который говорил: «Если ты сейчас же не встанешь и не начнешь заниматься своими делами, жди серьезных последствий». Он не закричал на меня и не ударил, как могли сделать другие мужья, но вышел из комнаты, не попрощавшись. Через несколько минут я услышала тихие голоса мужа и его матери. Никто не приходил за мной. Когда я, наконец, встала, оделась и вошла в

кухню, моя свекровь довольно улыбнулась, а Юнган и другие девушки обменялись понимающими взглядами.

Через две недели, вернувшись к родителям, я проснулась утром с ощущением, что дом сотрясают духи лисицы. Я добралась до ночного горшка, уже наполовину наполненного, и меня стошнило. Тетя вошла в комнату, опустилась на колени возле меня и вытерла пот с моего лица своей ладонью. «Теперь ты действительно нас покинешь», — сказала она, и впервые за долгое время пещера ее рта сложилась в широкую ухмылку.

Днем я села и сочинила письмо Снежному Цветку. «Когда мы с тобой увидимся в этом году в Храме Гупо, — писала я, — мы обе будем круглыми, как луна».

* * *

Мама, как вы догадываетесь, в течение всех этих месяцев была со мной так же сурова, как и во времена моего бинтования. Мне кажется, в этом была ее особенность — думать только о том плохом, что может произойти. «Не взбирайся на холм, — выговаривала она мне, как будто мне когда-нибудь разрешалось это делать. — Не ходи по узкому мосту, не стой на одной ноге, не смотри на затмения, не мойся в горячей воде». Мне не грозила ни одна из этих опасностей, а вот ограничения в еде были серьезными. В нашем уезде гордились острыми блюдами, но мне не разрешалось есть ничего, приправленного чесноком или перцем, потому что это могло замедлить питание моей плаценты. Мне не разрешалось есть ягненка, от этого мой ребенок мог родиться слабым; нельзя было есть рыбу с чешуей, иначе роды будут тяжелыми. Я отказывалась от всего слишком соленого, слишком горького, слишком сладкого, слишком кислого или слишком острого, поэтому мне нельзя было есть квашенные черные бобы, горькую дыню, миндальный творог, горячий и кислый суп и вообще что-либо, имеющее вкус. Мне разрешалось есть слабенькие бульоны, тушеные овощи с рисом и пить чай. Я приняла эти ограничения, понимая, что мое будущее целиком зависит от ребенка, которого я вынашивала.

Мой муж и его родители были, конечно, в восторге и начали готовиться к моему приезду. Мой ребенок должен был родиться в

конце седьмого лунного месяца. Я собиралась посетить ежегодный праздник в Храме Гупо, чтобы помолиться о рождении сына, а потом приехать в Тункоу. Родители мужа приветствовали мое паломничество — они делали все возможное, чтобы родился наследник, — при условии, что я переночую на постоялом дворе и не буду перенапрягаться. Семья моего мужа прислала за мной паланкин. Я стояла по ту сторону родительского порога и прощалась с моими домашними, со слезами расстававшимися со мной. Затем я села в паланкин и отправилась в путь, думая о том, что в ближайшие годы я буду возвращаться сюда снова и снова, на праздник Ловли Прохладного Ветерка, праздник Призрака, праздник Птиц и праздник Вкуса, а также на разные семейные праздники. Это было не прощанием навсегда, а всего лишь временным расставанием, как и со Старшей Сестрой.

К тому времени Снежный Цветок, у которой срок беременности был больше моего, уже жила в Цзиньтяне, поэтому я заехала за ней. Живот у нее был очень большой, и я не могла поверить, что новая семья отпускает ее в путешествие, хотя бы и молиться о рождении сына. Мы выглядели очень забавно, когда стояли на грязной дороге и пытались обняться, а наши животы нам мешали, и мы все время смеялись. Она была красивее, чем когда-либо, и, казалось, вся светила счастьем.

Снежный Цветок говорила все время, пока мы ехали в храм. Она рассказывала об ощущениях, которые испытывает, о том, как любит своего ребенка, и о том, как все стали добры к ней с тех пор, как она переехала в дом своего мужа. Она сжимала в руке кусок белого нефрита, который висел у нее на шее, чтобы придать коже ребенка чистую белизну этого камня вместо красно-коричневого оттенка кожи ее мужа. Я тоже носила белый нефрит, но, в отличие от Снежного Цветка, я надеялась, что он защитит моего ребенка не только от смуглости моего мужа, но и от моей собственной. Несмотря на то, что я проводила почти все свое время внутри дома, цвет моего лица был от природы темнее, чем бело-розовая кожа моей *лаотун*.

В прошлые годы наши посещения храма были недолгими. Мы быстро проговаривали наши молитвы богине, кланяясь и касаясь головой пола. Теперь мы гордо вошли в храм, выставив вперед животы и сравнивая их по величине с животами других беременных женщин;

мы смотрели, у кого живот высокий, а у кого — низкий, но при этом постоянно помнили, что наши мысли и слова должны быть исключительно благородными и благожелательными, чтобы эти качества передались нашим сыновьям.

Мы подошли к алтарю, где в ряд были выстроены, быть может, сотня пар детских туфель. У нас обеих на веерах, которые мы пожертвовали богине, были написаны стихи. На моем веере стихи говорили о том, какое благо — иметь сына, о том, как он продолжит род Лу и будет чтить своих предков. Я закончила свои стихи словами: *«Богиня, ты достаиваешь нас своей доброты. Так много женщин приходит к тебе молиться о рождении сыновей, но я надеюсь, ты услышишь мою мольбу. Прошу тебя, исполни мое желание»*. Когда я писала эти строки, мне они казались очень подходящими, но теперь я пыталась представить, что написала на своем веере Снежный Цветок. На нем, должно быть, были написаны прекрасные слова и нарисованы красивые гирлянды. Я молилась о том, чтобы жертва Снежного Цветка не затмила перед богиней мою жертву *«Пожалуйста, услышь меня, услышь меня, услышь меня»*, — пела я шепотом.

Мы со Снежным Цветком вместе положили на алтарь наши веера, причем каждая из нас сделала это правой рукой, а левой схватила с алтаря пару детских туфель и спрятала в своем рукаве. Затем мы быстро покинули храм, надеясь, что нас не заметили. В уезде Юнмин все женщины, которые хотели иметь здоровых детей, открыто воровали, притворяясь, будто делают это украдкой, пару детских туфель с алтаря богини. Зачем? Как вы знаете, на нашем диалекте слово «туфля» звучит так же, как слово «ребенок». Когда у нас рождаются дети, мы возвращаем туфельки на алтарь — этим и объясняется большой запас туфель на алтаре, — возлагаем их уже как жертвы в благодарность богине.

Мы вышли из храма в свет прекрасного дня и направились к ларьку, где продавались нитки. Уже в течение двенадцати лет мы подбирали здесь цвета, которые, по нашим представлениям, могли дать толчок нашим художественным идеям.

Снежный Цветок выбрала несколько оттенков зеленого цвета и дала мне на них посмотреть. Здесь были нитки ярко-зеленые, как весенняя трава, блекло-зеленые, как жухлая трава, землисто-зеленые,

как мох после дождя, тускло-зеленые, как листья деревьев перед тем, как на них начинают появляться желтые и красные следы увядания.

«Давай завтра по пути домой остановимся у реки, — сказала Снежный Цветок. — Мы будем сидеть и следить за облаками, плывущими над нашими головами, слушать, как вода бьется о камни, вышивать и петь вместе. И, таким образом, наши сыновья будут иметь изящный и тонкий вкус».

Я поцеловала ее в щеку. Иногда, вдали от нее, я позволяла своим мыслям забрести в темные уголки, но сейчас я любила ее, как и прежде. О, как мне не хватало моей *лаотун!*

Наше посещение Храма Гупо было бы неполным без завтрака у продавца таро. Старик Цзо ухмыльнулся своим беззубым ртом, увидев нас с животами. Он приготовил для нас особое блюдо, соблюдая все ограничения, необходимые в нашем положении. Мы наслаждались каждым кусочком. Затем он принес наше любимое блюдо — таро в карамели. Мы со Снежным Цветком болтали и смеялись, будто мы были двумя легкомысленными девчонками, а не замужними дамами, которым скоро предстоит родить.

Этой ночью на постоялом дворе, переодевшись для сна, мы со Снежным Цветком улеглись в постель лицом друг к другу. Это была последняя ночь, которую мы могли провести вместе до того, как станем матерями. Мы уже выучили столько уроков относительно того, что нам следует и чего не следует делать, и как это может повлиять на наших еще не родившихся детей. Если мой сын мог отозваться на нечестивые речи, или на него могло повлиять прикосновение белого камня к моей коже, тогда он, конечно же, должен был почувствовать мою любовь к Снежному Цветку.

Она положила свои руки мне на живот. Я сделала то же самое, положив свои руки на ее живот. Я привыкла к тому, что мой малыш лягается и толкается изнутри, особенно по ночам. А теперь я почувствовала, как ребенок Снежного Цветка поворачивается внутри нее под моими руками. В этот момент мы были так близки, как только могут быть близки две женщины.

«Я счастлива, что мы вместе», — сказала она, проводя пальцами по тому месту, где была коленочка или локоток моего малыша.

«Я тоже счастлива».

«Я ощущаю твоего сына. Он сильный. Прямо как его мать».

Ее слова заставили меня почувствовать себя гордой и полной жизни. Ее пальцы остановились, и снова она положила на мой живот свои теплые ладони.

«Я буду любить его, как люблю тебя», — сказала Снежный Цветок. Потом, как всегда, она положила руку мне на щеку и не убирала ее, пока мы не заснули.

Через две недели мне исполнится двадцать лет, скоро родится мой ребенок, и начнется моя настоящая жизнь.

Годы риса-и-соли

СЫНОВЬЯ

Лилия,
Я пишу тебе уже как мать.
Мой ребенок родился вчера.
Мальчик с черными волосами.
Он длинный и худенький.
Мои послеродовые выделения еще не закончились.
Сто дней мы с мужем будем спать отдельно.
Я думаю о том, как ты сидишь в твоей верхней комнате.
Я жду новостей о твоём ребенке.
Пусть он родится живым.
Я молю Богиню защитить тебя от всех трудностей.
Я очень хочу увидеть тебя и знать, что у тебя все хорошо.
Пожалуйста, приезжай ко мне на празднование одного месяца со дня рождения моего сына.
Ты увидишь, что я написала о моем сыне на нашем веере.

Снежный Цветок

Я была рада, что сын Снежного Цветка родился здоровым, и надеялась, что так будет и впредь, ведь жизнь в нашем уезде — очень хрупкая вещь. Мы, женщины, надеялись, что хотя бы пятеро из наших детей достигнут взрослого возраста. Для того чтобы это произошло, мы должны были рожать каждые год или два. Многие дети умирали из-за выкидышей, при рождении или от болезней. Девочки — слабые от плохого питания и недосмотра — всегда были слишком уязвимы. Мы либо умирали совсем юными — от бинтования ног, как умерла моя сестренка, при родах или от слишком тяжелой работы при слишком плохом питании, — либо мы переживали тех, кого любили. Маленькие мальчики, такие драгоценные, могли умереть так же легко: их тела

были слишком хрупкими, чтобы укорениться в этой жизни, а души слишком притягательными для духов загробного мира. Уже став мужчинами, они подвергались риску заражения из-за порезов и ран, могли отравиться едой, они умирали от трудной работы в поле, гибли в дороге, или же их сердца не выдерживали напряжения, если им приходилось следить за всем хозяйством. Вот почему у нас так много вдов. Однако первые пять лет жизни — самые хрупкие и у мальчиков, и у девочек.

Я тревожилась не только за сына Снежного Цветка, но и за своего ребенка. Тяжело было все время бояться и не иметь рядом никого, кто мог бы ободрить и утешить меня. Пока я находилась в своем родном доме, моя мать была чересчур занята тем, что старалась усилить все традиционные ограничения, вместо того, чтобы дать мне хоть какие-нибудь практические советы, а моя тетя, чьи несколько детей родились мертвыми, старалась полностью избегать меня, дабы ее злосчастье не коснулось меня. Теперь же, в доме моего мужа, у меня вовсе не было никого. Муж и его родные, конечно, беспокоились о благополучии ребенка, но, казалось, никто из них не волновался из-за того, что я могу умереть, рожая им наследника.

Письмо Снежного Цветка стало добрым знаком. Если роды прошли легко для нее, то, конечно, мы с моим ребенком выживем тоже. Это помогло мне убедиться в том, что, хотя мы жили теперь своей новой жизнью, наша любовь друг к другу не уменьшилась. Она стала еще сильнее, когда мы вступили в наши годы риса-и-соли. В наших письмах мы делились своими испытаниями и победами, однако были обязаны соблюдать определенные правила. Как замужним женщинам, живущим в домах своих мужей, нам следовало оставить девческие привычки. Мы обменивались письмами и выражали свои мысли при помощи определенного набора слов. Отчасти мы вынуждены были это делать потому, что были чужими в домах наших мужей и занимались изучением обычаев своих новых семей. Отчасти потому, что не знали, кто может прочитать наши послания.

Мы должны были быть осмотрительными в своих словах. Мы не могли написать ничего чересчур негативного о нашем окружении. Это тоже было трудно, потому что сама форма письма замужних женщин включала в себя обычные жалобы — мы такие никчемные, бессловесные, измученные работой, тоскующие по дому и печальные.

Предполагалось, что мы должны говорить о своих чувствах, не будучи при этом неблагодарными, толстокожими и не помнящими родства. Любая невестка, которая написала бы истинную правду о своей жизни, навлекла бы позор как на свою родную семью, так и на семью мужа. Поэтому мне и пришлось ждать, пока они все умрут, прежде чем написать свою историю.

Мне просто повезло, что ничего плохого сообщать не приходилось. Когда состоялась моя помолвка, я узнала, что дядя моего мужа — *цзиньши*, императорский чиновник самого высокого уровня. Пословица, которую я слышала в детстве: «Если кто-то становится чиновником, то все кошки и собаки в его семье попадают на небеса», теперь стала понятной. Дядя Лу жил в столице, предоставив заботиться о своих владениях Господину Лу, моему свекру, который чаще всего покидал дом до рассвета, обходил поля, разговаривал с крестьянами о посевах и урожае, проверял систему полива и встречался с другими старейшинами в Тункоу. Ответственность за то, что происходило на полях, целиком лежала на его плечах. Дядя Лу тратил деньги, не думая о том, откуда они текут в его сундуки. Он так преуспевал, что два его младших брата жили в своих собственных домах по соседству, хотя и не в таких красивых, как дом моего мужа. Они часто приходили пообедать вместе со своими семьями, а их жены почти ежедневно заходили к нам в нашу верхнюю комнату. Иными словами, все в семье Дяди Лу: собаки, кошки и так далее, вплоть до пяти большеногих служанок, живших в комнатах за кухней, — получали выгоды от его положения.

Дядя Лу был главным хозяином, но я обеспечила себе положение в его доме тем, что была первой невесткой и родила мужу его первого сына. Когда мой сын появился на свет и повитуха отдала его мне в руки, я испытала такое блаженство, что забыла о родовых муках и даже перестала беспокоиться, что с ним может что-то случиться. Все в доме были счастливы, и их благодарность изливалась на меня в различных формах. Мать моего мужа прислала мне специальный суп на мясном бульоне с имбирем и земляными орехами, чтобы помочь приливу молока и сокращению матки. Мой свекор передал мне через своих наложниц шелковую парчу синего цвета, чтобы я сшила его внуку жакет. Пришел мой муж, сел около меня и поговорил со мной.

Именно поэтому я говорила всем молодым женщинам, вышедшим замуж в семью Лу, и другим женщинам, с которыми я знакомилась, обучая их *нушу*, что они должны как можно скорее родить сына. Сыновья — это основа жизни женщины. Женщина, родившая сыновей, становится личностью, они придают ей достоинство и обеспечивают ее защиту. Они образуют связь между ее мужем и его предками. Это единственное, чего мужчина не может создать без помощи своей жены. Только она может обеспечить продолжение семейной линии, что, в свою очередь, является главным долгом любого сына. Для мужчины это самый лучший способ исполнить долг перед своей семьей, а для женщины сыновья — это вершина ее славы. Я выполнила все это и была в восторге.

Снежный Цветок,
Мой сын лежит здесь, подле меня.
Мой послеродовой срок еще не закончился.
Мой муж приходит ко мне по утрам.
Его лицо счастливо.
Глаза моего сына смотрят на меня
вопросительно.
Я не могу дождаться, когда увижу тебя
на празднике одного месяца твоего сына.
Пожалуйста, опиши моего сына на нашем веере
самыми замечательными словами.
Расскажи мне о твоей новой семье.
Я нечасто вижу своего мужа. А ты?
Я смотрю через свое окно на твои окна.
Ты всегда поешь в моем сердце.
Я думаю о тебе каждый день.

Лилия

Почему эти годы называются годами риса-и-соли?

Потому что они состоят из обычных дел: вышивания, шитья, штопанья, изготовления туфель, стряпни, мытья посуды, уборки дома, стирки белья, поддержания огня в очаге и готовности по ночам заниматься постельными делами с человеком, которого все еще плохо

знаешь. Эти годы и дни наполнены беспокойством и нудной работой молодой матери, родившей своего первого ребенка. Почему он плачет? Он голодный? Получает ли он достаточно молока? Он вообще когда-нибудь спит? Не спит ли он слишком много? А как насчет лихорадки, сыпи, укусов насекомых, перегрева, переохлаждения, колик, не говоря уж о болезнях, которые распространялись по уезду и каждый год уносили множество детских жизней, несмотря на все усилия лекарей-травников, возложение даров на алтари и слезы матерей? Даже отбросив мысли о ребенке, который сосет твою грудь, ты продолжаешь беспокоиться уже на более глубоком уровне об истинном долге всех женщин: иметь больше сыновей и обеспечить этим рождение новых и новых поколений. Но в первые недели жизни моего сына у меня была совсем иная забота, далекая от моего долга невестки, жены, матери.

Когда я попросила свекровь пригласить Снежный Цветок на празднование месяца со дня рождения моего сына, она ответила отказом. Подобное неуважение к просьбе в нашем уезде считается ужасным оскорблением. Я была унижена и возмущена, но бессильна изменить ее решение. Этот день стал одним из самых важных и радостных событий в моей жизни, а я пережила его без своей *лаотун*. Семья Лу посетила храм предков, чтобы написать имя моего сына на стене рядом с именами других членов своей семьи. Красные яйца — символ жизни — были розданы родственникам и гостям. Было приготовлено великолепное угощение — суп из птичьих гнезд, соленые птицы, которые пролежали в рассоле целых шесть месяцев, и утка в вине с имбирем, чесноком и свежими острыми красными и зелеными перцами. Весь этот день мне ужасно не доставало Снежного Цветка, и потом я описала ей все как можно подробнее, не думая о том, что допускаю бестактность по отношению к ней. По-видимому, она поняла и простила мою оплошность, потому что прислала в подарок моему сыну вышитый жакет и шапочку, украшенную маленькими амулетами.

Когда моя свекровь увидела все это, она сказала: «Любая мать должна осторожно выбирать тех, кого впускает в свою жизнь. Мать твоего сына не может иметь отношений с женой мясника. Послушные женщины растят послушных сыновей, и мы надеемся, что ты будешь повиноваться нашим желаниям».

Услышав эти слова, я поняла, что мои родственники не только не хотят, чтобы Снежный Цветок приезжала на праздники, но и вовсе не позволят мне встречаться с ней. Я была в страхе и ужасе, и поскольку совсем недавно пережила роды, все время плакала. Я не знала, что мне делать. Мне предстояло вступить в борьбу с моей свекровью, но я не понимала, насколько это опасно.

Тем временем мы со Снежным Цветком тайно писали друг другу почти каждый день. Я раньше думала, что знаю о *нушу* все и что мужчины не могли ни под каким видом прикасаться к нашим посланиям. Но теперь, когда я жила в доме семейства Лу, где почти все мужчины знали мужское письмо, я поняла, что наша женская тайнопись не такой уж большой секрет. Затем до меня дошло, что мужчины в нашем уезде должны знать о *нушу*. Да и как не знать? Они носили знаки *нушу* на своих туфлях, вышитых нашими руками. Они видели, как мы делаем тканые послания на материи. Они слышали, как мы поем наши песни или похваляемся книгами третьего дня свадьбы. Просто мужчины считают наше письмо не стоящим их внимания.

Говорят, что у мужчин сердце из железа, а у женщин — из воды. Это видно и в мужском, и в женском письме. В мужском — более 50000 иероглифов, и каждый из них отличается от других, имеет глубокое значение и нюансы. Наше женское письмо содержит порядка 600 иероглифов, которыми мы пользуемся, как дети, на слух, для того, чтобы создать около 10000 слов. Для изучения мужского письма требуется целая жизнь. А женскому письму мы учимся в детстве, еще девочками, и полагаемся на контекст, чтобы уловить значение того или иного иероглифа. Мужчины пишут о внешнем мире литературы, расчетов и урожая; женщины пишут о внутреннем мире детей, повседневных забот и чувств. Мужчины в семье Лу гордились познаниями своих жен в *нушу* и их мастерством в вышивке, хотя эти вещи для выживания имеют такую же важность, как поросычий хвост.

Поскольку мужчины считали наши письма чем-то незначительным, они не обращали внимания на те послания, которые я отправляла или получала. С моей свекровью все было иначе. Мне приходилось действовать обходными путями. До сих пор она не требовала сообщать ей, кому я пишу, но уже в следующие несколько недель мы со Снежным Цветком изобрели новый вид почты. Для этого мы использовали Юнган, которая бегала от одной деревни к другой,

нося наши письма, вышитые носовые платки и вытканые сообщения. Я любила сидеть у зарешеченного окна и наблюдать за тем, как она бежит. Так много раз я думала: «*Я могла бы проделать этот путь сама!*» Путь был недалеким, а мои ноги — достаточно сильными, чтобы проделать его, но у нас были правила на все случаи жизни. Даже если женщина могла пройти большое расстояние, ей не следовало показываться на дороге одной. Ей грозило похищение, но еще большей опасности подвергалась репутация женщины, если она не имела соответствующего сопровождения — мужа, сыновей, свахи или носильщиков. Я могла бы пойти к Снежному Цветку, но я никогда бы не рискнула сделать это.

Лилия,
Ты спрашиваешь о моей новой семье.
Мне очень повезло.
В моем родном доме нерадостно.
Нам с матерью приходится таиться день и ночь.
Наложницы, мои братья, мои сестры и слуги
ушли отсюда.
Мой родной дом опустел.
Здесь у меня есть свекровь, свекор, муж и его
младшие сестры.
Здесь нет наложниц и слуг.
Только я исполняю эти роли.
Я не возражаю против тяжелой работы.
Все, что мне необходимо было знать,
пришло от тебя, твоей сестры, твоей матери,
твоей тети.
Но женщины в этой семье не похожи на твоих
родных.
Они не любят вышивать.
Они не рассказывают историй.
Моя свекровь родилась в год крысы.
Можешь ли ты представить себе что-либо
худшее
для того, кто родился в год лошади?

Крыса считает, что лошадь эгоистична и глупа, хотя я не такая.

Лошадь считает, что крыса хитра и слишком требовательна; она такая и есть.

Но она не бьет меня.

Она не кричит на меня, за исключением тех случаев,

когда принято кричать на новую невестку.

Слышала ли ты о моем отце и о моей матери?

Через несколько дней после того,

как я переехала в дом мужа, мама и папа продали остатки имущества.

Они взяли деньги и растворились в ночи.

Как нищие они не должны будут платить налоги и другие долги.

Но где они?

Я беспокоюсь о своей матери.

Жива ли она?

Или она уже в загробном мире?

Я не знаю.

Возможно, я никогда ее больше не увижу.

Кто бы мог подумать, что моя семья будет так несчастна?

Должно быть, они совершили дурные поступки в своих предыдущих жизнях.

Но если они делали это, почему плохо мне?

Слышишь ли ты что-нибудь, можешь ли рассказать мне?

А ты сама, ты счастлива?

Снежный Цветок

Теперь, когда я узнала трагические новости о родителях Снежного Цветка, я начала внимательнее прислушиваться к домашним сплетням. От торговцев и разносчиков, которые странствовали по уезду, просочился слух, будто они видели родителей Снежного Цветка сидящими под деревом; те выпрашивали еду и были одеты в грязные

лохмотья. Я часто думала о том, какой могущественной была когда-то семья моей *лаотун*, и о том, что чувствовала ее красивая мать, когда выходила замуж в семью императорского ученого. А теперь посмотрите, как низко она пала! Я боялась за нее и ее лилейные ноги. Без помощи влиятельных людей родители Снежного Цветка были обречены попасть под власть стихий. Без родного дома Снежный Цветок стала несчастней сироты. Я думала о том, что лучше иметь умерших родителей, чем родителей, растворившихся в бродячей жизни попрошайек. Когда они умрут, как она узнает об этом? Сможет ли она устроить им надлежащие похороны, убирать их могилы на Новый Год или умиротворять их беспокойные души, мятущиеся в загробном мире? Поэтому она и была так печальна, а меня не было рядом, чтобы выслушать ее. Мне было тяжело осознавать это, а ей, должно быть, просто невыносимо.

Что касается последнего вопроса моей *лаотун* — счастлива ли я? — я не знала, что ответить. Следовало ли мне написать о женщинах в моем новом доме? В нашей верхней комнате всегда находилось слишком много женщин, которые недолюбливали друг друга. Я была первой невесткой, но вскоре после того, как я перебралась жить в Тункоу, жена второго сына также приехала в дом. Она забеременела сразу же. Ей едва исполнилось восемнадцать, и она день и ночь плакала о своей семье. Она родила дочку, что огорчило мою свекровь и ухудшило общее положение. Я пыталась подружиться со Второй Невесткой, но она сидела в своем углу с чернилами и кисточкой и беспрестанно писала своей матери и своим названным сестрам, которые остались в ее родной деревне. Я могла бы написать Снежному Цветку о низких способах, при помощи которых Вторая Невестка пыталась произвести впечатление на госпожу Лу, постоянно делая перед ней *коуту*, нашептывая подобострастные речи, ища ее расположения. Или о том, как три наложницы господина Лу без конца пререкались между собой; мелкая зависть терзала их души и лишала их аппетита. Однако я не осмеливалась доверить все это бумаге.

Могла ли я написать Снежному Цветку о моем муже? Думаю, что могла бы, но я не знала, что сказать о нем. Я редко видела его, а когда мне доводилось быть рядом, он обычно разговаривал с кем-то другим или был занят важным делом. Светлые часы суток он проводил, объезжая поля, наблюдая за строительными работами, а я в это время

занималась вышиванием или другой работой в верхней комнате. Я прислуживала мужу во время завтрака и за обедом, стараясь держаться так же скромно и спокойно, как это делала Снежный Цветок, обслуживая мужчин в нашем доме. В этих случаях он со мной не разговаривал. Иногда он приходил в нашу комнату посмотреть на сына или заняться со мной постельными делами. Я решила, что мы похожи на все остальные супружеские пары — даже на Снежный Цветок с ее мужем, — поэтому не о чем было и писать.

Как я могла ответить на вопрос Снежного Цветка о моем счастье, когда причиной разлада в моей жизни была она сама?

«Я признаю, что ты многому научилась у Снежного Цветка, — сказала однажды моя свекровь, застав меня за письмом к моей *лаотун*, — и мы все благодарны ей за это. Но теперь она не живет в нашей деревне и не находится под защитой господина Лу. Она не может изменить свою судьбу, и ей не следует этого делать. Как тебе известно, у нас есть свод правил, которые относятся к войне и пограничным конфликтам. Когда женщина гостит в другой деревне, ей нельзя причинять вред даже в разгар кровной вражды, во время набегов и войн, потому что мы принадлежим как к деревням наших мужей, так и к своим родным деревням. Ты понимаешь, Лилия, что в качестве жен мы пользуемся защитой и покровительством с двух сторон. Но если что-нибудь случится с тобой в деревне Снежного Цветка, то любой шаг с нашей стороны может привести к мести и, возможно, к долгой междоусобице».

Я выслушивала объяснения госпожи Лу, но знала, что у нее было намного больше причин, чтобы возражать против моего общения со Снежным Цветком. Ее родная семья была опозорена, сама она вышла замуж за человека грязной профессии. Родные моего мужа просто не хотели, чтобы я зналась с нею.

«Судьба Снежного Цветка predetermined, — продолжала моя свекровь, уже ближе подбираясь к истине, — и она никоим образом не связана с твоей. Мы с Господином Лу благосклонно посмотрим на невестку, которая решится разорвать договор с особой, не являющейся теперь ее настоящей половинкой. Если тебе нужны подруги, я могу напомнить тебе о тех молодых женщинах из Тункоу, с которыми тебя познакомила».

«Я помню их. Спасибо», — пробормотала я беспомощно, а все внутри меня кричало от ужаса. *Никогда, никогда, никогда!*

«Они могли бы стать твоими названными сестрами».

«Опять же, благодарю вас...»

«Тебе следует почитать за честь их приглашение».

«Я так и делаю».

«Я просто говорю, что ты должна вычеркнуть Снежный Цветок из своей жизни, — произнесла моя свекровь и закончила разговор одним из своих обычных замечаний, — я не хочу, чтобы воспоминания об этой несчастной девушке влияли на моего внука».

Наложницы хихикали, прикрывая рты ладонью. Они наслаждались моими страданиями. В подобных случаях их статус поднимался, а мой — опускался. Но за исключением постоянного давления в отношении Снежного Цветка, что приводило меня в ужас и давало всем остальным почву для пересудов, моя свекровь была добрее ко мне, чем моя родная мать. Она следовала всем правилам, как и рассказывала Снежный Цветок. «Девочкой повинуйся отцу, женой повинуйся мужу, вдовой повинуйся сыну». Я слушала это всю свою жизнь, и меня это не страшило. Но моя свекровь как-то научила меня еще одной аксиоме: «*Повинуйся, повинуйся, повинуйся, а потом делай, что хочешь*». И теперь мои родственники не могли помешать мне видеться со Снежным Цветком, потому что они не могли мне запретить любить ее.

Снежный Цветок,

Мой муж обращается со мной хорошо.

Я даже не знаю, где находятся все наши поля.

Я тоже много тружусь.

Моя свекровь следит за всем, что я делаю.

Женщины в моем доме знают *нушу*.

Моя свекровь обучила меня новым иероглифам.

Я покажу тебе их при нашей следующей встрече.

Я вышиваю, тку и шью туфли.

Я пряду и готовлю еду.

Я молю Богиню, чтобы у меня был еще сын.

Ты тоже должна это делать.

Пожалуйста, послушай меня.
Ты должна повиноваться своему мужу.
Ты должна слушать свою свекровь.
Я прошу тебя не беспокоиться так сильно.
Наоборот, вспомни, как мы вышивали и
шушукались по ночам.
Мы — две уточки-мандаринки.
Мы — два феникса, летящие в небе.

Лилия

В своем следующем письме Снежный Цветок ничего не писала о своей новой семье, кроме того, что ее сынок научился сидеть. В конце она снова спрашивала меня о моей жизни.

Расскажи мне о ваших трапезах и о том, что вы обсуждаете.
Цитируют ли они классиков за столом?
Развлекает ли твоя свекровь мужчин историями?
Поет ли она для них, чтобы улучшить их пищеварение?

Я старалась отвечать как можно правдивее. Мужчины в нашем доме обсуждали финансовые вопросы: сколько земли еще можно сдать в аренду, кто будет возделывать ее, сколько составит арендная плата, налоги. Они хотели «взобраться выше», «достичь вершины горы». В каждой семье говорят об этих вещах в Новый Год и готовят специальные блюда, которые вызывают такое желание. Но мои новые родственники много трудились, чтобы достичь своей цели. Это выливалось в скучные разговоры, которые я не понимала и не старалась понять. У них уже было больше земли, чем у кого-либо в Тункоу. Я не могла себе представить, чего еще можно желать, но их глаза никогда не отрывались от вершины горы.

Я надеялась, что Снежный Цветок сейчас чувствует себя счастливее, приспособившись — как все жены приспособиваются — к обстоятельствам, полностью отличающимся от тех, в которых она жила раньше. Однажды днем, когда я кормила грудью своего сына, я

услышала, что паланкин Мадам Ван остановился у нашего порога. Я ожидала, что она поднимется наверх. Но вместо нее в комнату вошла моя свекровь и, глядя на меня с осуждением, уронила письмо на стол рядом со мной. Как только мой сын уснул, я подвинула масляную лампу поближе и вскрыла письмо. Я сразу же заметила, что его формат был необычным. Дрожа от волнения, я принялась читать его.

Лилия,

Я сижу наверху и плачу. Там, снаружи, мой муж убивает свинью. Он нарушает законы об осквернении.

Когда я только приехала в их дом, моя свекровь заставила меня стоять на помосте и смотреть, как убивают свинью, чтобы я видела, откуда приходят наши средства к существованию. Мой муж и свекор принесли свинью к нашему порогу. Ее несли, подвязав к жерди вверх ногами. Свинья без конца кричала. Она знала, что должно произойти. Теперь я уже слышала эти крики много раз, потому что они все знают, что произойдет, и их крики раздаются в нашей деревне слишком часто.

Мой свекор подтащил свинью к большому котлу, наполненному кипятком. (Ты помнишь котел перед нашим домом? Тот, что влит в помост? Под ним находится очаг, где жгут уголь.) Мой муж перерезал свинье горло. Сначала он собрал всю кровь для кровяной колбасы, а потом засунул свинью в котел. Свинью сварили, чтобы кожа ее смягчилась. Мой муж попросил меня очистить шкуру от шерсти. Я все плакала и плакала, но не так громко, как кричала свинья. Я сказала им, что никогда не буду больше присутствовать при этом грязном деле. Моя свекровь осудила меня за мою слабость.

Каждый день я все больше становлюсь похожей на Жену Ван. Ты помнишь, как моя тетя рассказала нам эту историю? Я стала вегетарианкой.

Моим родственникам это безразлично. Им достается больше мяса.

Я одна в целом мире. У меня нет никого, кроме тебя и моего сына.

Я бы хотела никогда не лгать тебе. Я обещала всегда говорить тебе правду, но мне не хочется, чтобы ты знала о моей мерзкой жизни. Я сижу у зарешеченного окна и смотрю через поля на свою родную деревню. Я представляю себе, как ты смотришь из своего окна на меня. Мое сердце летит над полями к тебе. Сидишь ли ты там сейчас? Видишь ли ты меня? Ты чувствуешь меня?

Без тебя мне грустно. Я прошу тебя написать мне или приехать поскорее.

Снежный Цветок

Это было ужасно! Я посмотрела сквозь решетку окна в сторону Цзиньтяня, желая увидеть Снежный Цветок. Мне становилось плохо при мысли о том, что она страдает, а я не могу обнять и утешить ее. Прямо в присутствии своей свекрови и других женщин, находившихся в верхней комнате, я достала лист бумаги и развела чернила. Прежде чем написать хоть что-то, я перечитала письмо Снежного Цветка. Читая письмо в первый раз, я уловила только ее печаль. Теперь я увидела, что она нарушила традиционно стилизованные линии, которые жены используют в своих письмах, и использовала свое *нушу*, чтобы искренне и правдиво описать нашу жизнь.

Ее смелый поступок раскрыл мне глаза на истинное предназначение нашего секретного письма. Оно предназначено не для девичьих посланий и даже не для того, чтобы представлять женщин семьям их мужей. Наше тайное письмо даст нам голос. *Нушу* было средством, при помощи которого наши перебинтованные ноги несли нас друг к другу, а наши мысли летели над полями, как писала Снежный Цветок. Мужчины никогда не думали, что мы можем говорить друг другу что-то важное. Они не думали, что у нас есть чувства, которые мы можем выразить творчески. Женщины — наши свекрови и другие особы женского пола — ставили нам еще большие

преграды. Но с этого дня я стала надеяться, что мы со Снежным Цветком сможем писать правду о наших жизнях, будем ли мы с ней рядом или разлучены. Мне хотелось отбросить набор фраз, обычных для женщин в их годы риса-и-соли, и выразить свои истинные мысли. Мы будем писать друг другу так, как мы разговаривали, когда лежали, свернувшись калачиком, в верхней комнате в моем родном доме.

Мне нужно было увидеть Снежный Цветок и сказать ей, что все еще переменится к лучшему. Но если я навещу ее против желания моей свекрови, я совершу одно из самых тяжелых преступлений. Тайная переписка просто бледнела перед подобным проступком, но я должна была его совершить, если хотела увидеть мою *лаотун*.

Снежный Цветок,

Я плачу, когда думаю, как ты живешь в том месте.

Ты слишком хороша для этой мерзкой жизни. Мы должны увидеться. Пожалуйста, приезжай в мой родной дом на праздник Изгнания Птиц. Мы привезем с собой своих сыновей. Мы снова будем счастливы. Ты забудешь о своих бедах. Помни, что рядом с колодцем никто не страдает от жажды. Рядом с сестрой никто не отчаивается.

В моем сердце я навеки твоя сестра.

Лилия

Сидя в верхней комнате, я строила планы, но мне было страшно. Самым простым и самым верным вариантом казалось захватить Снежный Цветок по дороге в свой родной дом, но это был и самый легкий способ быть пойманной. Наложницы могут выглянуть из окна и увидеть, как мой паланкин поворачивает к Цзиньтяню. Еще большая опасность заключалась в том, что на дорогах будет много женщин, включая и мою свекровь, которые будут возвращаться на праздник в свои родные дома. Кто угодно мог увидеть нас; кто угодно мог на нас донести, только чтобы угодить семейству Лу. Но к началу праздника я расхрабрилась и решила, что все пройдет удачно.

* * *

В первый день второго лунного месяца начинается работа в полях и, следовательно, праздник Изгнания Птиц. Этим утром женщины в нашем доме встали рано, чтобы делать шарики из клейкого риса. А на улице птицы уже поджидали, когда мужчины начнут сажать семена риса. Я помогала своей свекрови лепить шарики — они должны были сберечь гораздо большее количество риса — нашей самой ценной повседневной пищи. Когда настал нужный момент, незамужние девушки вынесли птичье угощение на улицу и насадили шарики на палки в полях, чтобы привлечь птиц, а мужчины в это время разбрасывали отравленные зерна вдоль краев полей, чтобы птицы их съели. Как только птицы приступили к своей смертельной трапезе, замужние женщины уселись в свои паланкины, взобрались на повозки и на спины большеногих женщин, чтобы уехать в свои родные дома. Старухи говорили нам: если мы не уедем, птицы склюют рисовые семена, которые собрались сажать наши мужья, и мы не сможем родить им сыновей.

Как я и задумала, мои носильщики остановились в Цзиньтяне. Я не стала выходить из паланкина из-за боязни, что кто-нибудь сможет увидеть меня. Дверца паланкина отворилась, и Снежный Цветок с сыном, сидящим у нее на плече, села ко мне в паланкин. Прошло семь месяцев с тех пор, как мы виделись с ней в Храме Гупо. Я думала, что от тяжелой работы она потеряет округлость, приобретенную во время беременности, но ее формы сохранились и были заметны под ее рубашкой. Ее грудь была больше моей, хотя ее сын был намного худее моего. Ее живот выдавался вперед, поэтому она и положила сына на плечо, а не держала его на руках. Снежный Цветок осторожно повернула своего малыша лицом ко мне, чтобы я могла рассмотреть его. Я отняла своего сына от груди и подняла его, чтобы мальчики могли посмотреть друг на друга. Им теперь было семь и шесть месяцев. Говорят, что все дети красивые. Мой сын был красивым, но сын Снежного Цветка был тоненьким, как речной камыш. У него были густые черные волосы, болезненно-желтоватая кожа, а личико было хмурым. Но, конечно же, я похвалила его, а она похвалила моего сына.

Раскачиваясь в паланкине, который подсакивал и кренился то в одну, то в другую сторону в такт ходьбы наших носильщиков, мы со Снежным Цветком говорили о наших планах. Она ткала ткань, в рисунке которой содержалась строка из поэмы, — работа очень сложная и требующая времени. Я училась готовить птиц в рассоле — сравнительно легкая задача, за исключением того, что все надо делать правильно и не дать им испортиться. Но это были простые удовольствия; а у нас были серьезные темы для разговора. Когда я спросила Снежный Цветок о ее жизни, она не колебалась ни секунды.

«Когда я встаю по утрам, у меня нет иной радости, кроме как покормить сына, — призналась она, глядя мне прямо в глаза. — Я люблю петь, когда стираю или ношу хворост, но мой муж сердится, если слышит, как я пою. Если он недоволен мной, то не разрешает мне выходить за порог, только по моим домашним делам. Если он доволен, то разрешает мне сидеть на помосте, где он убивает свиней. Но когда я сижу там, я могу думать только о тех животных, которых убили здесь. Когда я засыпаю вечером, я знаю, что завтра я снова поднимусь с постели, но восхода не будет, будет только тьма».

Я попыталась утешить ее. «Ты говоришь так, потому что ты молодая мать и потому что была зима». У меня не было права сравнивать свое одиночество с ее одиночеством, но и меня тоже окутывала печаль, когда я тосковала по своему родному дому или на сердце становилось тяжело от темных и все укорачивающихся зимних дней. «Сейчас весна, — произнесла я как для нее, так и для себя. — Дни будут длинные, и мы будем веселее».

«Мои дни тем лучше, чем они короче, — ответила она сухо. — Жалобы прекращаются, только когда мы с мужем ложимся спать. Я не слышу, как свекор ворчит, что чай слишком слабый, как моя свекровь укоряет меня за то, что мое сердце слишком мягкое; как мои невестки требуют чистое белье; как мой муж велит мне быть попроще; как мой сын требует, требует, требует».

Меня потрясло скверное положение моей половинки. Она была несчастна, а я не знала, что ей сказать, хотя всего несколько дней тому назад я пообещала, что мы будем более откровенны друг с другом. Меня все еще связывали условности, поэтому я была смущена и чувствовала себя неловко.

«Я попыталась приспособиться к своему мужу и своей свекрови, и от этого моя жизнь стала лучше, — произнесла я. Тебе следует сделать так же. Ты сейчас мучаешься, но когда-нибудь твоя свекровь умрет, и ты будешь в доме хозяйкой. Все жены старших сыновей, которые тоже имеют сыновей, в конце концов выигрывают».

Она горестно улыбнулась, и я вспомнила ее жалобы, касающиеся сына. По правде сказать, я их не понимала. Сын — это жизнь женщины. Это ее работа — делать все, что требуется для сына.

«Скоро твой сын начнет ходить, — сказала я. — Ты будешь повсюду бегать за ним. Ты будешь очень счастлива».

Снежный Цветок крепче прижала сына к себе. «Я опять беременна», — сказала она.

Я поздравила ее, но мысли мои пришли в смятение. Так вот чем объяснялась полнота ее груди и выдающийся вперед живот. У нее должно быть уже большой срок. Но как она могла забеременеть так скоро? Было ли это тем самым нарушением закона об осквернении, о котором она писала в своем письме? Занимались ли они с мужем постельными делами, не выждав положенных ста дней? Видно, так оно и было.

«Я желаю тебе еще одного сына», — выдавила я из себя.

«Я тоже надеюсь, — вздохнула она. — Мой муж говорит, лучше иметь собаку, чем дочь».

Мы обе понимали, какая правда заключена в этих словах, но кто бы смог сказать их своей беременной жене?

Паланкин остановился, и веселые крики и приветствия моих братьев избавили меня от необходимости дать надлежащий ответ. Я была дома.

Как все изменилось в доме! У Старшего Брата и его жены теперь было двое детей. Жена уехала в свой родной дом на праздник, но оставила своих малышей, чтобы мы могли на них посмотреть. Мой младший брат еще не женился, но приготовления к свадьбе шли полным ходом. Официально он уже считался мужчиной. Старшая Сестра приехала со своими двумя дочерьми и сыном. Она старилась у нас на глазах, хотя я думала о ней как о девушке в ее годы закалывания волос. Мама не могла уже критиковать меня с прежней легкостью, хотя она и пыталась это делать. Папа гордился нами, но даже я видела, как тяжела эта ноша для него — кормить столько ртов, пусть даже всего

несколько дней. Всего под нашей крышей было семь детей, от шести месяцев до шести лет. Весь дом трещал и гремел от топота маленьких ножек, требований внимания и песен, которые пелись для успокоения малышей. Тетя в окружении всей этой ребятни чувствовала себя счастливой — дом, полный детей, был мечтой всей ее жизни. И все же иногда я видела в ее глазах слезы. Если бы мир был честнее, Прекрасная Луна тоже была бы здесь со своими детьми.

Мы провели три дня все вместе, мы болтали, смеялись, ели и спали — никто из нас не ссорился, не сплетничал за спиной, не осуждал и не обвинял. Для нас со Снежным Цветком самое лучшее время наступало ночью, в верхней комнате. Мы клали наших сыновей на постель между нами. Когда они лежали рядом, разница между ними была еще более заметна. Мой сын был толстеньким, с чубчиком черных волос, торчавшим надо лбом, как и у его отца. Ему нравилось сосать мою грудь, он булькал у меня на руках, пока не наедался молока по самое горлышко, и отрывался от этого занятия только для того, чтобы взглянуть на меня и улыбнуться. Сын Снежного Цветка сосал ее грудь с трудом, он выплевывал молоко ей на плечо, когда она давала ему срыгнуть. Он доставлял много хлопот и в другое время — кричал днем, при этом его личико краснело от гнева, а попка становилась алого цвета и покрывалась сыпью. Но когда мы вчетвером уютно устраивались под одеялом, оба малыша затихали, прислушиваясь к нашему шепоту.

«Тебе нравится заниматься постельными делами?» — спросила Снежный Цветок, убедившись, что все уснули.

Так много лет мы слышали непристойные шутки пожилых женщин и бесцеремонные замечания Тети о том, какое удовольствие они с Дядей получали в постели. Все это очень смущало нас тогда, но теперь я поняла, что смущаться было незачем.

«Мы с моим мужем, как две уточки-мандаринки, — заявила Снежный Цветок, не дождавшись от меня ответа. — Мы впадаем в блаженство, когда улетаем вместе».

Я была ошарашена ее словами. Лгала ли она, как делала это много лет? Видя, что я молчу, словно прибитая, она заговорила снова.

«Но как бы мы оба ни наслаждались при этом, меня беспокоит, что мой муж не соблюдает правила относительно постельных дел

после родов. Он ждал только двадцать дней». Она помолчала, а потом призналась: «Я не осуждаю его. Я была согласна. Мне тоже хотелось».

Несмотря на то, что я была потрясена ее признанием, мне стало легче. Должно быть, она говорила мне правду, потому что никто не стал бы лгать, оговаривая себя подобным образом. Что может быть постыднее, чем совершить оскверняющий акт?

«Это очень плохо, — прошептала я. — Ты должна следовать правилам».

«А если не буду? Стану такой же нечистой, как мой муж?»

Эта мысль уже приходила мне в голову, но я ответила так: «Я не хочу, чтобы ты заболела или умерла».

Она засмеялась в темноте. «Никто не заболевает от постельных дел. Это только доставляет удовольствие. Я целый день работаю на свою свекровь. Разве я не заслуживаю удовольствия по ночам? И если у меня будет еще один сын, я буду только счастливее».

Эти последние слова я считала правдивыми. Малыш, лежавший между нами, был и капризным, и слабым. Снежному Цветку нужен был еще один сын... в любом случае.

Праздник закончился слишком быстро. У меня стало легче на сердце. Я высадила свою *лаотун* у порога ее дома, потом отправилась к себе домой. Никто не заметил моих проделок, а деньги, которые я заплатила моим носильщикам, гарантировали их молчание. Ободренная успехом, я решила, что смогу видеться со Снежным Цветком чаще. В течение года отмечается много праздников, на время которых замужние женщины возвращаются в свои родные дома, а, кроме того, у нас есть праздник Храма Гупо. Мы замужем, но мы по-прежнему две половинки, независимо от того, что говорит моя свекровь.

* * *

В тот год Снежный Цветок и я продолжали переписываться. Наши слова летели друг к другу над полями, свободные, как птицы в полете. Она стала меньше жаловаться, и я тоже. Мы были молодыми матерями, и каждый день был отмечен каким-нибудь успехом в жизни сыновей — появлением первого зубика, первым словом, первыми

самостоятельными шажками. Мне казалось, мы обе были довольны тем, как мы приспособились к ритму жизни наших новых семей, научились угождать своим свекровям и утвердились в своих супружеских правах и обязанностях. Мне даже стало сподручнее писать Снежному Цветку о моем муже и наших интимных отношениях. Но теперь я поняла старинное правило: «Ложась в постель, веди себя как муж; встав с постели, веди себя как благородный человек». Я предпочитала, когда мой муж вставал с постели. Днем он соблюдал Девять Правил. У него был ясный ум, он внимательно слушал других и выглядел приветливым. Он был скромным, верным, уважительным и справедливым. Если он в чем-то сомневался, то советовался со своим отцом, а в тех редких случаях, когда он гневался, старался не показывать этого. Поэтому по ночам, когда он ложился в постель, я радовалась тому, что он получает удовольствие, но мне становилось легче, когда он оставлял меня в покое. Я не понимала, о чем говорила моя тетья, когда я была еще девушкой, и решительно не могла постигнуть, какое такое удовольствие в постели находит Снежный Цветок. Но каким бы глубоким ни было мое непонимание, я твердо знала одну вещь: нельзя нарушать законы об осквернении безнаказанно.

Лилия,

Моя дочь родилась мертвой. Она ушла, не пустив корней, и поэтому не узнала ничего о горестях этой жизни. Я держу ее ножки в своих руках. Они никогда не узнают безумной боли от бинтования.

Я касаюсь ее глаз. Они никогда не узнают слез печали при разлуке с родным домом или при вечной разлуке с матерью, или при прощании с мертвым ребенком. Я кладу ей руку на сердце. Оно никогда не узнает боли, горя, одиночества, стыда. Я думаю о ней в загробном мире. С ней ли моя мать?

Я ничего не знаю о судьбе моих родителей.

Все в доме обвиняют меня. Моя свекровь говорит: «Зачем мы брали тебя в дом, если ты не будешь рожать сыновей?» Мой муж говорит: «Ты

молодая. У тебя будут еще дети. В следующий раз ты родишь мне сына». Мне некому излить свое горе. У меня нет никого, чтобы выслушать меня. Мне так хотелось бы услышать, как ты поднимаешься ко мне наверх по лестнице.

Я воображаю себя птицей. Я бы парила в облаках, а мир внизу казался бы таким далеким.

Кусочек нефрита, который я носила на шее, чтобы защитить мое еще не рожденное дитя, давит мне на грудь. Я не могу перестать думать о своей мертвой девочке.

Снежный Цветок

В нашем уезде выкидыши были обычным делом, и считалось, что женщинам нечего об этом беспокоиться, особенно если ребенок был девочкой. Рождение мертвого ребенка считалось несчастьем, если только это был мальчик. Если рождалась мертвая девочка, родители обычно были даже благодарны этому. Никому не был нужен лишний рот. Что до меня, то во время беременности я просто каменела при мысли о том, что с моим ребенком может случиться несчастье. Честно говоря, я просто не знала, как бы я себя чувствовала, если бы это была девочка и она умерла бы, не вдохнув ни глотка воздуха этого мира. Я хочу сказать, что была озадачена тем, как это переживает Снежный Цветок.

Я просила ее говорить мне правду, но теперь, когда она сделала это, я не знала, что ей ответить. Мне хотелось выразить сочувствие. Мне хотелось дать ей поддержку и утешение. Но я боялась за нее и не знала, что ей написать.

Все, что случилось в жизни Снежного Цветка: события ее детства, ее ужасный брак, а теперь еще и это, — находилось за пределами моего понимания. Мне был только двадцать один год. Мне не приходилось испытывать истинной нужды, моя жизнь была благополучной, и потому мне было трудно поставить себя на место другого.

Я старалась подобрать нужные слова, чтобы написать той, которую я любила, и к своему великому стыду я позволила

условностям, в которых была воспитана, взять верх над моими чувствами, как это случилось в паланкине, когда мы со Снежным Цветком ехали в мой родной дом.

Взяв в руки кисточку, я укрылась за строчками, общепринятыми у замужних женщин, надеясь этим напомнить Снежному Цветку, что единственной нашей защитой является наше спокойствие, наше лицо, которое мы сохраняем даже в самые горькие минуты. Она должна попытаться забеременеть снова, и как можно скорее, потому что долг всех женщин состоит в стремлении родить сыновей.

Снежный Цветок,
Я сижу в верхней комнате, глубоко
задумавшись.
Я пишу, чтобы утешить тебя.
Пожалуйста, выслушай меня.
Милая, успокой свое сердце.
Думай о том, что я рядом, моя рука в твоей
руке.
Представь себе, что я плачу вместе с тобой.
Наши слезы — четыре потока, бегущие вечно.
Знай об этом.
Твое горе глубоко, но ты не одинока.
Не печалься.
Это было predetermined,
как predetermined богатство и бедность.
Многие дети умирают.
Это разрывает сердце их матерям.
Мы не можем этому помочь.
Мы можем только попытаться еще.
В следующий раз — сын...

Лилия

Прошло два года, в течение которых наши сыновья научились ходить и говорить. Сын Снежного Цветка сделал это первым, как и должно было быть. Он был на шесть недель старше моего сына, но его ножки не были такими крепкими, как у моего мальчика. Он оставался

тоненьким, и казалось, эта тонкость — признак его природы. Нельзя сказать, что он не был сообразительным. Он был очень умненьким, но не таким, как мой сын. К своим трем годам мой сын уже брался за кисточку, чтобы писать. Он был великолепен, этот любимец верхней комнаты. Даже наложницы не оставляли его без внимания и ссорились из-за него, словно из-за нового куска шелка.

Через год после рождения первого сына у меня родился второй. Снежному Цветку в этом отношении не везло. Она могла наслаждаться постельными делами со своим мужем, но из этого ничего не выходило. Она всего лишь родила еще одну мертвую девочку. После этой ее потери я посоветовала ей пойти к местному травнику, чтобы он дал ей травы, которые способствуют зачатию сына и повышают мужскую силу. Как написала мне Снежный Цветок, благодаря моему совету, они с мужем были довольны во всех отношениях.

Радость и горе

Когда моему старшему сыну исполнилось пять лет, мой муж стал поговаривать о том, чтобы нанять для него странствующего наставника и начать официальное обучение нашего мальчика. Так как мы жили в доме родителей мужа и у нас не было собственных средств, нам нужно было попросить их взять на себя эти расходы. Мне следовало устыдиться амбиций моего мужа, но я не сделала этого, о чем не жалею. Со своей стороны, родители мужа никогда не были так довольны, как в тот день, когда наставник приехал в наш дом, а мой сын расстался с верхней комнатой. Я плакала, когда он уходил, но никогда еще не была столь горда. Втайне я лелеяла надежду, что, возможно, он когда-нибудь сдаст императорские экзамены. Я была всего лишь женщиной, но все же знала, что эти экзамены являются для самого бедного чиновника, живущего в самых стесненных условиях, мостиком к лучшей жизни. Тем не менее, отсутствие моего старшего сына в верхней комнате создавало зияющую пустоту, которую не могли заполнить ни смешные ужимки моего второго сына, ни громкие голоса наложниц, ни ворчание моей невестки, ни даже мои периодические встречи со Снежным Цветком. К счастью, к первому месяцу нового лунного года я обнаружила, что снова беременна.

К этому времени верхняя комната была переполнена. В дом переехала Третья Невестка и родила дочь. За ней последовала Четвертая Невестка, чьи жалобы всех раздражали. Она тоже родила дочку. Моя свекровь была особенно жестока к Четвертой Невестке, которая позже при родах потеряла двух сыновей. Поэтому справедливо было сказать, что другие женщины в нашем доме встретили новость о моей беременности с чувством зависти. Ничто не вызывало такого страха в верхней комнате, как весть о том, что у одной из жен месячные. Все знали об этом, все толковали об этом. Госпожа Лу всегда замечала это и громко ругала невестку, чтобы всем было слышно. «Жену, которая не рождает сыновей, всегда можно заменить», — могла сказать она, хотя сама всей душой ненавидела наложниц своего мужа. Теперь, окидывая взглядом женскую комнату, я видела зависть и затаенную обиду в глазах остальных женщин, но что они могли поделать, как только гадать, не рожу ли я еще одного сына?

Однако в моей душе свершилась перемена. Я хотела дочку, и причины для этого были более практичные. Мой второй сын оставит меня ради мира мужчин очень скоро, а дочери не покидают своих матерей до тех пор, пока не выйдут замуж. Мои тайные амбиции разгорелись, когда я узнала, что Снежный Цветок тоже беременна. Я не могу рассказать вам, как мне хотелось, чтобы у нее тоже была дочка.

Нашей первой и самой удобной возможностью увидеться и поделиться своими надеждами был праздник Вкуса, который отмечался на шестой день шестого лунного месяца. После пяти лет, проведенных в доме семейства Лу, я знала, что моя свекровь не изменила своего мнения о Снежном Цветке. Я подозревала, что она знает о наших встречах во время праздников, но поскольку я не выставляла своих отношений со Снежным Цветком напоказ и продолжала аккуратно выполнять свои домашние обязанности, моя свекровь не затрагивала эту тему.

Как и всегда, мы со Снежным Цветком наслаждались обществом друг друга в верхней комнате моего родного дома, но нам нельзя было проявлять нашу прежнюю близость, ведь наши дети лежали с нами, или их постели были рядом с нашей. И все же мы продолжали шушукаться по ночам. Я призналась ей, что мне очень хочется иметь дочь, которая будет составлять мне компанию. Снежный Цветок погладила свой живот обеими руками и тихим голосом напомнила мне, что девочки — всего лишь никчемные отростки, не способные продолжить линию своей семьи.

«Для нас они не будут никчемными, — сказала я. — Не можем ли мы заключить союз *лаотун* для них — до того, как они родились?»

«Лилия, мы же *действительно* никчемные». Снежный Цветок села на постели. Я могла видеть ее лицо в лунном свете. «Ты же знаешь это, не так ли?»

«Женщины — матери сыновей», — поправила я ее. Сыновья обеспечили мне положение в доме моего мужа. Разумеется, сыновья Снежного Цветка тоже обеспечат ее место в доме ее мужа.

«Я знаю, матери сыновей... но...»

«Поэтому наши дочери будут нашими компаньонками».

«Я уже двух потеряла...»

«Снежный Цветок, разве ты не хочешь, чтобы наши дочери были двумя половинками?» Мысль о том, что, возможно, она не хочет этого,

билась у меня в голове.

Она посмотрела на меня с печальной улыбкой. «Конечно, если у нас родятся дочери, они будут сохранять нашу любовь друг к другу, даже после того, как мы перейдем в загробный мир».

«Хорошо, это улажено. Теперь ляг рядом со мной. Перестань хмуриться. Сейчас счастливая минута. Пусть мы будем счастливы вместе».

На следующую весну мы вернулись в Пувэй вместе с новорожденными дочерьми. Их дни рождения не совпадали. Их месяцы рождения не совпадали. Мы распеленали наших девочек и приложили стопу одной к стопе другой. Даже в младенчестве их стопы не совпадали. Я смотрела на свою дочку Нефрит материнскими глазами, но даже я видела, что дочь моей подруги Весенняя Луна была красивее моей дочери. Кожа Нефрит была слишком темной для семейства Лу, а цвет лица Весенней Луны был похож на цвет мякоти белого персика. Я надеялась, что Нефрит будет такой же крепкой, как камень, чьим именем она названа, и желала, чтобы Весенняя Луна была крепче здоровьем, чем моя двоюродная сестра, в честь которой Снежный Цветок назвала свою дочь. Ни один из восьми знаков у наших дочерей не совпадал, но нам было все равно. Эти девочки будут двумя половинками.

Мы раскрыли наш веер и вместе посмотрели на нашу жизнь, запечатленную на его складках. Так много радости было там. Наш союз. Наши судьбы. Рождение наших сыновей. Рождение наших дочерей. Их будущий союз. «Однажды две девочки встретятся и станут *лаотун*, — написала я. — Они будут, как две уточки-мандаринки. Другая пара — с радостью в сердце — будет сидеть на мосту и наблюдать за их полетом». Среди гирлянды на верхнем крае веера Снежный Цветок нарисовала две пары крылышек, несущих маленьких птичек к луне. Еще две птицы, сидящие рядышком, смотрели вверх.

Закончив писать и рисовать, мы уселись рядом, взяв на руки своих дочек. Я испытывала чувство огромной радости, но при этом не могла не думать о том, что, не приняв во внимание правила относительно союза двух девочек, мы тем самым нарушили запреты.

* * *

Через два года Снежный Цветок прислала мне письмо с сообщением, что она наконец-то родила еще одного сына. Она ликовала, и я тоже радовалась, полагая, что это событие повысит ее положение в доме мужа. Но моя радость была омрачена печальным известием, которое через три дня распространилось по нашему уезду. Император Даогуан перешел в загробный мир. Наш уезд погрузился в траур, который продолжался даже тогда, когда его сын Сяньфэн стал новым императором.

Из горького опыта семьи Снежного Цветка я знала, что когда император умирает, его двор выходит из фавора. Поэтому каждый раз при смене императора наступает хаос, и не только в императорском дворце, но и во всей стране. Из разговоров моего свекра, моего мужа и его братьев, которые они вели за столом о событиях за пределами Тункоу, я смогла узнать только то, на что я не могла не обратить внимания. Где-то вспыхнули мятежи, и землевладельцы повышали арендную плату. Я сочувствовала крестьянам-арендаторам — таким, как мой отец и дядя, — которые страдают от этого, но в действительности перемены казались такими далекими от уюта и покоя дома семейства Лу.

Затем Дядя Лу лишился своего поста и вернулся в Тункоу. Когда он вышел из своего паланкина, мы все сделали *коуту*, касаясь головой земли. Он велел нам подняться, и я увидела старого человека в шелковых одеждах. На лице у него были две родинки. Все люди берегут волосы на своих родинках, но волосы на родинках Дяди Лу были просто великолепны. По крайней мере, десять волосков — жестких, белых, добрых три сантиметра в длину, — свисающих с каждой родинки. Когда я познакомилась с ним поближе, я увидела, что он любит играть этими волосками, слегка потягивая их, чтобы они стали еще длиннее.

Его умные глаза перебегали с одного лица на другое и остановились на моем старшем сыне. Ему тогда было восемь лет. Дядя Лу, который должен был сначала поздороваться со своим братом, протянул свою покрытую набухшими венами руку и положил ее на плечо моего сына. «Прочитай тысячу книг, — произнес он с интонациями хорошо воспитанного человека, но все же с оттенком властности, говорившим о долгом пребывании в столице, — и твоя речь будет течь, словно река. А теперь, малыш, покажи мне дорогу в

дом». С этими словами самый уважаемый человек в семье взял моего сына за руку, и они вместе вошли в ворота деревни.

* * *

Прошло еще два года. Я недавно родила третьего сына. Мы все усердно трудились, чтобы поддерживать свое существование на прежнем уровне, но было заметно, что с потерей благоволения двора Дядей Лу и началом мятежа против повышения арендной платы наша жизнь изменилась.

Мой свекор стал курить меньше табаку, а мой муж стал проводить еще больше времени в поле, иногда даже самолично берясь за плуг и помогая крестьянам в их труде. Наставник моего сына уехал, и Дядя Лу сам начал давать уроки моему старшему сыну. В верхней комнате свары между женами и наложницами участились, потому что они стали получать меньше обычных подарков — шелковой материи и ниток для вышивания.

Когда мы со Снежным Цветком встретились в моем родном доме в тот год, я едва могла уделять время своим родным. Да, мы сидели вместе за столом и сидели на улице по вечерам, как в то время, когда я была маленькой девочкой, но приезжала я не ради Мама и Папы. Я хотела видеть Снежный Цветок и быть рядом с нею. Нам исполнилось по тридцать лет и мы были *лаотун* уже двадцать один год, Трудно было поверить, что прошло так много времени, и еще труднее было поверить, что когда-то мы с ней были так сердечно близки. Я любила Снежный Цветок, но мое время было занято детьми и домашними заботами. Теперь я была матерью троих сыновей и дочери, а у моей *лаотун* были два сына и дочь. Между нами были сердечные отношения, которые, как мы думали, никогда не изменятся и которые были крепче, чем наша привязанность к нашим мужьям, но страстная любовь друг к другу поблекла. Мае это не беспокоило, поскольку все сердечные отношения должны пройти через испытания реальной жизни лет риса-и-соли. Мы знали: когда мы доживем до наших дней Спокойного Сидения, мы снова будем едины, как в прежние дни. А сейчас мы могли проводить вместе лишь столько времени, сколько нам было дозволено.

Последняя из золовок Снежного Цветка вышла замуж, и теперь у Снежного Цветка было меньше забот. Ее свекор умер. Свинья, которую он резал, так сильно билась, что в последний момент нож соскользнул и разрезал ему руку до самой кости. Он истек кровью у порога своего дома, как это было со множеством свиней, которых он убил. Теперь муж Снежного Цветка стал хозяином в доме, хотя и он, и все, кто жил под этой крышей, продолжали находиться под неусыпным контролем его матери. И все же Снежный Цветок находила радость в своем втором сыне, который из младенца превратился в маленького крепыша, и уже научился ходить. Все любили этого ребенка, думая при этом, что ее первый сын не доживет до двадцати, а то и до десяти лет.

Хотя условия жизни Снежного Цветка не были такими благоприятными, как мои, она умела видеть больше и слушать гораздо внимательнее, чем я. Меня это не удивляло. Моя лаотун всегда больше меня интересовалась внешним миром мужчин. Она объяснила мне, что мятежников, о которых я слышала, называли тайпинами, и они хотят установить справедливый порядок. Они, как и народ Яо, верят в то, что духи, боги и богини влияют на урожай, здоровье людей и рождение сыновей.

Тайпины запрещают пить вино и курить опиум, играть в азартные игры, танцевать и курить табак. Они говорят, что собственность надо отнять у землевладельцев, которые владеют 90 процентами земли и получают около 70 процентов урожая. Они говорят, что все, кто работает на земле, должны получать поровну. В нашей провинции сотни тысяч людей покинули свои дома и присоединились к тайпинам, а теперь они завоевывали села и города. Она рассказывала об их вожаке, который верил, что является сыном знаменитого бога, о его так называемом Небесном государстве, о его отвращении к иностранцам и политической коррупции. Я не понимала того, что Снежный Цветок пыталась рассказать мне. Для меня иностранец был просто человеком из другой страны. Я жила в четырех стенах своей верхней комнаты, а мысли Снежного Цветка могли лететь далеко, она умела смотреть, искать, удивляться.

Когда я вернулась домой и спросила своего мужа о тайпинах, он ответил: «Жене следует заботиться о детях и делать свою семью счастливой. Если твои родные будут так волновать тебя, в следующий раз я не разрешу тебе навестить их».

Я больше ни слова не сказала о внешнем мире.

* * *

Засуха принесла голод в Тункоу. Бедствие коснулось всех, от самой ничтожной четвертой дочери крестьянина и до почтенного дяди Лу. Но меня это не беспокоило, пока я не увидела, что наши припасы заканчиваются. Вскоре моя свекровь начала выговаривать нам за пролитый чай или за слишком сильный огонь в жаровне. Свекор стал брать меньше мяса из общего блюда, стараясь оставлять его своим внукам.

Дядя Лу, который прежде жил во дворце, не жаловался, хотя и мог бы, но по мере того как ухудшались наши условия, он становился все более требовательным к моему старшему сыну, надеясь, что этот маленький мальчик сможет возродить былое благоденствие семьи Лу.

Это бросало вызов моему мужу. Ночью, когда мы лежали в постели и лампа уже почти потухла, он доверился мне. «Дядя Лу видит что-то особенное в нашем сыне, и я рад, что он обучает его. Но я смотрю вперед и вижу, что мы могли бы отослать его учиться дальше. Но как мы можем сделать это теперь, когда весь уезд знает, что нам скоро придется продавать землю, чтобы прокормиться?» В темноте муж взял меня за руку. «Лилия, у меня есть одна мысль, и мой отец счел ее правильной, но я беспокоюсь о тебе и наших сыновьях».

Я молчала в страхе перед тем, что он скажет дальше.

«Людам для жизни необходимы некоторые вещи, — продолжал он. — Воздух, солнце, вода, хворост в лесу — все бесплатно, хотя и этого иногда не хватает. Но вот соль — она не бесплатная, а всем нужна, чтобы жить».

Моя рука сжала его руку. К чему он ведет?

«Я спросил отца, не могу ли я взять наши последние сбережения, поехать в Гуйлинь, купить соли и привезти ее сюда на продажу. Он дал мне свое разрешение».

Это было более опасным предприятием, чем я могу описать. Чтобы добраться до Гуйлиня, моему мужу было необходимо проехать по территории, занятой мятежниками. Остальные жители той местности, отчаявшиеся крестьяне, потерявшие свои жилища и

ставшие бандитами, грабили тех, кто осмеливался путешествовать по их дорогам. Торговля солью сама по себе была рискованным делом, поэтому соли всегда было мало. У тех, кто занимался соляным промыслом в нашей провинции, были собственные вооруженные отряды, но мой муж был совсем один. У него не было опыта в делах с военачальниками и хитрыми торговцами. Мало того, я представляла себе, как мой муж встречает множество красавиц в Гуйлине. Если ему повезет в его предприятии, то он может привезти одну или нескольких из них домой как наложниц. Моя женская слабость взяла верх над всеми остальными чувствами.

«Пожалуйста, не срывай полевых цветов», — попросила я, используя эвфемизм для обозначения того типа женщин, которых он мог встретить.

«Ценность женщины в ее добродетелях, а не в ее внешности, — успокоил он меня. — Ты родила мне сыновей. Мое тело будет далеко в пути, но мои глаза не будут смотреть на то, чего им не следует видеть». Он помолчал, а потом добавил: «Оставайся верной, избегай искушения, повинуйся моей матери и служи нашим сыновьям».

«Я все исполню, — пообещала я. — Но я беспокоюсь не о себе».

Я попыталась объяснить ему другие свои тревоги, но он сказал: «Разве мы перестаем жить оттого, что некоторые люди несчастливы? Мы должны пользоваться нашими дорогами и реками. Они принадлежат всем китайцам».

Он сказал, что, возможно, вернется только через год.

* * *

С того самого момента, как уехал мой муж, я не переставала беспокоиться. Проходили месяцы, а я становилась все более тревожной и напуганной. Если что-нибудь случится с моим мужем, что будет со мной? Если я стану вдовой, у меня будет небольшой выбор. Поскольку мои дети слишком малы, чтобы взять на себя заботу обо мне, мой свекор может продать меня другому мужчине. Зная, что при этом я могу больше никогда не увидеть своих детей, я поняла, почему так много вдов кончают жизнь самоубийством. Но мне было несвойственно печалиться о том, что еще не произошло. В верхней

комнате я старалась сохранять спокойное выражение лица, даже если умирала от беспокойства. Тоскуя по своему старшему сыну, я сделала то, чего не делала прежде. Много раз за день я вызывалась принести чай в верхнюю комнату и тихонько садилась так, чтобы слышать, как мой сын занимается с Дядей Лу.

«Три самые важные силы — это Небо, Земля и Человек, — отвечал урок мой сын. — Три светила — это Солнце, Луна и Звезды. Возможности, которые дает Небо, не равны преимуществам, которые дает Земля, а преимущества Земли не равны тому благу, которое происходит от гармонии среди людей».

«Каждый мальчик может запомнить эти слова, но что они означают?» — голос Дяди Лу зазвучал резко, так он стремился добиться точности.

Вы думаете, мой сын мог дать неправильный ответ? Нет, и я скажу вам, почему. Если он не мог ответить на вопрос правильно или ошибался в цитатах, Дядя Лу ударял его по раскрытой ладони бамбуковой палкой. Если он ошибался на следующий день, наказание удваивалось.

«Небеса посылают человеку погоду, но без плодородной почвы Земли она бесполезна, — ответил мой сын. — А богатая почва бесполезна без гармонии среди людей».

В своем темном уголке я просто сияла от гордости, но Дядя Лу не собирался заканчивать урок из-за одного правильного ответа.

«Очень хорошо. А теперь поговорим об империи. Если ты укрепляешь свою семью и следуешь правилам, которые написаны в «Книге Церемоний», тогда в твоём доме будет порядок. Он распространяется, переходя от одного дома к другому и обеспечивая безопасность государства, и так достигает императора. Но один мятеж порождает другой мятеж, и вскоре начнется беспорядок. Маленький беспорядок, обрати на это внимание. Наша семья владеет землей. Твой дедушка управлял нашими землями, пока я был в отъезде, но теперь люди знают, что у меня нет больше связей при дворе. Они видят и слышат мятежников. Мы должны быть очень, очень осторожны».

Но опасность, которой он так боялся, пришла не в виде тайпинов. Последнее, что я узнала перед тем, как демоны смерти обрушились на нас, — это новость о том, что Снежный Цветок опять беременна. Я вышила ей носовой платок с пожеланиями здоровья и счастья в

ближайшие месяцы, потом украсила его серебряной рыбкой, выпрыгивающей из бледно-голубого ручья, посчитав, что это самый добрый и прохладный образ для той, кто будет носить ребенка летом.

* * *

В этом году жара наступила рано. Да так внезапно, что мы не успели разъехаться по своим родным домам, и потому женщины с детьми изнывали в своих верхних комнатах и ждали, ждали, ждали. Видя, что температура воздуха продолжает подниматься, мужчины в Тункоу и в других соседних деревнях стали брать детей на реку, чтобы они могли побегать по воде и искупаться. Это была та самая река, в которой я охлаждала свои ноги, когда была девочкой, поэтому я очень обрадовалась, когда мой свекор и братья мужа предложили взять детей на реку. Но это была та же самая река, в которой большеногие девушки стирали белье, и из которой — поскольку деревенские колодцы закисло от личинок насекомых, — они набирали воду для питья и приготовления пищи.

Первый случай тифа ударил по самой лучшей деревне нашего уезда — Тункоу. Тиф поразил драгоценного первого сына одного из наших арендаторов, затем членов этой семьи и убил их всех до единого. Болезнь начиналась с лихорадки, сопровождавшейся жестокой головной болью и режью в желудке. Иногда болезнь сопровождалась хриплым кашлем или сыпью в виде розовых пятен. Но если начинался понос, то смерть была милосердна и приходила всего через несколько часов. Как только мы слышали, что чей-то ребенок заболел, мы уже знали, что будет дальше. Сначала умрет он, потом его братья и сестры, потом мать, потом отец. Все это повторялось снова и снова, потому что матери не могли отвернуться от своих детей, а мужья не могли оставить своих умирающих жен. Вскоре в каждом доме нашей деревни были больные.

Семья Лу отгородилась от всей деревни и закрыла двери своего дома. Слуги исчезли; возможно, их отослал мой свекор, а может быть, они убежали от страха. Я этого не знаю и по сей день. Женщины в нашем доме собрали детей в верхней комнате, полагая, что там будет безопаснее. Первым, у кого появились признаки болезни, был

маленький сын Третьей Невестки. Лоб у него стал сухим и горячим. Щечки вспыхнули алым цветом. Я увидела это и увела своих детей в свою спальню. Я позвала к себе своего старшего сына. В отсутствие мужа мне следовало уступить его желанию быть со своим двоюродным дедом и остальными мужчинами, но я не оставила ему выбора.

«Только я буду выходить из этой комнаты, — сказала я детям. — Старший Брат отвечает за всех вас, когда меня нет. Вы должны слушаться его во всем».

Каждый день в течение этого ужасного лета я выходила из комнаты один раз утром и один раз вечером. Я знала, каким образом передается эта болезнь, поэтому выносила ночной горшок и выливала его сама, стараясь, чтобы ни одна капля из помойной ямы не попала мне на руки, ноги, одежду или на горшок. Я приносила солоноватую воду из колодца, кипятила ее, а потом процеживала, чтобы она стала как можно более чистой и прозрачной. Я опасалась любой пищи, но нам нужно было что-то есть. Я не знала, что делать. Можно ли есть сырые овощи прямо из огорода? Но когда я подумала о нечистотах, которыми мы удобряем свои поля и огороды, и о том, что в этих нечистотах таится зараза, я поняла, что овощи есть нельзя. Я вспомнила о пище, которую мать всегда готовила, когда я заболела, — о рисовом отваре сондее. Я стала готовить его два раза в день.

Все остальное время мы проводили, запершись в нашей комнате. Днем мы слышали, как люди бегают взад-вперед. По ночам до нас долетали судорожные вскрики больных и страшные вопли матерей. По утрам я прикладывала ухо к дверям и прислушивалась к новостям о том, кто ушел в загробный мир. Наложницы, о которых некому было позаботиться, умерли в мучениях и одиночестве, если не считать тех женщин, против которых они устраивали заговоры.

Днем ли, ночью ли я не переставала беспокоиться о Снежном Цветке и о моем муже. Предпринимает ли она те же предосторожности, что и я? Все ли у нее в порядке? Жива ли она? Не умер ли ее слабенький первый сын? Не вымерла ли вся ее семья? А что с моим мужем? Умерли он в чужой провинции или на дороге? Если что-нибудь случилось с кем-нибудь из них, я не знала, что мне делать. Я чувствовала, как страх все сильнее опутывает меня. В моей спальне

было только одно окно, слишком высоко расположенное, чтобы я могла выглянуть из него. Запах раздувшихся мертвецов, сложенных перед домом, проникал к нам вместе с влажным воздухом. Мы затыкали носы и рты, но это не помогало — мы постоянно ощущали этот отвратительный запах, от которого слезились глаза, а во рту был мерзкий привкус. Мысленно я перебирала все дела, которые надо делать. Постоянно молиться Богине. Обертывать детей темно-красной материей. Мести комнату трижды в день, чтобы напугать духов, охотившихся за добычей. Я также перебирала в уме все те вещи, от которых нам следовало воздержаться: никакой жареной еды, никакой тушеной еды. Если бы мой муж был дома, то никаких постельных дел. Но его не было, поэтому я сама должна была быть бдительной.

Однажды, когда я готовила рисовую кашу, моя свекровь вошла в кухню, держа в руке убитого цыпленка.

«Нет смысла их больше беречь», — сказала она сердито. Разрезав цыпленка на части и нарубив чеснок, она обратилась ко мне: «Твои дети умрут, если не будут есть мясо и овощи. Ты уморишь их голодом еще до того, как они успеют заболеть».

Я уставилась на цыпленка. Рот у меня наполнился слюной, а кишки заурчали. Но впервые за всю мою замужнюю жизнь я прикинулась глухой. Я ничего не ответила свекрови. Я только разлила рисовый отвар по мискам и поставила их на поднос. По пути в мою комнату я остановилась перед дверью Дяди Лу, постучалась и оставила для него миску на полу. Я обязана была это сделать, вы понимаете? Он был не только самым старшим и самым уважаемым членом семьи, но и учителем моего сына. Классики учат нас, что отношения между учителем и учеником занимают второе место после отношений между родителями и детьми.

Остальные миски я раздала своим детям. Когда Нефрит начала протестовать, что там нет ни лука, ни кусочков свинины, ни даже сушеных овощей, я сильно ударила ее по лицу. Мои сыновья проглотили свои жалобы, в то время как их сестра, закусив губу, сдерживала слезы. Я не стала обращать на это внимание. Я просто взяла в руки веник и начала подметать комнату.

Шли дни, и в нашей комнате признаков тифа не было, но продолжалась страшная жара, усиливающая запахи болезни и смерти. Однажды вечером, когда я вошла в кухню, я увидела там Третью

Невестку, которая стояла, словно привидение, посредине затемненной комнаты, с ног до головы одетая в белое — цвет траура. Я догадалась по ее виду, что ее дети и муж умерли. Я застыла на месте, пригвожденная ее пустым безжизненным взглядом. Она не шевельнулась, никак не показала, что видит меня, стоящую на расстоянии одного метра от нее. Я боялась шагнуть вперед и боялась ступить назад. Снаружи доносилось пение ночных птиц и мычание быка. В голову мне пришла глупая мысль. Почему животные сейчас не умирают? Или же они умирают, но некому мне об этом сказать?

«Никчемная свинья осталась в живых!» — раздался за моей спиной ядовитый голос.

Третья Невестка даже не моргнула, но я повернулась посмотреть, кто это сказал. Это была моя свекровь. Она вынула шпильки из прически, и ее волосы повисли жирными прядями вдоль лица. «Не надо было мне позволять тебе входить в наш дом. Ты разрушаешь семью Лу, ты грязная, мерзкая свинья».

Свекровь плюнула на Третью Невестку, но та даже не стерла слюну со своего лица.

«Я проклинаю тебя», — произнесла моя свекровь. Ее лицо покраснело от гнева и горя.

«Я надеюсь, что ты умрешь. Если ты не умрешь — прошу тебя, Богиня, заставь ее страдать, — Господин Лу осенью выдаст тебя замуж. Но будь моя воля, ты бы не дожила до утра».

С этими словами моя свекровь, которая меня так и не заметила, повернулась, ухватившись за стену, чтобы не упасть, и, шатаясь, вышла из кухни. Я посмотрела на свою невестку, которая, казалось, ничего не осознавала. Все говорило мне о том, что я собираюсь совершить что-то неправильное, но я подошла к ней, обняла ее и подвела к стулу. Я вскипятила воду, затем, собрав все свое мужество, окунула платок в ведро с холодной водой и вытерла лицо невестки. Потом я бросила платок в огонь и смотрела, как он горит. Когда вода вскипела, я заварила чай, налила чашку для своей невестки и села рядом с ней. Она не притронулась к чаю. Я не знала, что я еще могу сделать, поэтому начала готовить рисовый отвар, терпеливо перемешивая рис, чтобы он не пригорел.

«Я изо всех сил стараюсь услышать, как плачут мои дети. Я везде ищу моего мужа», — пробормотала Третья Невестка. Я повернулась к

ней лицом, думая, что она разговаривает со мной. Выражение ее глаз сказало, что это не так. «Если я снова выйду замуж, как я смогу тогда встретиться со своим мужем и детьми в загробном мире?»

У меня не было слов, чтобы утешить ее, потому что их не существует. У нее не было большого дерева, чтобы защитить ее, и не было верной горы, чтоб опереться. Она встала и просеменила из кухни на своих изящных «золотых лилиях», хрупкая, как те фонарики, которые отпускают во время праздника фонариков, и они уносятся прочь. Я вернулась к своему помешиванию.

На следующее утро, когда я спустилась вниз, мне показалось, что произошла какая-то перемена. Юнган и еще две служанки вернулись в дом. Они убрали кухню и носили дрова. Юнган сообщила мне, что еще до рассвета Третью Невестку нашли мертвой. Она покончила с собой, проглотив щелок. Я часто думаю о том, что бы произошло, если бы она подождала несколько часов, потому что ко времени второго завтрака свекровь слегла с лихорадкой. Наверное, она была уже больна накануне вечером, когда проявила такую жестокость.

Теперь мне предстояло сделать ужасный выбор. Я держала своих детей в комнате, спасая их от заразы, но мой долг жены по отношению к родителям моего мужа был превыше всего. Служить им означало, что я обязана уважать их больше всех остальных — больше своих родителей, больше своего мужа, больше своих детей. В отсутствие мужа я была обязана забыть свой страх перед болезнью, вырвать все чувства к детям из своего сердца и делать то, что полагается. Если я этого не сделаю, и моя свекровь умрет, моему стыду не будет предела.

Но я не так легко оставила своих детей. Остальные невестки сидели по своим комнатам со своими семьями. Я не знала, что происходит за закрытыми дверями. Может быть, они уже заболели. Может быть, они уже умерли. Я не могла доверить заботу о своих детях моему свекру. Разве он не проводил ночи рядом со своей женой? Не будет ли он следующим, кого поразит болезнь? И я не видела Дяди Лу с начала эпидемии, хотя он каждое утро и каждый вечер оставлял пустую миску перед дверью своей комнаты.

Я сидела в кухне, беспокойно сжимая сплетенные пальцы рук. Юнган вошла в кухню, опустилась на колени рядом со мной и сказала: «Я позабочусь о ваших детях».

Я вспомнила, как она сопровождала меня в дом Снежного Цветка сразу после моей свадьбы, как она заботилась обо мне после всех моих родов, и какой скрытной и верной она была, когда носила письма к моей *лаотун*. Она делала все это для меня и постепенно, я и не заметила, как она из десятилетней девочки превратилась в ширококостную и большеногую женщину двадцати четырех лет. На мой взгляд, она оставалась такой же безобразной, как яйца кабана, но я знала, что она еще не заболела и будет заботиться о моих детях, как о своих собственных.

Я дала ей точные указания, как кипятить воду и готовить еду, и нож на случай, если дела пойдут плохо и ей придется сторожить дверь. Сделав это, я предоставила своих детей судьбе и посвятила все свое время и внимание свекрови.

Следующие пять дней я заботилась о свекрови так, как должна заботиться невестка. Я подмывала ее, когда у нее уже не было сил добраться до ночного горшка. Я варила ей такой же рисовый отвар, как и своим детям. Затем я надрезала себе руку, как когда-то (я видела) сделала моя мать, чтобы моя жизненная сила смешалась с рисовым отваром. Это высочайший дар любой невестки, и я принесла его, надеясь, что каким-то чудом моя жизненная сила сумеет поддержать ее.

Но мне не надо говорить вам о том, какая это страшная болезнь. Вы знаете, чем она кончается. Моя свекровь умерла. Она всегда была добра ко мне, поэтому мне трудно было сказать ей «прощай». После того, как отлетел ее последний вздох, мне стало ясно, что я не смогу сделать для нее все, что полагается для женщины ее положения. Я обмыла ее покрытое пятнами иссохшее тело теплой водой с запахом сандалового дерева. Я одела ее в длинные похоронные одежды и засунула ее записи *нушу* ей в карманы, рукава, под рубашку. В отличие от мужчин, она писала все это не для того, чтобы оставить доброе имя сотням поколений. Она писала, чтобы рассказать своим подругам о своих мыслях и чувствах, и они писали ей о том же. При других обстоятельствах я бы сожгла все эти записи на ее могиле. Но при этой жаре и эпидемии трупы надо было хоронить как можно скорее, не думая ни о *фэнишуй*, ни о *нушу*, ни о родственном долге. Единственное, что я могла сделать для ее утешения, — это снабдить свою свекровь

записями ее подруг для чтения и пения в загробном мире. Как только я покончила с этим, повозка забрала ее тело для поспешных похорон.

Моя свекровь прожила долгую жизнь. По этой причине я могла бы порадоваться за нее. А поскольку она умерла, я становилась главной женщиной в доме, несмотря на то, что мой муж был в отъезде. Теперь все невестки должны были подчиняться мне. Чтобы жить спокойно, они нуждались в моей милости. Так как все наложницы умерли, я видела впереди более гармоничную жизнь, потому что мне было абсолютно ясно: больше наложниц под крышей этого дома не будет.

Как и предчувствовали слуги, эпидемия в нашем уезде пошла на спад. Мы открыли двери нашего дома и произвели учет. Мы потеряли свекровь, третьего деверя, всю его семью и наложниц. Второй и Четвертый Братья выжили, как и их семьи. В моей родной семье умерли Мама и Папа. Разумеется, я жалела о том, что во время последнего своего посещения не проводила с ними больше времени. Однако с Папой мы мало общались после того, как мне перебинтовали ноги, а между мной и Мамой все переменилось после нашего разговора о том, как она лгала мне о Снежном Цветке. В качестве замужней дочери единственной моей обязанностью было соблюдать траур в течение года. Я старалась воздать почести своей матери, родившейся под знаком обезьяны, за все, что она сделала для меня, но мое сердце не было разбито.

В конце концов, нам еще повезло. Мы с Дядей Лу не обменялись ни единым словом. Это было бы неприлично. Но когда он вышел из своей комнаты, это был уже не милостивый дядюшка, праздно проводящий свои дни на покое. Он муштровал моего сына с такой энергией, целеустремленностью и постоянством, что нам так и не понадобилось нанимать учителя со стороны. Мой сын никогда не увиливал от занятий, его подбадривало сознание того, что ночь его свадьбы и день, когда его имя появится в императорском золотом списке, будут самыми славными датами в его жизни. В первом случае, он выполнит роль послушного сына, во втором — он выберется из темноты нашего маленького уезда и поднимется к вершинам такой славы, что о нем узнает весь Китай.

По прежде чем все это произошло, вернулся домой мой муж. Не могу описать чувство облегчения, которое я испытала, когда увидела

его паланкин, поднимающийся по главной дороге в сопровождении запряженных быками повозок, нагруженных мешками с солью и другими товарами. Ужасы, которые я себе воображала, из-за которых плакала по ночам, не случатся со мной, по крайней мере, пока не случатся. Меня охватила та же радость, какую выражали все женщины в Тункоу, в то время как наши мужчины разгружали повозки. Мы все плакали, и слезы облегчали тяжесть, страх и горе, которые мы носили в сердце. Для меня — и для всех нас — возвращение моего мужа было первым добрым знаком за все эти тяжелые месяцы.

Соль была продана, ее покупали отчаявшиеся, но благодарные люди по всему нашему уезду. Прибыль, полученная от продажи, помогла нам уладить все наши денежные дела. Семья Лу восстанавливала свое положение и благосостояние. В этом году урожай оказался обильным, поэтому и осень была более праздничной. Пережив черные дни, мы могли немного вздохнуть. Мой свекор нанял мастеровых, они приехали в Тункоу и сделали еще один расписной фриз под карнизами нашего дома, который должен был говорить нашим соседям и всем тем, кто приедет в нашу деревню в будущем, об удаче и процветании нашей семьи. Теперь я могла выйти на улицу и увидеть изображения своего мужа в лодке, готовой отвезти его вниз по реке, торговцев из Гуйлиня, с которыми он вел дела; женщин из нашего дома в их ниспадающих одеждах, занятых вышиванием в то время, когда мы ждали приезда моего мужа, и его радостное возвращение.

Все, что было нарисовано под нашими карнизами, соответствовало действительности, за исключением портрета моего свекра. На фризе он был изображен сидящим на стуле с высокой спинкой и оглядывающим свои владения с гордым видом. Но на самом деле он тосковал по своей жене, и у него душа не лежала к мирским делам. Однажды, обходя поля, он упал и умер. Первейшим нашим долгом было устроить самые пышные похороны, какие только видели в нашем уезде. Моего свекра положили в гроб и выставили перед домом на пять дней. Мы наняли оркестр, который играл день и ночь. Люди со всего уезда приходили сделать *коуту* перед его гробом. Они приносили подарки: деньги в белых конвертах, шелковые флаги, свитки, где мужским письмом были написаны похвалы покойному. Все его сыновья и их жены доползли до его могилы на коленях. Народ из

Тункоу и другие люди из окрестных деревень шли за нами пешком. Когда мы медленно проходили через поле, мы казались белой рекой в своих траурных одеждах. Через каждые семь шагов все останавливались и делали *коуту*. Место погребения находилось в километре от нашего дома, и вы можете представить себе, сколько раз мы останавливались и кланялись на этой каменистой дороге.

Все, кто шел с нами, старые и молодые, выражали свое горе причитаниями, а оркестр гремел: громко трубили трубы, выводили трели флейты, звенели цимбалы, били барабаны. Как старший сын мой муж сжег бумажные деньги и запустил фейерверк. Мужчины пели, женщины тоже пели. Мой муж нанял несколько монахов, которые совершили необходимые ритуалы для того, чтобы ввести моего свекра и, как мы надеялись, всех тех, кто умер во время эпидемии, в счастливый мир духов. После похорон мы устроили угощение для всей деревни. Когда гости расходились по домам, высокопоставленные двоюродные братья из семьи Лу дали каждому на счастье монету, завернутую в бумагу, сладости, чтобы заесть горький вкус смерти, и полотенце. Так прошла первая неделя. Всего же нам предстояло сорок девять дней церемоний, жертвоприношений, поминок, речей, музыки и слез. К концу этого срока — хотя для нас с мужем официально траур еще не закончился — все в уезде знали, что мы стали новыми Господином и Госпожой Лу.

В горах

Мне все еще было неизвестно, что произошло со Снежным Цветком и ее семьей во время эпидемии. В своих заботах о детях, о свекрови, в своей радости от возвращения мужа, за которым последовала смерть свекра и его похороны, да еще при том, что мы с мужем стали Господином и Госпожой Лу раньше, чем успели подготовиться к этому, я впервые в моей жизни забыла о своей *лаотун*. Потом она прислала мне письмо.

Дорогая Лилия,

Я услышала, что ты жива. Мне жаль твою свекровь и твоего свекра. Мне еще больше жаль твою маму и твоего папу. Я их очень любила.

Мы пережили эпидемию. В начале ее у меня случился выкидыш — еще одна девочка. Мой муж говорит, что это к лучшему. Если бы я доносила всех своих детей до положенного срока, у меня было бы четыре дочери — настоящее бедствие.

И все же трижды держать на руках свое мертвое дитя — это чересчур.

Ты всегда говоришь мне, что надо попытаться заново. Я попробую. Я хотела бы быть похожей на тебя и иметь троих сыновей. Как ты говоришь, сыновья — это цена женщины.

Здесь умерло много людей. Я бы сказала, что жизнь в доме стала спокойней, но моя свекровь жива. Она каждый день говорит гадости обо мне и настраивает мужа против меня.

Я приглашаю тебя приехать ко мне. Мои низкие ворота не могут сравниться с твоими, но мне так хочется поделиться с тобой своими горестями. Если ты любишь меня, пожалуйста, приезжай.

Я хочу побыть с тобой, прежде чем мы начнем бинтовать ноги нашим дочерям. Нам есть о чем поговорить.

Снежный Цветок

Я все время вспоминала слова умершей свекрови: «Повинуйся, повинуйся, а потом делай, что хочешь». Оставшись без ее бдительного присмотра, я могла открыто видеться со Снежным Цветком.

У моего мужа было полно возражений: нашим старшим сыновьям было уже одиннадцать и восемь лет, младшему — полтора года, а дочери недавно исполнилось шесть. Моему мужу нравилось, когда я была дома. Я обхаживала его несколько дней. Я пела ему. Я дала каждому из детей задания, которые были по сердцу их отцу. Я готовила ему его любимые блюда. Я каждый вечер мыла и массировала ему ноги после того, как он возвращался с полей. Я ублажала его в постели. Он все равно не хотел меня отпускать, и мне надо было бы его послушаться.

Двадцать восьмого числа десятого месяца я надела шелковую рубашку цвета лаванды, которую расшила хризантемами, что подходило для осени. Когда-то я думала, что единственной одеждой, которую я буду носить всю жизнь, будет та, которую я сшила в годы закалывания волос. Мне не приходило в голову, что моя свекровь умрет и оставит нетронутые куски ткани, или что мой муж будет достаточно богат, чтобы купить любое количество самого лучшего шелка из Сучжоу. Собираясь к Снежному Цветку, я вспомнила, как она носила мои вещи, когда мы были девочками, и взяла с собой только то, что могло мне понадобиться в ближайшие три дня.

Носильщики высадили меня из паланкина перед домом Снежного Цветка. Она сидела, ожидая меня, на помосте перед порогом дома. Она была одета в рубашку, штаны, фартук и косынку из замусоленного и заношенного хлопка сине-белого цвета. Мы не сразу вошли в дом. Снежному Цветку было приятно побыть со мной на прохладном послеполуденном воздухе. После того как мы поболтали о том, о сем, я впервые как следует разглядела огромный котел, в котором варили свиные туши, чтобы смягчить кожу и снять с нее шерсть. Сквозь открытую дверь флигеля я увидела куски мяса, свисавшие с крючков. От их запаха меня затошнило. Но хуже всего было то, что в это же время свинья со своими поросятами влезла на помост в поисках еды. Потом мы поели тушеного риса с салатом, и Снежный Цветок

поставила наши миски на помост, к нашим ногам, чтобы свинья и поросята могли доесть остатки.

Когда мы увидели, что мясник возвращается домой, толкая перед собой тележку с четырьмя корзинами, в каждой из которых на животе лежала свинья, мы поднялись наверх, где дочь Снежного Цветка вышивала, а свекровь очищала хлопок. Комната имела запущенный и мрачный вид. Зарешеченное окно было еще меньше, чем в моем родном доме, и менее украшенное. Однако я могла посмотреть в него на мой дом в Тункоу. Даже здесь, наверху, невозможно было не почувствовать свиного запаха.

Мы уселись и начали говорить о том, что в данный момент больше всего занимало наши мысли, — о наших дочерях.

«Ты подумала о том, когда нам начать бинтовать им ноги?» — спросила Снежный Цветок.

Было правильным начать в этом году, но я надеялась, что Снежный Цветок думает так же, как и я.

«Наши матери подождали, пока нам исполнилось семь лет, и мы обе были счастливы с этого времени, когда были вместе», — осторожно начала я.

Лицо Снежного Цветка расплылось в широкой улыбке. «Я думала точно так же. Наши с тобой восемь знаков прекрасно совпадают. Не следует ли нам не только соединить восемь знаков наших дочерей, но и соединить их с нашими восемью знаками, насколько это возможно? Мы можем начать бинтовать им ноги в тот же день и в том же возрасте, когда бинтовали ноги нам».

Я взглянула на дочку Снежного Цветка. Весенняя Луна унаследовала красоту своей матери — шелковистую кожу и мягкие черные волосы, — но ее поведение выражало бесконечную покорность, когда она сидела с опущенной головой, посматривая искоса на свое вышивание, стараясь изо всех сил не подслушивать, как решается ее судьба.

«Они будут как две уточки-мандаринки», — сказала я, испытывая облегчение оттого, что мы так быстро пришли к соглашению, хотя я уверена, мы обе надеялись на то, что наши превосходно совпадающие восемь таков компенсируют частичное несовпадение восьми знаков наших дочерей.

Воистину Снежному Цветку повезло, что у нее была Весенняя Луна, иначе ей пришлось бы проводить все дни наедине со своей свекровью. Позвольте мне сказать следующее: эта женщина оставалась такой же ядовитой и злобной, какой я ее помнила. У нее был только один припев: «Твой старший сын не лучше девчонки. Он хилый. Где он возьмет силу, чтобы зарезать свинью?» У меня же в голове вертелась мысль, совсем не подходящая для госпожи Лу: «Почему духи не забрали ее в загробный мир во время эпидемии?»

Вкус еды за ужином напомнил мне те времена, когда я была еще девочкой, но мы уже начали получать подарки для моего приданого, — заготовленные впрок длинные бобы, свиные ножки в остром соусе, жареные кусочки тыквы и красный рис. Пока я находилась в Цзиньтяне, каждая трапеза походила по вкусу на все остальные, потому что в любое блюдо входила какая-нибудь часть свиньи. Черные бобы со свиным салом, свиные уши в глиняных горшочках, пылающие свиные кишки, кабаньих член, тушенный с чесноком и жгучим перцем. Снежный Цветок не ела ничего из этих блюд, только рис и овощи.

После обеда ее свекровь отправлялась спать. Хотя традиция требует, чтобы две половинки во время взаимных посещений спали в одной постели — подразумевалось, что муж будет спать в каком-нибудь другом месте, — мясник заявил, что не собирается искать другой ночлег. Его извинения? «Нет ничего более злого, чем сердце женщины». Это была старая поговорка, и, возможно, справедливая, но было неприлично говорить подобные вещи Госпоже Лу. Тем не менее это был его дом, и мы были обязаны делать то, что он говорил.

Снежный Цветок отвела меня в женскую комнату наверху и там соорудила мне постель из чистых, но поношенных одеял из своего приданого. На комод она поставила таз с теплой водой, чтобы я могла умыться. О, как мне хотелось взять платок, окунуть его в воду и стереть все следы забот и тревог с лица моей *лаотун*. Пока я раздумывала об этом, Снежный Цветок принесла мне одежду, почти такую же, какая была на ней, — *почти*, потому что я помнила, как она скомбинировала ее с драгоценными кусочками материи из приданого своей матери. Снежный Цветок нагнулась ко мне, поцеловала меня в щеку и прошептала на ухо: «Завтра у нас будет целый день. Я покажу тебе мою вышивку и то, что я написала на нашем веере. Мы будем разговаривать и вспоминать». Потом она оставила меня одну.

Я задула фонарик и натянула на себя одеяло. Луна была почти полной, и ее голубой свет, проникавший сквозь зарешеченное окно, перенес меня в далекое прошлое. Я зарылась лицом в складки одеяла, которые хранили запах Снежного Цветка, такой же свежий и тонкий, как и в годы закалывания волос. В ушах у меня зазвучали памятные мне низкие стоны наслаждения. Даже находясь в одиночестве в темной комнате, я вспыхнула при этом давно забытом воспоминании. Но звуки не прекращались. Я села на постели. Стоны не отзывались у меня в голове, они шли из комнаты Снежного Цветка. Моя *лаотун* и ее муж занимались постельными делами. Моя *лаотун* могла стать вегетарианкой, но она не была Женой Ван из истории, рассказанной нам свахой. Я закрыла уши руками и попробовала уснуть, но это было нелегко. Моя удачная судьба сделала меня и нетерпеливой, и нетерпимой. Это оскверненное и оскверняющее место, и люди, живущие здесь, раздражающе действовали на мои чувства, на мою плоть и на мою душу.

На следующее утро мясник уехал на целый день, а его мать убралась в свою комнату. Я помогла Снежному Цветку вымыть и вытереть посуду, принести дров, набрать воды, нарезать овощей для дневной трапезы, принести мясо из сарая, где хранились куски свинины, и уделила внимание ее дочери. Когда мы со всем этим справились, Снежный Цветок поставила греть воду, чтобы мы могли помыться. Она принесла чайник наверх, в женскую комнату, и закрыла дверь. Для нас никогда не было никаких запретов. Зачем они были нужны теперь? Воздух в доме был на удивление теплым, даже сейчас, в десятом лунном месяце, но все равно, моя кожа покрылась мурашками, когда Снежный Цветок провела по ней мокрым кусочком ткани.

Но как я могу произнести эти слова, чтобы они не звучали как слова мужа? Когда я посмотрела на нее то увидела, что ее бледная кожа — всегда такая красивая — начала грубеть и темнеть. Ее руки — всегда такие гладкие — стали шершавыми. Вокруг глаз и над верхней губой появились морщинки. Ее волосы были стянуты в тугий пучок на затылке. Я увидела седые волоски. Ей было столько же, сколько и мне — тридцать два года. Женщины в нашем уезде часто не доживают и до сорока лет, но я только что проводила свою свекровь в загробный мир,

а она выглядела еще очень красивой для женщины, достигшей пятидесяти одного года.

Этим вечером на обед снова была свинина.

* * *

Я еще не вполне осознала это, но внешний мир — буйный мир мужчин — уже вторгнулся в жизнь Снежного Цветка и в мою жизнь тоже. На вторую ночь нас разбудил страшный шум. Мы все выскочили в главную комнату и в страхе сгрудились там, даже мясник. Комната была наполнена дымом.

Дом — а может быть и вся деревня — горел. На нас сыпались пепел и пыль. В ушах стоял звон лязгающего металла и топот лошадиных копыт. В темноте ночи мы никак не могли понять, что происходит. Захватило ли бедствие только одну деревню или все обстояло гораздо хуже?

Мы не поняли всего несчастья, свалившегося на нас, пока люди из деревень, расположенных за нашей, не начали убегать, оставив свои дома под защитой холмов. На утро из окна Снежного Цветка мы увидели их — мужчин, женщин и детей — на повозках, запряженных быками, или на ручных тележках, идущих пешком или едущих на пони. Мясник выбежал за околицу и крикнул в этот поток беженцев:

«Что происходит? Война?»

Ему ответили чьи-то голоса:

«Император послал приказ в город Юнмин, чтобы наш правитель выступил против тайпинов!»

«Уже прибыли императорские войска, чтобы разогнать мятежников!»

Мясник сложил ладони рупором и крикнул: «Что же нам делать?»

«Бегите!»

«Здесь скоро будет бой!»

Я окаменела, ошеломленная, охваченная паникой. Почему мой муж не приехал за мной? Снова я ругала себя за то, что выбрала именно это время — после всех этих долгих лет — для посещения Снежного Цветка. Но таков характер судьбы. Вы делаете хороший и разумный выбор, а у богов относительно вас совсем иные планы.

Я помогла Снежному Цветку собрать вещи для нее и для детей. Мы пошли на кухню и набрали большой мешок риса, взяли чай и воду для питья и лечения ран. Потом мы свернули четыре ее свадебных одеяла в тугие узлы и сложили их у двери. Когда все было готово, я переоделась в свой шелковый костюм, вышла на помост перед домом и стала ждать своего мужа, но он не пришел. Я смотрела на дорогу, ведущую в Тункоу. По ней тоже двигался поток беженцев, только они шли не в направлении холмов, а через поля, к Юнмину. Два потока людей: один, текущий в холмы, другой — в город, — смутили меня. Разве Снежный Цветок не говорила всегда, что холмы — это руки, обнимающие нас? Если это так, то почему люди из Тункоу идут в противоположном направлении?

Ближе к вечеру я увидела паланкин, отделившийся от группы людей из Тункоу и направляющийся к Цзиньтяню. Я знала, что он идет за мной, но мясник отказался ждать.

«Пора уходить!» — заорал он.

Я хотела остаться и подождать, чтобы моя семья забрала меня отсюда. Мясник ответил отказом.

«Тогда я пойду навстречу паланкину», — сказала я. Так часто, сидя у своего зарешеченного окна, я представляла себе, как иду по этой дороге. Разве я не могу сейчас пойти навстречу своей семье?

Мясник рубанул рукой воздух, чтобы помешать мне произнести хотя бы еще слово. «Сюда идет много мужчин. Ты знаешь, что они сделают с одинокой женщиной? Ты знаешь, что сделает со мной твоя семья, если с тобой что-то случится?»

«Но...»

«Лилия, — вмешалась Снежный Цветок, — поедем с нами. Мы уйдем всего на несколько часов, а потом пошлем весточку твоей семье. Лучше быть в безопасном месте».

Мясник посадил свою мать, жену, младших детей и меня на тележку. Когда он вместе со старшим сыном начали толкать тележку, я оглянулась на поля за Цзиньтянем. Там в воздух поднимались языки пламени и клубы дыма.

Снежный Цветок постоянно давала воду мужу и старшему сыну. Стояла глубокая осень, и когда солнце село, нам всем стало холодно, но муж Снежного Цветка и ее старший сын обливались потом, как в середине жаркого дня. Весенняя Луна спрыгнула с тележки вместе со

своим младшим братом, хотя ее и не просили об этом. Она несла его на бедре, а потом посадила на спину. В конце концов, она поставила мальчика на землю, взяла его за руку, а другой рукой уцепилась за тележку.

Мясник заверил свою жену и мать, что мы вскоре остановимся, но мы этого не сделали. В эту ночь мы были всего лишь частью потока несчастных беженцев. К рассвету, к тому времени, когда тьма сгущается сильнее, мы одолели первый крутой холм. Лицо мясника напряглось, вены вздулись, его руки дрожали от напряжения, когда он пытался толкать тележку вверх на холм. Наконец он сдался и свалился без сил на землю. Снежный Цветок соскользнула к краю тележки, свесила ноги, помедлила немного и слезла на землю. Она посмотрела на меня. Я оглянулась назад. Небо позади нас было красным от пламени. Звуки, которые доносил до нас ветер, заставили меня соскочить с тележки. Мы со Снежным Цветком привязали к спинам по два одеяла. Мясник забросил мешок с рисом на плечо, а дети взяли столько продуктов, сколько могли унести. До меня начало кое-что доходить. Если мы собирались уйти из деревни всего на несколько часов, зачем мы взяли с собой столько продуктов? Я не видела своего мужа и детей несколько дней, а теперь еще оказалась здесь, во власти стихий, с мясником. Я приложила ладони к лицу, стараясь сосредоточиться. Я не могла позволить, чтобы кто-то заметил мою слабость.

Мы присоединились к остальным беженцам. Снежный Цветок и я взяли мать мясника под руки и тащили ее вверх по холму. Она тянула нас вниз, и как это подходило ее крысиной натуре! Когда Будда пожелал, чтобы крыса распространяла его учение, хитрое создание попыталось оседлать лошадь. Лошадь мудро отказалась, и с тех пор эти два знака плохо сочетаются между собой. Но на той жуткой дороге в ту страшную ночь что мы, две лошади, могли поделать?

У людей вокруг нас были угрюмые лица. Они покинули свои дома и свое хозяйство, а теперь гадали, не вернуться ли они к куче пепла. По лицам женщин текли слезы и от страха, и от боли в ногах от непривычной ходьбы, ведь в ту ночь мы прошли больше, чем за всю свою жизнь после бинтования. Дети даже не жаловались. Они были слишком напуганы. Мы только начали наш побег.

На следующий день после полудня — а мы еще ни разу не остановились — дорога сузилась и превратилась в тропинку, которая поднималась вверх все круче и круче. Слишком многое ранило наши глаза. Слишком многое терзало слух. Иногда мы проходили мимо стариков и старух, которые присели отдохнуть и никогда уже не поднялись на ноги. Я даже не могла представить себе, чтобы в нашем уезде люди могли вот так бросить своих родителей. Часто, проходя мимо, мы слышали их последние слова, обращенные к сыну или дочери, их последнюю просьбу: «Оставь меня. Вернешься, когда все это закончится». Или: «Продолжай идти. Береги сыновей. Не забудь поставить для меня жертвенник на праздник Весны». Каждый раз, когда я слышала подобные речи, я вспоминала мою мать. Она не смогла бы проделать этот путь, опираясь только на свою палку. Попросила бы она оставить ее здесь? Покинул бы ее Папа? А Старший Брат?

Мои ноги болели так же сильно, как во время бинтования, боль пронзала их при каждом моем шаге. Но мне еще повезло. Я видела женщин моего возраста и моложе — женщин в их годы риса-и-соли, — чьи ноги были разбиты от долгой ходьбы или изранены о камни. От щиколоток и выше их ноги были целы, но эти женщины уже не могли ходить. Они лежали на земле, не двигаясь, только плача, ожидая смерти от жажды, голода или холода. Но мы проходили мимо, не оглядываясь назад, пряча стыд в наших пустых сердцах, стараясь не слышать стонов ужаса и боли.

Когда настала вторая ночь и темнота окутала нас, отчаяние охватило наши души. Люди бросали свои пожитки. Дети и взрослые отбивались от своих семей, теряя их навеки. Мужья разыскивали своих жен. Матери призывали своих детей. Была поздняя осень, время, когда дочерям начали бинтовать ноги, и мы часто видели маленьких девочек, у которых недавно сломались косточки стоп, — их теперь бросали, как бросали продукты, одежду, воду, переносные алтари, свадебные подарки и семейные драгоценности. Мы видели маленьких мальчиков — третьих, четвертых или пятых сыновей, — которые просили проходивших мимо людей о помощи. Но как ты можешь помочь другим, если должна идти, одной рукой крепко сжимая ручку своего ребенка, а за другую тебя крепко держит твой муж? Когда боишься за

свою жизнь, не думаешь о других. Ты думаешь только о тех, кого любишь, но даже им ты не можешь помочь.

Не было колоколов, которые сообщили время, но уже стемнело, и мы смертельно устали. Мы шли уже более тридцати шести часов — без отдыха, без еды, только время от времени делали глоток воды. До нас начали доноситься ужасные протяжные стоны. Мы не могли представить себе, кто их издавал. Становилось все холоднее.

На листьях и ветвях деревьев выступил иней. На Снежном Цветке был ее наряд из синего хлопка, а на мне — мой шелк. Это не могло спасти нас от надвигающегося холода. Камни под нашими ногами стали скользкими. Я была уверена, что мои ноги кровоточат, потому что чувствовала странное тепло. И все же мы продолжали идти. Мать мясника шаталась, а мы поддерживали ее с двух сторон. Она была старой и слабой, но ее крысиная натура обладала волей к жизни.

Тропинка совсем сузилась. Гора справа — я уже не могла бы назвать ее холмом — поднималась так круто, что касалась наших плеч, когда мы друг за другом тянулись вдоль нее по троне, не превышавшей трети метра в ширину. Слева зияла темная пропасть. Я не могла увидеть, что было внизу. А на тропе впереди и позади нас было множество женщин с перебинтованными ногами. Мы походили на цветы в бурю. У нас болели не только стопы. Мускулы наших ног, которым никогда не приходилось так много трудиться, дрожали, их мучили спазмы.

Около часа мы брели вслед за одной семьей — отцом, матерью и тремя детьми, — пока женщина не подскользнулась на камне и не упала в темную яму под нашими ногами. Ее крик был громким и долгим, а потом внезапно оборвался. Всю ночь мы слышали подобные предсмертные крики. После этого я шла лицом к горе, цепляясь руками за траву и ранив их об острые камни, выступавшие из скалы. Я изо всех сил старалась не стать еще одним предсмертным криком в ночи.

Мы добрались до большой укромной впадины. Вокруг нас вздымались силуэты гор. Кое-где горели слабые огни. Мы находились на высоте, но в этом убежище тайпины не могли увидеть наших костров, во всяком случае, мы на это надеялись. И мы тоже спустились во впадину.

Возможно, потому что со мной не было моей семьи, я видела в свете костров только детские лица. Их глаза были тусклыми и пустыми. Может быть, они потеряли бабушку или дедушку. Может быть, они потеряли мать или сестру. Все они были напуганы. Никому и никогда не следует видеть детей в таком состоянии.

Мы остановились, когда Снежный Цветок увидела три семьи из Цзиньтяня, которые нашли укромное место под большим деревом. Они увидели у мясника на спине большой мешок риса и потеснились, чтобы дать нам развести костер. Как только я села, вытянув руки и ноги к огню, они начали гореть, но не от жара, а оттого, что замерзшие кости и мускулы начали оттаивать.

Мы со Снежным Цветком принялись растирать руки ее детям. Они тихо плакали, даже старший мальчик. Мы уложили их всех вместе и укрыли одеялом. Снежный Цветок и я устроились под другим, в то время как ее свекровь забрала целое одеяло себе. Последнее одеяло досталось мяснику. Он махнул, разрешая нам отдохнуть. Потом отвел одного из цзиньтяньцев в сторону, прошептал ему что-то и кивнул. Он подошел к нам и опустился на колени рядом со Снежным Цветком.

«Я пойду поищу хворост», — сказал он.

Снежный Цветок схватила его за руку. «Не уходи! Не оставляй нас!»

«Без огня мы не переживем эту ночь, — сказал он. — Разве ты не чувствуешь? Скоро пойдет снег». Он осторожно разжал ее пальцы. «Наши соседи присмотрят за вами, пока меня не будет. Не бойся. И если тебе будет нужно, — тут он понизил голос, — отодвинь этих людей подальше от огня. Освободи место для себя и своей подруги. Ты можешь это сделать».

А я подумала: даже если она и не сможет, то я не позволю себе умереть здесь без моей семьи.

Как ни велика была наша усталость, мы были слишком испуганы, чтобы уснуть или даже закрыть глаза. Мы проголодались, и нам хотелось пить. В нашем маленьком кружке, собравшемся у костра, были женщины — замужние названные сестры, как я потом узнала, — и они решили развлечь нас историей. Они ее пели. Забавно, хотя моя свекровь была очень сведуща в *нушу* — возможно, потому что знала такое множество иероглифов, — она не придавала большого значения пению или рассказу историй нараспев. Ей было интереснее составить

совершенное письмо или сочинить красивое стихотворение, чем развлечь или утешить себя песней. Поэтому мне и другим ее невесткам приходилось отказываться от многих старинных песен, с которыми мы выросли. В любом случае та история, которую эти женщины пели, была мне знакома, хотя я не слышала ее с детства. В ней рассказывалось о народе Яо, об их первом доме и об их самоотверженной борьбе за независимость.

«Мы — народ Яо, — начала Лотос, женщина лет на десять старше меня. — В древности Гао Синь, добрый и благодетельный император^[17], подвергся нападению со стороны злого и честолюбивого военачальника. Паньху — паршивый приبلудный пес — услышал о трудном положении императора и вызвал военачальника на бой. Он выиграл битву и получил руку дочери императора. Паньху был счастлив, но его нареченная была в ужасе. Она не хотела выходить замуж за пса. Однако она обязана была исполнить свой долг, поэтому они с Паньху убежали в горы, где она родила двенадцать детей — самых первых людей Яо. Когда они подросли, то выстроили город, названный Цяньцздун, — Пещера Тысячи Семей».

Первая часть истории закончилась, и другая женщина по имени Ива подхватила рассказ. Снежный Цветок, сидевшая рядом со мной, слегка поежилась. Вспомнила ли она, как мы слушали Старшую Сестру и ее названных сестер или Маму и Тетю, когда они пели эту песню о происхождении нашего народа?

«Было ли на свете место, где так много воды и хорошей земли? — пропела Ива. — Могло ли быть место, более защищенное от захватчиков, ведь оно было скрыто, и к нему вел только один проход сквозь пещеры? Цяньцздун хранил много чудес для народа Яо. Но такое благословенное место не может существовать вечно».

Послышались стихи, которые пели женщины, сидевшие у других костров. Мужчинам следовало бы прекратить наше пение, потому что мятежники могли услышать нас, но чистые женские голоса придавали всем нам силу и мужество.

Ива продолжала: «Много поколений родилось и умерло, и во времена династии Юань^[18] один человек из местных правителей, храбрый исследователь, преодолел проход и нашел народ Яо. Все были великолепно одеты. Все были упитанными благодаря плодородию их земли. Услышав об этом соблазнительном месте, император — жадный

и неблагодарный — потребовал от народа Яо платить высокие налоги».

На наши лица и волосы начали падать первые снежинки. Снежный Цветок взяла меня под руку и высоким голосом пропела следующую часть истории. «Зачем нам платить? — удивлялись люди Яо». Ее голос дрожал от холода. «На верху горы, которая защищала их деревню от захватчиков, они построили каменную стену. Император послал троих сборщиков налогов в пещеру для переговоров. Те не вернулись. Император послал еще троих...»

Женщины у нашего костра подхватили: «Они не вернулись».

«Император послал следующих». Голос Снежного Цветка набирал силу. Я никогда не слышала, чтобы она так пела. Ее чистый и красивый голос летел над горами. Если мятежники и услышали бы ее, они бы убежали, опасаясь духа лисицы.

«Они не вернулись», — повторили мы припев.

«Император послал войско. Началась кровавая осада. Многие из людей Яо погибли — мужчины, женщины, дети. Что делать? Их предводитель взял рог буйвола и разделил его на двенадцать частей. Эти части он отдал разным группам своих людей и приказал им рассеяться по стране и жить».

«Рассеяться и жить», — повторили мы.

«Вот так народ Яо пришел в долины и горы, в эту провинцию и в другие», — закончила Снежный Цветок.

Цвет Сливы, самая младшая из нас, допела конец истории: «Говорят, через пятьсот лет люди Яо, где бы они ни находились, снова пройдут сквозь пещеры, сложат все части рога и восстановят наш зачарованный дом. Это время скоро придет».

Прошло много лет с тех пор, как я слышала эту историю, и я не знала, что мне думать. Люди Яо верили, что они в безопасности, пока их охраняет гора, их каменная стена и тайная пещера, но это было не так. Теперь же я думала о том, кто придет в нашу впадину первым и что случится потом. Тайпины могут попытаться завоевать нас, а армия Хунаня может принять нас за мятежников. Неужели мы проиграли битву, как наши предки? Сможем ли мы вернуться в наши дома? Я думала о тайпинах, которые — как и народ Яо — восстали против высоких налогов и гнета землевладельцев. Были ли они правы? Надо

ли нам присоединиться к ним? Не оскверняем ли мы наших предков своим неуважением?

В эту ночь никто из нас не спал.

Зима

Четыре семьи из Цзиньтяня оставались под защитой большого дерева, раскинувшего свои широкие ветви, но наши мучения не закончились ни через два дня, ни через неделю. Мы страдали от самого сильного снегопада, какой только помнили в нашей провинции. Мы каменели от холода. Наше дыхание превращалось в клубы пара, которые поглощал горный воздух. Мы все время хотели есть. Каждая семья старалась сберечь продукты, ведь мы не знали, как долго придется оставаться в горах. Люди кашляли, чихали, мучились от простуды. Мужчины, женщины и дети продолжали умирать от всех этих напастей и неизменного холода ночей.

Мои ноги — как у большинства женщин в горах, — были жестоко изранены во время побега. Мы не могли уединиться, поэтому были вынуждены разбинтовывать, мыть и снова бинтовать ноги на глазах у мужчин. Нам приходилось преодолевать свою стыдливость, когда необходимо было совершать другие наши естественные надобности, и привыкать делать это в общем отхожем месте, для которого за одним из деревьев вырыли специальную яму. Но в отличие от других женщин, находившихся здесь, я была одна, без моей семьи. Я отчаянно тосковала по своему старшему сыну и по остальным детям. Я постоянно беспокоилась о муже, о его братьях, своих невестках, их детях, даже о слугах, и о том, сумели ли они добраться до Юнмина, где было безопасно.

Прошел месяц, прежде чем мои ноги зажили настолько, что не кровоточили при ходьбе. В начале двенадцатого лунного месяца я решила, что буду ходить каждый день и искать своих братьев с их семьями и Старшую Сестру с ее семьей. Я надеялась, что они спаслись, но как я могла найти их среди десяти тысяч людей, рассеявшихся по горам? Каждый день я куталась в одеяло и осторожно продвигалась вперед, понимая, что погибну, если не смогу найти обратного пути к семье Снежного Цветка.

Однажды, возможно это случилось недели через две после начала моих поисков, я подошла к кучке людей из деревни Гэтань, сидевших под каменистым выступом. Я спросила, не знают ли они Старшую Сестру.

«Да, да, мы знаем», — прошептала одна из женщин.

«Мы расстались с ней в первую ночь, — сказала ее подруга. — Скажите ей, если найдете, чтобы она пришла к нам. Мы можем приютить еще одну семью».

Однако еще одна женщина, которая, казалось, была среди них главной, предупредила, что они могут принять семью только из Гэтаня.

«Я понимаю, — сказала я. — Но если вы увидите ее, скажите, что я ищу ее. Я ее сестра».

«Ее сестра? Та, которую знают как Госпожу Лу?»

«Да», — осторожно ответила я. Если они думали, будто я могу что-то дать им, они ошибались.

«Сюда приходили мужчины и искали вас».

При этих словах я ощутила спазм в желудке. «Кто они? Мои братья?»

Женщины переглянулись, а потом смерили меня взглядом. Их предводительница заговорила снова: «Они не хотели говорить, кто они такие. Один из них был господином. Я бы сказала, что он хорошего сложения. Его одежда и туфли были хорошего качества. Волосы спереди падали ему на лоб».

Мой муж! Это должно быть он!

«Что он сказал? Где он сейчас? Как...»

«Мы не знаем, но если вы Госпожа Лу, то знайте, что вас разыскивает какой-то мужчина. Не беспокойтесь». Женщина погладила меня по руке. «Он сказал, что вернется».

Однако во время моих поисков я больше ни разу не слышала истории, подобной этой. Вскоре я пришла к заключению, что те женщины обманули меня, но когда я снова пришла туда, где наткнулась на них, то увидела совсем других людей. После этого я вернулась в наше убежище, не чувствуя ничего, кроме глубокого отчаяния. Считалось, что я была Госпожой Лу, но глядя на меня, никто бы этого не сказал. Мой костюм из шелка цвета лаванды с изящно вышитыми хризантемами стал грязным и изношенным, а туфли стали черными от крови и постоянного хождения по голой земле. Я только могла воображать, что солнце, ветер и холод сделали с моим лицом. С высоты своих теперешних восьмидесяти лет я с уверенностью могу сказать, что была тогда легкомысленной и глупой молодой женщиной,

раз могла думать о своем тщеславии, когда истинным злом были голод и холод.

Муж Снежного Цветка стал героем нашего маленького кружка. Благодаря своей нечистой профессии он делал многое, что было необходимо, при этом не жаловался и не ждал благодарности. Он был рожден под знаком петуха — красивый, разборчивый, агрессивный и, если нужно, беспощадный. Его натуре было свойственно считать землю местом для выживания: он умел охотиться, сдирать шкуры с животных, готовить дичь и высушивать шкуры, чтобы мы могли под ними согреться. Он мог носить тяжелые вязанки дров или таскать воду издалека. Он никогда не уставал. Здесь, в горах, он не был осквернителем — он был защитником и победителем. Снежный Цветок гордилась им как нашим вожаком, и я была — и остаюсь — навеки благодарна ему за то, что он помог нам выжить.

Увы! Но его мать-крыса! Она все время кралась за нами, прячась за наши спины. В этих жутких условиях она продолжала наушничать и жаловаться даже на самые незначительные вещи. Она всегда усаживалась ближе всех к огню. Она никогда не снимала одеяло, которое захватила в первую ночь, и при любой возможности брала себе еще одно, пока мы не требовали его обратно. Она прятала еду в рукава и запихивала ее себе в рот, думая, что мы не видим. Вы часто слышали, что крысы очень преданны семье. Мы видели это каждый день. Она постоянно подлизывалась к своему сыну и старалась управлять им, но ей не надо было надрываться. Он делал то, что было положено преданному сыну. Он слушался ее. Поэтому, когда старуха начинала ныть, что ей нужно больше еды, чем ее невестке, он кормил ее, а не жену. Поскольку я сама была преданной дочерью и не могла спорить с этим, мы со Снежным Цветком стали делить на двоих мою долю. А после того как мешок с рисом почти опустел, мать мясника заявила, что старшему сыну не надо давать ту еду, которую мясник раздобыл в горах.

«Незачем тратить ее на такого слабого мальчишку, — сказала она. — Когда он умрет, нам станет легче».

Я посмотрела на мальчика. Ему было одиннадцать лет, столько же, сколько моему старшему сыну. Он уставился на свою мать запавшими глазами, слишком жалкий и слабый, чтобы бороться за себя. Конечно, Снежному Цветку следовало сказать что-нибудь в его защиту. Помимо

всего прочего он был старшим сыном. Но моя половинка не любила этого ребенка, как ей полагалось его любить. Ее глаза даже в этот ужасный момент, когда он был приговорен к верной смерти, были устремлены не на него, а на ее второго сына. Каким бы жизнеспособным и сильным ни был второй мальчик, я не могла допустить, чтобы погиб первый сын. Это шло вразрез со всеми традициями. Как я смогу встретить его потом в загробном мире? Как старший сын он должен был получать пищи больше любого из нас, включая мясника. Тогда я начала делиться своей долей со Снежным Цветком и ее сыном. Когда мясник увидел это, он дал пощечину сыну, а потом жене.

«Это еда для Госпожи Лу».

Прежде чем кто-то из нас смог ответить, вмешалась его мать-крыса. «Сын, зачем вообще давать еду этой женщине? Она для нас посторонняя. Мы должны думать о своей крови: о тебе, твоём втором сыне и обо мне».

Конечно же, она не упомянула ни о первом сыне, ни о Весенней Луне, которым доставались лишь объедки и которые день ото дня становились все более слабыми.

Но на этот раз мясник не уступил ей.

«Госпожа Лу — наша гостья. Если я приведу ее обратно живой, то получу вознаграждение».

«Деньги?» — спросила его мать.

Типично крысиный вопрос. Эта женщина не могла скрыть свою жадность и страсть к стяжательству.

«И помимо денег есть кое-какие вещи, которые господин Лу может сделать для нас».

Глаза старухи превратились в щелочки, пока она раздумывала над его словами. Прежде чем она ответила, заговорила я: «Если вы хотите получить вознаграждение, тогда я должна получать больше еды. Иначе... — и тут я сделала капризную гримасу, которую подметила у одной из наложниц моего свекра, — иначе я скажу, что не нашла в вашей семье истинного гостеприимства, а только алчность, невнимательность и дурные манеры».

На какой страшный риск я пошла в тот день! Мясник тут же мог прогнать меня. Вместо этого, несмотря на постоянные жалобы его матери, я стала получать большую порцию еды, которую могла

разделить со Снежным Цветком, ее старшим сыном и Весенней Луной. О, какими мы были голодными! От нас остались одни кости — мы лежали целыми днями, еле дыша, стараясь сберечь последние силы. Недомогания, казавшиеся незначительными дома, здесь оказывались смертельными. Без пищи, горячего чая, не имея больше сил или трав, способных поддержать наши силы, никто не мог преодолеть эти несчастья. Как и большинство умирающих, немногие из нас сохраняли способность двигаться.

Старший сын Снежного Цветка искал моего общества, как только мог. Он был нелюбимым ребенком, но он не был таким глупым, каким его считали в семье. Я думала о том дне, когда мы со Снежным Цветком ходили в Храм Гупо молиться о сыновьях, и о том, как нам хотелось, чтобы они имели тонкий и изысканный вкус. Я видела, что в мальчике дремлют хорошие способности, хотя он не получил официального образования. Я не могла помочь ему обучиться мужскому письму, но я могла повторить ему то, что подслушивала, когда Дядя Лу занимался с моим сыном. «Пять вещей, которые китайцы уважают больше всего, — это Небо, Земля, император, родители и учителя».

Когда я пересказала ему все уроки, которые помнила, я поведала ему назидательную историю, которую слышала от женщин в нашей провинции, о втором сыне, ставшем мандарином и вернувшемся в свою семью. Но я изменила ее в соответствии с жизненными условиями бедного мальчика.

«Первый сын бежит к реке, — начала я. — Он еще зеленый и неопытный, как молодой бамбук. Он живет со своей мамой, папой, младшим братом и младшей сестрой. Младший брат будет заниматься ремеслом своего отца. Младшая сестра выйдет замуж. Глаза Мамы и Папы никогда не отдыхают на их старшем сыне. Когда они видят его, они бьют его по голове, пока она не распухнет, как арбуз».

Мальчик подвинулся ближе ко мне, отвел глаза от костра и стал смотреть мне в лицо, пока я продолжала рассказ.

«Однажды мальчик идет к тому месту, где его отец хранит свои деньги. Он берет несколько монет и кладет их к себе в карман. Потом он идет туда, где мать хранит продукты. Он кладет в свою сумку столько, сколько может. Потом, даже не попрощавшись, он уходит из дому и идет через поля. Он переплывает реку и идет дальше». Я

подумала о каком-нибудь отдаленном месте. «Он идет пешком до Гуйлиня. Ты думаешь, это путешествие в горы было тяжелым? Ты думаешь жить на улице зимой тяжело? Это все ничего. У старшего брата в дороге не было ни друзей, ни благодетелей, у него была только рубашка на теле. Когда у него кончились деньги и продукты, он стал просить милостыню».

Мальчик покраснел, не от жара костра, а от стыда. Он, должно быть, слышал, что родителям его матери пришлось делать то же самое.

«Некоторые говорят, что это позорно, — продолжала я, — но если это единственный способ выжить, тогда для этого требуется большое мужество».

Мать мясника, сидевшая по другую сторону костра, проворчала: «Ты рассказываешь историю неправильно».

Я не стала обращать внимания на ее слова. Я знала продолжение истории, но мне хотелось дать мальчику хоть за что-то уцепиться.

«Мальчик слонялся по улицам Гуйлиня и искал людей, одетых, как мандарины. Он слушал, как они разговаривают, и старался подражать им. Он садился около чайных и пытался заговорить с теми, кто входил туда. Но только тогда, когда его речь стала правильной и изящной, один человек обратил на него свое внимание».

Здесь я прервала свой рассказ. «Мальчик, на свете есть добрые люди. Ты можешь не верить этому, но мне они встречались. Ты всегда должен смотреть вокруг и искать того, кто может стать твоим благодетелем».

«Как ты?» — спросил он.

Его бабка фыркнула. Я опять не обратила на нее внимания.

«Этот человек взял мальчика к себе в слуги, — продолжала я. — Пока мальчик был у него в услужении, хозяин научил его всему, что знал сам. Потом он нанял ему учителя. Через много лет этот мальчик, ставший уже взрослым мужчиной, сдал императорский экзамен и стал мандарином — пока что самого низкого ранга», — добавила я, полагая, что такое возможно даже для сына Снежного Цветка.

«Мандарин вернулся в свою родную деревню. Собака, охранявшая его родной дом, пролаяла три раза в знак того, что она узнала его. Из дома вышли Мама и Папа. Они не узнали своего сына. Из дома вышел второй брат. Он не узнал брата. Сестра? Она вышла замуж. Когда он сказал им, кто он такой, они сделали *коуту* и очень

скоро начали просить у него всяких милостей. «Нам нужен новый колодец», — сказал его отец. — Ты можешь нанять кого-нибудь, чтобы вырыть его?» «У меня нет шелка, — сказала его мать. — Ты можешь купить мне его?» «Я заботился о родителях много лет, — сказал его младший брат. — Ты не заплатишь мне за все это время?» Мандарин вспомнил, как они плохо обращались с ним. Он сел в свой паланкин и вернулся в Гуйлинь, где женился. У него было много сыновей и дочерей, и он прожил очень счастливую жизнь».

«Ва-а-а! Ты рассказываешь такие истории и разрушаешь жизнь мальчишке, у которого она уже разрушена?» Старуха сплюнула в костер и уставилась на меня. «Ты подаешь ему надежду, когда ее нет! Зачем ты это делаешь?»

Я знала, что ответить ей, но не стала ничего говорить этой старой крысе. Мы находились в необычных обстоятельствах, я это понимала, но вдали от своей семьи мне нужен был кто-то, чтобы о нем позаботиться. В своем воображении я уже видела моего мужа благодетелем этого мальчика. Почему нет? Если Снежный Цветок помогала мне, когда мы были девочками, разве теперь моя семья не может изменить судьбу ее сына?

* * *

Вскоре животные на холмах вокруг нас стали попадаться реже. Огромное количество людей напугало их и прогнало с насиженных мест. Многие беженцы не могли перенести жестокой зимы и умирали. Наши мужчины — все крестьяне — слабели с каждым днем. Они взяли с собой только то, что были способны донести. Когда запасы истощились, их семьи стали голодать.

Многие мужья просили своих жен спуститься вниз за помощью. Как вы знаете, в нашем уезде женщинам во время войны нельзя было причинять вред, поэтому их часто отправляли на поиски пищи, воды и других необходимых вещей, когда случались перевороты. Оскорбление, нанесенное женщине, всегда приводило к усилению вражды, но ни тайпины, ни солдаты армии Хунаня не были уроженцами наших мест. Откуда они могли знать обычаи народа Яо? И кроме того, как мы, женщины, ослабевшие от голода, не способные к

долгой ходьбе на наших перебинтованных ногах, могли спуститься зимой с горы и достать провизию?

Поэтому вниз отправилась небольшая группа мужчин. Они осторожно спустились с горы в надежде найти все необходимое в покинутых нами деревнях. Обрато вернулись лишь несколько человек. Они рассказали, что видели, как их товарищи были обезглавлены, а головы выставлены на шестах. Вдовы убитых мужчин, которые не могли этого пережить, совершали самоубийства. Они кидались вниз со скалы, на которую взобрались с таким трудом, глотали горящие угли из вечернего костра, перерезали себе горло или медленно умирали от голода.

Другие пошли иным путем и обесчестили себя, соединив свои жизни с другими мужчинами. Казалось, здесь, в горах, некоторые женщины забыли правила, касающиеся вдовства. Пусть мы бедные, пусть мы молодые, пусть у нас есть дети, — лучше умереть, сохранив верность своим мужьям и свою добродетель, чем опозорить память о них.

Оставшись без своих детей, я внимательно наблюдала за детьми Снежного Цветка и через них я лучше узнала ее. Отчаянно тоскуя по своим детям, я постоянно сравнивала ее детей со своими. В нашем доме наш старший сын всегда занимал причитающееся ему по праву место, и перед ним открывалось блестящее будущее. В семье Снежного Цветка ее старший сын занимал более низкое положение, чем она сама. Его никто не любил. Он казался брошенным на произвол судьбы. А мне он больше всех напоминал мою *лаотун*. Он был нежным и деликатным. Может быть, именно поэтому она с такой жестокостью отворачивалась от него.

Мой второй сын был хорошим и умным мальчиком, но он не обладал любознательностью моего первого сына. Мне казалось, что он проживет всю свою жизнь вместе с нами, женится, произведет на свет детей и будет работать для своего старшего брата. Второй сын Снежного Цветка, наоборот, был светочем ее семьи. Он обладал телосложением своего отца, был приземистым и коренастым, с сильными руками и ногами. Этот мальчик ничего не боялся, никогда не дрожал от холода, не плакал от голода. Он следовал за своим отцом, словно тень, и даже ходил с ним на охоту. Должно быть, он чем-то помогал отцу, иначе тот не брал бы его с собой. Когда они

возвращались с добычей, он садился рядом с отцом на корточки и смотрел, как тот разделяет мясо. Это его сходство с отцом многое поведало мне о Снежном Цветке. Ее муж мог быть грубым, вонючим, и он был во всех отношениях ниже моей *лаотун*, но ее любовь к этому мальчику говорила о том, что она любит и своего мужа.

В личике и манерах Весенней Луны было все то, чего не было у моей дочери. У моей Нефрит были грубоватые черты, присущие моей семье, поэтому я и была сурова с ней. Поскольку от продажи соли у нас остались деньги, и мы могли подготовить ей хорошее приданое, она могла бы очень удачно выйти замуж. Я считала, что Нефрит могла бы стать исключительной женой, если бы получила такой же шанс в жизни, который выпал мне.

Дети Снежного Цветка заставляли меня тосковать по моей семье.

Я была одинока и напугана, но мое одиночество и мой страх уменьшались, когда Снежный Цветок приходила ко мне по ночам. Но как мне рассказать обо всем этом? Даже здесь, даже в этих условиях, в окружении множества людей, мясник хотел заниматься постельными делами. В холоде, на открытом воздухе, неподалеку от костра они занимались этим под своим одеялом. Все остальные отводили от них глаза, но мы не могли заткнуть уши. К счастью, мясник был молчалив в эти моменты, только иногда рычал, но я несколько раз слышала стоны наслаждения не от мясника, а от моей *лаотун*. Я не могла попятить этого. После постельных дел Снежный Цветок приходила ко мне и обнимала меня, как она это делала, когда мы были девочками. Я чувствовала запах мужчины, исходящий от нее, но была благодарна ей за тепло. Без тепла ее тела я стала бы еще одной женщиной, замерзшей насмерть ночью.

Естественно, Снежный Цветок снова забеременела, хотя я-то надеялась, что от холода, тяжелой жизни и голода, у нее просто прекратились месячные, так же как у меня. Она не хотела слышать об этом.

«Я же была беременна раньше, — говорила она. — Мне известны признаки».

«Тогда я желаю тебе еще одного сына».

«На этот раз, — сказала она, и ее глаза заблестели от счастья и уверенности, — он у меня будет».

«Действительно, сыновья — это всегда благословение богов. Ты должна гордиться своим старшим сыном».

«Да, — ответила она тихо, а потом добавила: — Я видела и наблюдала вас вдвоем. Он тебе нравится? Ты не хотела бы, чтобы он был твоим зятем?»

Мне нравился ее сын, но это предложение даже не подлежало обсуждению.

«Между нашими семьями не может быть брачных союзов», — сказала я. Своим высоким положением я была во многом обязана Снежному Цветку. Я бы хотела сделать то же самое для Весенней Луны, но я никогда бы не позволила своей дочери опуститься так низко. «Истинно сердечный союз между нашими дочерьми гораздо важнее, ты согласна?»

«Конечно, ты права, — ответила Снежный Цветок, не догадываясь, я полагаю, о моих истинных чувствах. — Когда мы вернемся домой, мы встретимся с Тетушкой Ван, как и намеревались. Как только ноги наших девочек примут новую форму, они отправятся в Храм Гупо, чтобы подписать свой договор. Они купят веер, чтобы записывать на нем события своей жизни, и будут есть таро».

«Мы с тобой тоже должны встретиться в Шэся. Если будем осторожны, сможем понаблюдать за ними».

«Ты хочешь шпионить за ними?» — недоверчиво спросила Снежный Цветок. Я улыбнулась, и она рассмеялась. «Я всегда думала, что я грешница, но посмотрите-ка, кто теперь строит козни?»

Несмотря на все лишения последних месяцев, наши планы относительно наших дочерей давали нам надежду, и мы старались каждый день вспоминать что-нибудь хорошее из нашей жизни. Мы отметили пятый день рождения младшего сына Снежного Цветка. Он был забавным малышом, и нам интересно было наблюдать за ним и его отцом, когда они были вместе. Они вели себя, как два поросенка, — везде совали свой нос, разыскивали себе еду, толкали друг друга своими сильными телами, оба были перемазаны грязью и сажей и наслаждались обществом друг друга. Старший сын любил быть в обществе женщин. Благодаря моему интересу к нему, Снежный Цветок стала тоже уделять ему внимание. Он с готовностью улыбался ей в ответ. Глядя на выражение его лица, я будто видела лицо его матери в этом возрасте — милое, наивное, смышленное. Снежный Цветок

смотрела на него, но не с материнской любовью, а словно бы ей нравилось, что она увидела в нем больше, чем надеялась увидеть.

Однажды, когда я обучала его одной песне, она сказала: «Ему не следует учить женские песни. Мы ведь учили стихи, когда были девочками».

«Благодаря твоей матери...»

«И я уверена, что ты выучила еще больше в доме твоего мужа».

«Да, правда».

Мы обе разволновались, перебирая названия песен, которые мы знали.

Снежный Цветок взяла сына за руку. «Давай научим его, чему можем, чтобы он был образованным человеком».

Я понимала, что эти слова не слишком нас обязывают, поскольку мы обе были невежественными, но мальчик был похож на сухой гриб, опущенный в кипящую воду. Он впитывал все, что мы давали ему. Вскоре он мог читать поэму времен династии Тан, которую мы со Снежным Цветком так любили в детстве, и целые отрывки из классической книги для мальчиков, которые я запомнила, когда помогала своему сыну учить уроки. Впервые я увидела выражение истинной гордости на лице Снежного Цветка. Остальные члены ее семьи не разделяли этой гордости, но теперь она не съеживалась и не уступала их требованиям прекратить наши занятия. Она вспомнила ту маленькую девочку, которая отдергивала занавески в паланкине, чтобы мы могли выглянуть наружу.

Эти дни — холодные, наполненные страхом и тяжелыми испытаниями, — были чудесными в том смысле, что Снежный Цветок была счастливой, такой, какой я не видела ее много лет. Беременная, недоедающая, она, казалось, светила изнутри, будто ее зажгли от масляной лампы. Она радовалась компании трех названных сестер из Цзиньтяня и тому, что она больше не сидела взаперти со своей свекровью. Рядом с этими женщинами Снежный Цветок пела песни, которые я давным-давно не слышала. Здесь, на воле, вне стен темного и мрачного маленького дома, ее дух лошади вырвался на свободу.

А потом, одной морозной ночью, после того, как мы пробыли в горах уже десять недель, второй сын Снежного Цветка заснул, свернувшись калачиком у костра, и больше не проснулся. Я не знаю, что убило его — болезнь, голод, холод, — но утром мы увидели, что

мороз сковал его тело, и его личико посинело. Холмы отозвались гулким эхом на плач и причитания Снежного Цветка, но мясник переживал смерть сына еще сильнее. Он держал мальчика на руках, слезы текли по его щекам, их влага оставляла следы на многодневной грязи, вьедшейся в его лицо. Он был неутешен. Он не выпускал мальчика из рук. Он не склонял своего слуха ни к жене, ни даже к матери. Он зарылся лицом в тело своего сына, стараясь не слышать их мольбы. Даже когда крестьяне из нашего кружка уселись вокруг него, заслонив его от наших взглядов и утешая тихим шепотом, он не уступил. Время от времени он поднимал лицо к небесам и кричал: «Как я мог потерять моего драгоценного сына?» Этот вопрос мясника с разбитым сердцем появился потом во многих историях и песнях *нушу*. Я смотрела на лица женщин, сидевших у нашего костра, и видела на них невысказанный вопрос: может ли мужчина — вот этот мясник — чувствовать то же отчаяние и горе, какое чувствуем мы, женщины, когда теряем ребенка?

Он сидел так два дня, пока мы пели похоронные песни. На третий день он поднялся, прижал сына к груди и бросился прочь от костра, в лес, куда они с сыном ходили столько раз. Он вернулся через два дня без тела мальчика. Когда Снежный Цветок спросила, где похоронен ее сын, мясник повернулся к ней и ударил ее с такой яростью, что она отлетела метра на два и с глухим стуком упала на утоптаный снег.

Он продолжал избивать ее так сильно, что у нее случился выкидыш, и на ледяных склонах нашей стоянки появились пятна от страшного потока черной крови. У нее был небольшой срок, поэтому мы не нашли плод, но мясник был убежден, что избавил мир еще от одной девочки. «Нет ничего более злого, чем женское сердце», — повторял он снова и снова, как будто никто из нас не слышал этой поговорки раньше. Мы только продолжали оказывать помощь Снежному Цветку — снимали с нее штаны, растапливали снег, чтобы постирать их, смывали кровь с ее бедер, выдирали набивку из ее одеяла, чтобы остановить отвратительный, вонючий поток крови, который продолжал струиться у нее между ногами, — и не поднимали глаз на мясника, не отвечали ему.

Оглядываясь назад, я поражаюсь тому, каким чудом Снежный Цветок пережила последние две недели в горах, снося постоянные побои. Ее тело ослабло от потери крови после выкидыша. Она была

вся в синяках от ежедневных избиений, которые муж обрушивал на нее. Почему я не остановила его? Я была Госпожой Лу. До этого я заставляла его делать то, что мне было нужно. Почему я не могла сейчас? Потому что я была Госпожой Лу, я не могла этого сделать. Он был физически сильным человеком и не стеснялся показывать свою силу.

Я была женщиной, которая, несмотря на мое высокое положение, была одинокой. Я была бессильна. Он понимал это так же хорошо, как и я.

Во время самого глубокого несчастья моей *лаотун* я поняла, как мне не хватает моего мужа. Для меня вся жизнь с ним означала выполнение долга и исполнение предназначенных нам ролей. Я сожалела обо всех случаях, когда не была такой женой, какую он заслуживал. Я поклялась себе, что если спущусь с горы, то стану женщиной, которая на самом деле заслуживает звания Госпожи Лу, а не буду актером в пышном действе. Я жаждала этого, но прежде чем это произошло, я проявила большую жестокость и беспощадность, чем муж Снежного Цветка.

Женщины под нашим деревом продолжали заботиться о Снежном Цветке. Мы промывали ее раны кипяченой талой водой, чтобы избежать заражения, и перевязывали тряпками, жертвуя на них собственную одежду. Женщины хотели сварить ей суп из костного мозга животных, которых ловил мясник. Я напомнила им, что она вегетарианка, и тогда мы стали по очереди ходить в лес по двое и искать кору деревьев, травы и корни. Мы готовили горький отвар и кормили ее с ложки. Мы пели ей песни в утешение.

Но ни наши слова, ни наше сочувствие не облегчали ей душу. Она совсем не спала. Она сидела и раскачивалась из стороны в сторону в отчаянии, на которое невозможно было смотреть. Ни у кого из нас не было чистой одежды, но мы старались выглядеть аккуратными. Снежному Цветку это было безразлично. Она перестала умывать лицо комочком снега и чистить зубы подолом рубашки. Ее волосы свисали неприбранными, напоминая мне о ночи, когда заболела моя свекровь. Моя *лаотун* становилась все больше и больше похожей на Третью Невестку в ту же самую ночь — такой же отсутствующий взгляд, словно она улетала, улетала, улетала от нас.

Каждый день в одно и то же время Снежный Цветок отрывалась от костра и уходила в снежные холмы. Она двигалась, словно во сне, потерянная, равнодушная ко всему. Каждый день я шла с ней, непрошенная, поддерживая ее за руку. Мы обе семеняли по обледеневшим камням на наших лилейных ногах, брели крутой тропинкой к краю скалы, где она плакала и причитала вволю, и звук ее рыданий уносил сильный северный ветер.

Я всякий раз приходила в ужас, вспоминая наш жуткий побег на гору и страшные вскрики женщин, падающих в бездну. Снежный Цветок не разделяла моего страха. Она сгибалась над краем скалы и смотрела, как горный ветер уносит снежинки. Я вспоминала все те случаи, когда Снежный Цветок говорила о полете. Как легко ей было сделать один шаг и упасть со скалы. Но я никогда не оставляла ее одну и никогда не отпускала ее руки.

Я пыталась говорить с ней о вещах, которые могли бы привязать ее к жизни. Я могла сказать что-нибудь вроде: «Ты сама хочешь поговорить с Мадам Ван о наших дочерях, или лучше я поговорю?» Не дождавшись ответа, я попробовала еще раз. «Мы с тобой живем так близко друг от друга. Зачем нам ждать, пока наши дочери станут двумя половинками? Вы обе можете приехать ко мне и остаться подольше. Мы можем перебинтовать им ноги обеим сразу. Тогда они будут вспоминать об этих днях вместе». Или: «Посмотри на этот подснежник. Скоро придет весна, и мы уйдем отсюда». Целых десять дней я слышала от нее только односложные ответы.

Затем, на одиннадцатый день, свернув к краю скалы, она, наконец, заговорила: «Я потеряла пятерых детей, и каждый раз муж обвинял меня в этом. Он всегда изливает свое разочарование и крушение надежд при помощи кулаков. Когда этому оружию надо найти применение, он направляет его против меня. Я думала, что он злится оттого, что у меня были девочки. Но теперь, когда мой сын... Интересно, испытывает ли мой муж сейчас одно только горе?» Она помолчала и склонила голову, как бы стараясь определить, так ли это. «В любом случае где-то он должен найти применение своим кулакам», — в отчаянии заключила она.

Эти слова означали, что избиения начались сразу после ее переезда в дом мясника. Хотя поведение ее мужа было обычным для нашего уезда, меня неприятно поразило то, что она так долго и так

старательно скрывала это от меня. Я думала, что она никогда больше не будет лгать мне, что у нее не будет от меня секретов, но огорчило меня не это. Я чувствовала себя виноватой в том, что так долго не обращала внимания на явные признаки несчастной жизни моей *лаотун*.

«Снежный Цветок...»

«Нет, послушай. Ты думаешь, что мой муж носит зло в сердце, но он не злой человек».

«Он обращается с тобой бесчеловечно...»

«Лилия, — напомнила она, — он мой муж».

Затем она углубилась в мрачные тайники своих мыслей. Помолчав, она заговорила снова: «Я давно хотела покончить с собой, но всегда рядом кто-то есть».

«Не говори таких вещей».

Она не обратила внимания на мои слова.

«Ты часто думаешь о судьбе? Я думаю о ней почти каждый день. Что, если бы моя мать не вышла замуж за моего отца? Что, если бы мой отец не пристрастился к опиуму? Что, если бы мои родители не выдали меня замуж за мясника? Что, если бы я родилась мальчиком? Смогла бы я спасти свою семью? О, Лилия, мне так стыдно перед тобой...»

«Я никогда...»

«С тех пор, как ты вошла в мой родной дом, я чувствую твою жалость ко мне. — Снежный Цветок покачала головой, чтобы помешать мне заговорить. — Не отрицай этого. Просто послушай меня». Она чуть помедлила, прежде чем продолжить. «Ты видишь меня и ты думаешь о том, как низко я пала, но то, что случилось с моей матерью, еще хуже. В детстве я видела ее плачущей день и ночь от горя. Я уверена, она хотела умереть, но не могла оставить меня. Потом, когда я перешла жить к мужу, она не могла оставить моего отца».

Я видела, к чему она ведет, поэтому я произнесла: «Твоя мать никогда не позволяла себе озлобиться. Она не сдавалась...»

«Она пошла бродяжничать с моим отцом. Я никогда не узнаю, что произошло с ними, но я уверена, что она не позволила себе умереть раньше него. Это было двенадцать лет назад. Я так часто думала о том, могла ли я помочь ей? Могла ли она прийти ко мне? Я отвечу так. Я

мечтала, что выйду замуж и обрету счастье вдали от слабости моего отца и слабости моей матери. Я не знала, что стану попрошайкой в доме мужа. Затем я научилась заставлять мужа приносить домой еду для меня. Понимаешь, Лилия, есть вещи, которые нам не говорят о мужчинах. Мы можем сделать их счастливыми, если доставим им удовольствие. И ты знаешь, для нас это тоже удовольствие, если мы захотим».

Она говорила, словно одна из тех старух, которые всегда стараются настраивать девушек, прежде чем те выйдут замуж.

«Тебе не надо лгать мне. Я — твоя *лаотун*. Ты можешь говорить мне правду».

Она на секунду оторвала взгляд от облаков и посмотрела на меня так, будто не узнавала меня. «Лилия, — ее голос звучал печально и сочувственно, — у тебя есть все, и все же у тебя нет ничего».

Ее слова задела меня, но я не могла думать о них, когда она делала свое признание. «Мы с моим мужем не придерживаемся правил, касающихся осквернения жены после родов. Мы оба хотели, чтобы у нас было больше сыновей».

«Сыновья — это ценность женщины...»

«Но ты же видела, что получилось. Я рожала слишком много девочек».

На это неоспоримое замечание у меня был практичный ответ.

«Им не суждено было жить, — сказала я. — Будь благодарна, потому что с ними было что-то не так. Мы, женщины, можем только постараться снова...»

«Ах, Лилия, когда ты так говоришь, у меня в голове становится пусто. Я слышу только шум ветра в деревьях. Ты чувствуешь, как почва уходит у меня из-под ног? Тебе надо вернуться обратно. Дай мне уйти к моей матери...»

Много лет прошло с тех пор, как Снежный Цветок потеряла свою первую дочь. Тогда я была не в состоянии понять ее горе. Но к настоящему моменту я испытала много горя в жизни и смотрю на вещи совсем по-иному. Если для вдовы абсолютно приемлемо изуродовать себя или совершить самоубийство, чтобы спасти свое лицо перед семьей мужа, то почему бы матери не прибегнуть к крайним действиям при потере одного ребенка или нескольких детей? Мы заботимся о них. Мы любим их. Мы нянчим их, когда они болеют.

Если это сыновья, то мы направляем их первые шаги в мир мужчин. Если это дочери, мы бинтуем им ноги, обучаем их нашему тайному письму и учим быть хорошим и женами, невестками и матерями, чтобы они смогли ужиться со своими новыми семьями в своих новых верхних комнатах. Но ни одной женщине не следует пережить своих детей. Это противно законам природы. А если это случается, почему бы ей не захотеть спрыгнуть со скалы, повеситься на дереве или проглотить щелок?

«Каждый день я прихожу все к тому же заключению, — заметила Снежный Цветок, заглядывая в темную долину внизу. — Но потом я вспоминаю твою тетю. Лилия, подумай только, как она страдала и как мало мы думали о ее страданиях».

Я ответила вполне искренне: «Она была глубоко ранена, но, я думаю, мы служили ей утешением».

«Ты помнишь, какой милой была Прекрасная Луна? Помнишь, как пришла твоя тетя и стояла над ее телом? Мы все хотели пощадить ее чувства, поэтому закрыли лицо Прекрасной Луне. Твоя тетя так больше и не увидела свою дочь. Почему мы были так жестоки?»

Я могла сказать, что лицо Прекрасной Луны было бы слишком ужасным воспоминанием для ее матери. Вместо этого я произнесла: «Мы навестим Тетю при первой же возможности. Она будет рада видеть нас».

«Тебя — возможно, — ответила Снежный Цветок, — но не меня. Я слишком напоминаю ей самое себя. Но знай: воспоминание о ней помогает мне пережить каждый из моих дней». Она вытянула шею, окинула последним взглядом туманные холмы и произнесла: «Думаю, нам надо возвращаться. Я вижу, ты замерзла. И кроме того, я хочу, чтобы ты мне помогла кое-что написать». Она вытащила из-под своей рубашки наш веер. «Я взяла его с собой. Я боялась, что мятежники сожгут мой дом, и он погибнет». Снежный Цветок посмотрела мне прямо в глаза. Сейчас она вся ушла в воспоминания. Затем вздохнула и покачала головой. «Я сказала, что не буду лгать тебе. По правде говоря, я думала, что мы умрем здесь. Я хотела, чтобы он был с нами».

Снежный Цветок потянула меня за руку. «Отойди от края, Лилия. Мне страшно видеть тебя там».

Мы вернулись к нашей стоянке. Там мы изготовили самодельные чернила и кисточку. Мы вытащили два полуобгоревших полена из

костра и дали им остыть. Затем потеряли обуглившиеся места камнем и старательно собрали облетевшую сажу. Мы смешали эту сажу с водой, в которой сварили коренья. Наши чернила не были такими темными, как настоящие, но все равно годились. Потом мы расплели край одной из корзин, вытащили оттуда бамбуковую плетку и заострили ее, как могли. Это и была наша кисточка. Мы со Снежным Цветком по очереди записали нашим тайным языком бегство на гору, потерю ею маленького сына и неродившегося ребенка, холодные ночи и благословение нашей дружбы. Когда мы закончили, Снежный Цветок осторожно закрыла веер и спрятала его под рубашкой.

В этот вечер мясник не бил мою *лаотун*. Вместо этого он пожелал заняться с ней постельными делами. После этого она пришла ко мне, скользнула под одеяло, свернулась рядом со мной и положила руку мне на щеку. Она так устала от многих бессонных ночей, что я очень скоро почувствовала, как ее тело обмякло. Прежде чем уснуть, она прошептала: «Он любит меня, как умеет. Теперь все будет лучше, ты увидишь. У него в душе свершилась перемена». А я подумала: «Да, до тех пор, пока в следующий раз он не изольет свое горе или свой гнев на любящее существо рядом со мной».

На следующий день мы получили известие, что можем без опаски вернуться в свои деревни. После трех месяцев, проведенных в горах, я могла бы сказать, что мы в последний раз смотрели в лицо смерти. Оказалось, что нет. Нам пришлось пройти мимо всех тех, кто остался на дороге во время нашего побега. Мы видели трупы мужчин, женщин, детей, младенцев — все они гнили под воздействием природных стихий, становились пиршеством диких животных, разлагались. Белые кости блестели на солнце. Многих можно было узнать по одежде, и мы часто слышали, как люди кричали и плакали, узнавая своих родственников или испытывая угрызения совести.

Многие из нас настолько ослабели, что их конец был неизбежен теперь, когда мы были почти дома. В большинстве случаев это были женщины, которые умирали во время спуска с горы. Из-за наших лилейных ног мы были неустойчивы. Нас утягивало в пропасть, которая была теперь справа. При дневном свете мы не только слышали вскрики, но и видели, как женщины размахивали руками в тщетной надежде уцепиться за воздух. Еще вчера я беспокоилась из-за

Снежного Цветка, но сейчас ее взгляд был сосредоточенным, и она осторожно продвигалась вперед.

Мясник нес свою мать на спине. Один раз Снежный Цветок оступилась при виде матери, заворачивавшей сгнившие останки своего ребенка в кусок материи, чтобы отнести их домой и похоронить, как полагается. Увидев это, мясник остановился, ссадил свою мать и взял Снежный Цветок за локоть. «Пожалуйста, пойдем дальше, — попросил он тихо. — Мы скоро будем у нашей тележки. Остальную часть пути в Цзиньтянь ты поедешь на ней». Поняв, что она не в силах отвести взгляд от матери и ее ребенка, он добавил: «Весной я вернусь сюда и принесу его косточки домой. Я обещаю, мы похороним его рядом с домом».

Снежный Цветок расправила плечи и заставила себя обойти мать с ее крошечным свертком.

Ручной тележки не оказалось на том месте, где мы ее бросили. Она и многие другие вещи, брошенные три месяца назад, были захвачены либо мятежниками, либо воинами армии Хунаня. Но как только местность стала более ровной, мы все устремились к нашим домам, забыв о боли, крови и голоде, терзавших наши тела. Насколько я могла судить, Цзиньтянь был невредим. Я помогла матери мясника войти в дом и вышла на улицу снова. Мне хотелось попасть к себе домой. Я прошла столько, что знала — я могу пройти последние несколько *ли* до Тункоу, но мясник побежал сказать моему мужу, что я вернулась и что он может прийти и забрать меня.

Как только он отправился в путь, Снежный Цветок схватила меня за руку. «Пошли, — сказала она. — У нас мало времени». Она втощила меня в дом, хотя я не могла оторвать глаз от мясника, бежавшего по дороге в мою деревню. Когда мы поднялись наверх, она сказала: «Когда-то ты проявила ко мне великую доброту и помогла мне сшить мое приданое. Теперь я хочу вернуть тебе малую часть моего долга». Она открыла сундук и вынула оттуда темно-синий жакет с бледно-голубой вставкой из шелка, на которой был выткан узор из облаков. Эту шелковую вставку я помнила на жакете, в который Снежный Цветок была одета в первый день нашей встречи. Она дала мне жакет. «Ты окажешь мне честь, если наденешь его для встречи со своим мужем».

Я видела, как ужасно выглядит Снежный Цветок, но не подумала, в каком виде я предстану пред своим мужем. Я носила свой шелковый жакет цвета лаванды с вышивкой из хризантем целых три месяца. Не только мой жакет стал грязным и изношенным. Когда мы вскипятили воду, чтобы помыться, я взглянула на себя в зеркало и увидела на своем лице следы трехмесячного пребывания на высокой горе среди грязи и снега, под беспощадным солнцем.

У меня хватило времени помыть только те места, которые муж мог увидеть или запах которых почувствовать первым делом, — руки, лицо, подмышки, шею и между ног. Снежный Цветок, как могла, прибрала мои волосы, заколов грязную тусклую массу в пучок и обернув его чистой косынкой. Только она помогла мне надеть штаны из ее приданого, как мы слышали стук копыт пони и скрип колес. Она быстро застегнула на мне рубашку. Мы с ней стояли лицом к лицу. Она положила свою ладонь на квадратик из небесно-голубого шелка у меня на груди.

«Ты выглядишь красивой», — сказала она.

Я видела перед собой ту, кого любила больше всех остальных людей. И все же меня беспокоили ее слова, которые она произнесла перед тем, как спуститься с гор, слова о том, что я жалею ее за ее жизненные обстоятельства. Я не хотела уйти от нее, не объяснившись.

«Я никогда не думала, — я пыталась найти более тактичное выражение, но сдалась, — что ты ниже меня».

Она улыбнулась. Мое сердце билось под ее рукой. «Ты говоришь правду».

Прежде чем я смогла сказать что-то еще, раздался голос моего мужа: «Лилия! Лилия! Лилия!»

Услышав его голос, я побежала — да, побежала — вниз и на улицу. Когда я увидела его, я упала на колени и прижалась лицом к его ногам, мне было стыдно того, как я выгляжу и как от меня пахнет. Он поднял меня и заключил в свои объятия.

«Лилия, Лилия, Лилия...» Мое имя звучало приглушенно, когда он целовал меня снова и снова, забыв о том, что люди смотрят на нас.

«Далан...» Никогда прежде я не называла его по имени.

Он взял меня за плечи и отодвинул немного, чтобы увидеть мое лицо. Слезы блестели в его глазах. Затем он опять крепко прижал меня к себе.

«Мне нужно было вывезти всех из Тункоу, — объяснил он. — Потом я должен был присмотреть за детьми в дороге...»

Эти его поступки, значение которых я поняла позже, превратили моего мужа из сына хорошего и щедрого надзирателя в уважаемого надзирателя, который был в праве действовать так, как считает нужным.

Он дрожал всем телом, когда добавил: «Я искал тебя много раз».

Так часто мы в своих женских песнях говорили: «У меня нет чувств к моему мужу» или «У моего мужа нет чувств ко мне». Это популярные строчки из песен, которые повторяются хором, но в тот день я испытала глубокие чувства к своему мужу, а он — ко мне.

Мои последние минуты в Цзиньтяне прошли как в тумане. Мой муж дал мяснику хорошие деньги в качестве вознаграждения. Мы со Снежным Цветком обнялись. Она предложила мне взять наш веер домой, но я хотела, чтобы он остался, потому что у нее было горе, а меня ждала радость. Я попрощалась с сыном Снежного Цветка и пообещала прислать ему тетради, чтобы он мог учиться мужскому письму. Наконец, я наклонилась к дочери Снежного Цветка. «Мы очень скоро увидимся», — сказала я. Потом я села на повозку, и мой муж стегнул пони вожжами. Я оглянулась и помахала рукой Снежному Цветку, а потом повернулась в сторону Тункоу — к моему дому, моей семье, моей жизни.

Песнь Оскорбления

По всему уезду люди занимались восстановлением прежней жизни. Те из нас, кто выжил, перенесли слишком много испытаний — сначала во время эпидемии, а потом во время мятежа. Мы были истощены — физически и морально, — но благодарили судьбу за то, что остались живы. Мы постепенно набирали вес. Мужчины уходили на работу в поля, сыновья возвращались в главные комнаты для обучения, а женщины и девушки — в свои верхние комнаты, чтобы вышивать и ткать. Все постепенно выздоравливали, воодушевленные своей удачей.

В прошлом мне иногда хотелось знать, что происходит во внешнем мире мужчин. Теперь я поклялась, что никогда больше не буду пытаться вступить в него. Мне было предназначено провести жизнь в верхней комнате. Я была рада увидеть своих невесток и надеялась провести с ними много долгих дней, занимаясь шитьем и вышиванием, проводя время за чаепитием и пением, рассказывая истории. Но самые сильные чувства я испытала, когда увидела своих детей. В их глазах — как и в моих — три месяца были вечностью. Они выросли и изменились. Пока я отсутствовала, моему старшему сыну исполнилось двенадцать лет. Во время общего хаоса он находился в безопасном месте под защитой императорских войск. Там он усердно учился. Он усвоил высший урок: все чиновники — не важно, где они живут и на каком диалекте говорят, — читают одни и те же тексты и сдают одни и те же экзамены, для того чтобы верность, честность и единство поддерживались во всем государстве. Даже вдали от столицы, в уездах, таких, как наш, местные чиновники, все обученные на один манер, помогали людям понять взаимоотношения между ними и императором. Если мой сын встанет на этот путь, однажды он, конечно же, начнет готовиться к экзаменам.

В этом году мы со Снежным Цветком виделись чаще, чем в предыдущие годы. Наши мужья не мешали нам, хотя мятеж еще бушевал в других частях страны. После всего случившегося мой муж считал, что в доме мясника я в полной безопасности, а мясник поощрял визиты своей жены в мой дом, так как знал, что она вернется обратно с подарками — едой, книгами и деньгами. В домах друг у

друга мы со Снежным Цветком спали в одной постели, а наши мужья переходили на это время в другие комнаты. Мясник не осмеливался возражать, следуя примеру моего мужа. Да и как они могли прекратить все это — наши визиты, наши ночи, проведенные вместе. Наши признания, сделанные шепотом? Мы не боялись ни солнца, ни дождя, ни снега. *Повинуйся, повинуйся, повинуйся, а потом делай, что хочешь.*

Снежный Цветок и я продолжали встречаться в Пувэе во время праздников, как и всегда. Для нее было полезно повидаться с Тетей и Дядей, которые своей добротой и сердечностью заслужили любовь и уважение всей семьи. Тетю любили как бабушку всех ее «внуков». Дядя занимал теперь более высокое положение, чем до смерти моего отца. Старший Брат нуждался в советах Дяди в поле и при составлении счетов, а Дядя имел честь давать ему советы. Тетя и Дядя под конец жизни обрели счастье, которого не ожидали.

В этот раз, когда мы со Снежным Цветком посетили Храм Гупо, благодарности, которые мы возносили, были глубокими и шли от самого сердца. Мы совершили жертвоприношения, делая *коуту* в благодарность за то, что мы выжили. Затем, взявшись за руки, мы пошли к продавцу таро. Сидя у него, мы говорили о будущем наших дочерей и обсуждали способы бинтования, при помощи которых можно было непременно добиться совершенных «золотых лилий». Вернувшись домой, мы занялись приготовлением бинтов, покупкой смягчающих трав, вышиванием крошечных туфель алтаря богини Гуаньинь, изготовлением клейких рисовых шариков для жертвоприношений Девушке с Крошечными Ногами и кормили своих дочерей клецками из красных бобов, чтобы размягчить их косточки. Каждая из нас переговорила с Мадам Ван о союзе между нашими дочерьми. Когда мы со Снежным Цветком встретились снова, мы стали сравнивать наши беседы, потешаясь над тем, что напудренное лицо и лукавые речи Мадам Ван несколько не изменились.

Даже сейчас, вспоминая эти месяцы весны и начала лета, я вижу, как безоглядно счастлива я была. У меня была моя семья, и у меня была моя *лаотун*. Как я уже говорила, я выздоравливала. А Снежный Цветок — нет. Она не набрала вес, который потеряла, пока мы были в горах. Она только поклевывала еду — несколько зернышек риса, пару кусочков овощей, — предпочитая пить чай. Ее кожа снова стала белой,

но щеки так и не округлились. Когда она приехала в Тункоу, я предложила ей навестить ее старых подруг, но она вежливо отказалась, сказав: «Они не захотят видеть меня» или «Они не помнят меня». Я приставала к ней до тех пор, пока она не согласилась пойти вместе со мной на церемонию Сидения и Пения к девушке Лу здесь, в Тункоу, которая приходилась Снежному Цветку четвероюродной сестрой и жила в доме рядом с моим.

После полудня мы со Снежным Цветком сидели в верхней комнате, я вышивала, а она смотрела сквозь решетку окна, и мысли ее витали далеко. Она будто бы наконец спрыгнула со скалы в тот наш последний день в горах и продолжала находиться в беззвучном падении. Я видела ее печаль, но отказывалась принимать ее. Мой муж несколько раз предупреждал меня. «Ты сильная, — сказал он однажды вечером, когда Снежный Цветок уехала в Цзиньтянь. — Ты вернулась с гор, и заставляешь меня каждый день гордиться тем, как ты ведешь дом и подаешь хороший пример всем женщинам в нашей деревне. Но ты — не сердись на меня, пожалуйста, — ты становишься слепой, когда видишь свою половинку. Она не во всех отношениях твоя половинка. Может быть, то, что произошло прошлой зимой, было для нее чересчур тяжелым испытанием. Я не знаю ее достаточно хорошо, но ты-то видишь, что она делает хорошую мину при плохой игре. Тебе потребовалось много лет, чтобы понять это, но не каждый мужчина похож на твоего мужа».

Его признание привело меня в глубокое замешательство. Более того, я была возмущена тем, что он осмелился вмешаться во внутренний мир женщин. Но я не спорила с ним, потому что это было бы неправильно. Все же в глубине души я считала его неправым, а себя правой. Поэтому в следующий приезд Снежного Цветка я стала присматриваться к ней более пристально. Я слушала ее, слушала по-настоящему. Для Снежного Цветка жизнь становилась все хуже. Ее свекровь урезала ее порцию еды и давала ей только одну треть того, что требовалось для поддержания жизни.

«Я ем только рисовую кашу, — сказала она, — но мне это безразлично. Я теперь не бываю особенно голодной».

Что было еще хуже, мясник продолжал избивать ее.

«Ты сказала, что он больше не будет этого делать», — протестовала я, не желая видеть того, что так ясно видел мой муж.

«Если он набрасывается на меня, что я могу поделаться?» — Снежный Цветок сидела напротив меня с вышиванием на коленях, выглядевшим таким же мягким и сморщенным, как поверхность творога тофу.

«Почему ты не говорила мне об этом?»

Она ответила вопросом на вопрос: «Зачем беспокоить тебя тем, что ты не в силах изменить?»

«Мы можем изменить свою судьбу, если очень постараемся, — сказала я. — Я изменила свою судьбу. Ты тоже сможешь».

Она смотрела на меня, а я — на синяки у нее под глазами.

«Как часто это случается? — спросила я, стараясь говорить спокойно. Однако я была расстроена тем, что ее муж все еще использует кулаки. Меня рассердило то, что Снежный Цветок пассивно принимала его избиения, и задело то, что она опять не доверилась мне.

«Горы изменили его. Они всех нас изменили. Разве ты не видишь этого?»

«Как часто?» — давила я на нее.

«Я обманываю его ожидания во многих отношениях...»

Другими словами, это случалось намного чаще, чем она хотела признать.

«Я хочу, чтобы ты переехала ко мне и жила со мной», — сказала я.

«Побег — самое худшее из того, что может сделать женщина, — ответила она. — Ты это знаешь».

Я знала. Со стороны женщины это было оскорблением и каралось смертью от руки мужа.

«Кроме того, — продолжала Снежный Цветок, — я никогда не покину моих детей. Мой старший сын нуждается в защите».

«В защите твоим телом?» — спросила я. Что она могла ответить?

Сейчас я оглядываюсь назад и с высоты своих восьмидесяти лет ясно вижу, что не проявила нужного терпения в связи с упадком духа моей *лаотун*. В прошлом, когда я не знала, как мне реагировать на ее несчастья, я всегда уговаривала ее следовать правилам и традициям нашего женского внутреннего мира, чтобы противостоять всему плохому, что происходило в ее жизни. На этот раз я пошла еще дальше, предложив ей целый план, как обуздать своего мужа-петуха, полагая, что женщина, рожденная под знаком лошади, может использовать

свою норовистость, чтобы изменить положение вещей. Имея на руках никчемную дочь и нелюбимого старшего сына, ей следовало забеременеть снова. Ей нужно было больше молиться, есть подходящую пищу и попросить травника дать ей тонизирующие средства — все для того, чтобы гарантировать рождение сына. Если она даст своему мужу то, что он хочет, он будет ее ценить. Но это было еще не все...

К тому времени, когда начался праздник Призрака — в пятнадцатый день седьмого лунного месяца, — я допекла Снежный Цветок множеством вопросов, из которых она должна была понять, как ей следует исправить положение. *Почему* она не ублажает своего мужа так, как, я знаю, она может это сделать? *Почему* она не щиплет щеки, чтобы они порозовели? *Почему* она не ест побольше, чтобы у нее была энергия? *Почему* она не может сию же минуту отправиться домой и сделать *коуту* своей свекрови, приготовить ей еду, шить для нее, сделать все, чтобы старуха пораздовалась? *Почему* она не старается исправить свое положение? Я думала, что даю ей практические советы, но ведь сама я не знала ее страхов и забот. И все же я была Госпожой Лу и думала, что права.

Итак, когда я закончила говорить о том, что Снежный Цветок могла бы предпринять у себя дома, я принялась расспрашивать ее, как она чувствует себя в Тункоу. Рада ли она быть вместе со мной? Нравится ли ей шелковая одежда, которую я ей дала? Отдала ли она подарки, которые семья Лу послала ее мужу с бесконечной благодарностью, передала ли она их с должным почтением, так чтобы он остался доволен ею? Оценила ли она то, что я наняла учителя для мальчиков из Цзиньтяня, ровесников ее сына, чтобы он учил их читать и писать. Понимает ли она то, что союз *лаотун* между нашими дочерьми сможет изменить судьбу Весенней Луны?

Если она по-настоящему любит меня, то почему не делает того, что сделала я, почему не оградила себя стеной обычаев и условностей, которые защищают женщину, улучшают ее положение? В ответ на все эти вопросы Снежный Цветок только вздыхала или кивала головой. От этого я становилась еще более нетерпеливой. Я наседала на нее со своими расспросами и резонами, и она сдавалась, пообещав следовать моим советам. Но она этого не делала, и в следующий раз мое разочарование становилось еще острее. Я не понимала, что дух той

храброй лошадки, которой Снежный Цветок была в детстве, сломлен. Я упрямо верила в то, что могу вылечить хромую лошадь.

* * *

Моя жизнь изменилась навсегда в пятнадцатый день восьмого лунного месяца шестого года правления императора Сяньфэна. Настал праздник Середины Осени. До начала бинтования ног наших дочерей оставалось несколько дней. В этом году Снежный Цветок со своими детьми должна была приехать ко мне на праздники. Но не они переступили мой порог. Явилась Лотос, одна из женщин, с которыми мы жили под деревом в горах. Я пригласила ее выпить чаю со мной в верхней комнате.

«Благодарю вас, — сказала она, — но я приехала в Тункоу навестить свою родную семью».

«Родные любят, когда замужние дочери приезжают к ним на праздники, — ответила я с привычной вежливостью. — Я уверена, что они будут очень рады видеть вас».

«А я — их, — сказала она, запуская руку в корзинку с лунными пирожками, висевшую у нее на руке. — Наша подруга попросила меня передать вам одну вещь». Она вытащила длинный тонкий предмет, завернутый в кусок бледно-зеленого шелка, который я подарила Снежному Цветку. Лотос отдала мне сверток, пожелала счастья, засемила по улице и повернула за угол.

По форме предмета я поняла, что держала в руках, но не могла догадаться, почему Снежный Цветок не приехала, а лишь прислала мне наш веер. Я отнесла сверток наверх и дождалась, когда мои невестки отправятся раздавать лунные пирожки нашим друзьям в деревне.

Я отправила свою дочь вместе с ними, сказав, что ей следует насладиться этими последними днями на свободе. Когда все ушли, я села на стул около зарешеченного окна. Сквозь резную решетку проникал слабый свет, так что тени от веток и листьев сложились на моем рабочем столике в красивый узор. Я долго смотрела на сверток. Откуда я знала, что надо бояться открывать его? Наконец, я откинула один край шелковой ткани, потом другой, пока не развернула ее

целиком. Я взяла веер в руки. Затем я начала медленно раскрывать его, складку за складкой. На складке рядом с той, где были иероглифы, написанные чернилами из углей накануне того дня, когда мы спустились с гор, я увидела новую колонку иероглифов.

«У меня чересчур много бед», — писала Снежный Цветок. Ее иероглифы всегда были изящнее моих, ее линии были такими тонкими, что на концах становились почти невидимыми. — «Я не могу быть такой, какой ты хочешь. Ты больше не услышишь моих жалоб. Три названные сестры пообещали любить меня такой, какая я есть. Напиши мне, не для того, чтобы утешить меня, как ты всегда меня утешаешь, но просто для того, чтобы вспомнить наше девичье время». И больше ничего.

Будто меч вонзился в мое тело. Сердце мое подпрыгнуло, а потом превратилось в тяжелый комок. *Любить!* Она на самом деле писала о любви к трем названным сестрам на *нашем* заветном веере? Озадаченная и сбита с толку, я заново перечитала эти строки. «Три названные сестры пообещали *любить* меня». Но ведь мы со Снежным Цветком были *лаотун*, а это означало, что наш союз был достаточно крепким для того, чтобы преодолеть большие расстояния и долгую разлуку. Предполагалось, что наш союз является более важным, чем замужество. Мы дали слово быть верными и преданными друг другу, пока смерть не разлучит нас. То, что при этом она предлагала нам оставаться подругами, буквально лишало меня возможности дышать. По мне то, что она написала, было в десять тысяч раз хуже, чем если бы вошел мой муж и сказал, что он взял себе первую наложницу. И это не означало, что я не могла взять себе названных сестер. Моя свекровь много раз настаивала на этом, но я изворачивалась, как могла, чтобы сохранить нашу дружбу со Снежным Цветком на всю жизнь. А теперь она отодвинула меня в сторону? Казалось, что Снежный Цветок — женщина, к которой я питала глубокую любовь, которую ценила и которой посвятила себя, — не относилась ко мне так же.

Как только я подумала, что достигла предела отчаяния, я вдруг поняла, что зри названные сестры, о которых она писала — это, должно быть, те три женщины из ее деревни, с которыми мы познакомились в горах. Мысленно я перебрала события прошедшей зимы. Может быть, они задумали отнять ее у меня еще в ту первую ночь в горах своим пением? Не увлеклась ли она ими, как муж новой наложницей, которая

моложе, красивее и милее верной жены? Может быть постели этих женщин были теплее, их тела — крепче, а истории — интереснее? Может быть, глядя на их лица, она не видела на них ни чаяний, ни упований?

Боль, которую я испытывала, не могла сравниться ни с чем из того, что мне приходилось переживать раньше. Она была глубокой, жгучей, мучительной, намного хуже, чем при родах. Потом во мне что-то изменилось. Я начала реагировать не как маленькая девочка, которая была влюблена в Снежный Цветок, а как Госпожа Лу, женщина, которая считала, что соблюдение правил и условностей обеспечивает душевный покой. Мне было проще обвинить Снежный Цветок во всех ее проступках, чем вынести ту бурю чувств, которая поднялась во мне.

Из любви к Снежному Цветку я всегда делала ей поблажки в наших отношениях. Но когда я сосредоточила свое внимание на всех ее слабостях, передо мной начал вырисовываться образ, полный обмана, лжи и предательства. Я думала обо всех случаях, когда Снежный Цветок лгала мне, — о ее семье, ее замужней жизни, даже о ее избиениях. Она не только не была верной *лаотун*, она даже не была хорошим другом. Друг должен быть честным и откровенным. Мало того, на меня нахлынули воспоминания о недавних днях. Снежный Цветок пользовалась моими деньгами и преимуществами моего положения для того, чтобы получить одежду и еду получше, чтобы улучшить положение своей дочери, но при этом не обращала внимание на мои советы и предложения. Я чувствовала себя обманутой и чрезвычайно глупой.

А потом произошла странная вещь. Мне на ум пришло воспоминание о моей матери. В детстве мне хотелось, чтобы она любила меня. Мне казалось, если я во время моего бинтования выполню все ее требования, то заслужу ее любовь. И я верила в то, что завоевала ее, но она вовсе не любила меня. Как и Снежный Цветок, она преследовала только свои эгоистические цели. Моей первой реакцией на ложь моей матери и недостаток внимания ко мне был гнев. Я так и не простила ее, только постепенно все больше отдалялась, пока у нее не осталось никакой эмоциональной власти надо мной. Для того чтобы не дать своему сердцу разорваться, мне нужно было проделать то же самое и со Снежным Цветком. Я не могла

позволить кому-то узнать, что умираю оттого, что она больше не любит меня. Я должна скрывать свой гнев и свое горе, потому что в этом случае эти чувства были неприличны для порядочной женщины.

Я свернула веер и отложила его в сторону. Снежный Цветок просила меня ответить ей. Я не стала отвечать. Прошла неделя. Я не начала бинтовать ноги своей дочери в тот день, о котором мы договаривались. Прошла еще одна неделя. Лотос снова пришла и передала письмо, которое Юнган принесла мне наверх. Я развернула лист бумаги и посмотрела на иероглифы. Всю жизнь вид линий, сделанных ее рукой, ласкал мне взор. Теперь они показались мне кинжалами.

Почему ты не пишешь? Ты забыла, или удача снова постучалась в твою дверь? Я начала бинтовать ноги своей дочери в двадцать четвертый день, когда бинтовали ноги нам. Начала ли ты бинтовать в тот же день? Я смотрю из своего зарешеченного окна на твое. Мое сердце летит к тебе и поет о счастье наших дочерей.

Я прочитала письмо, потом сунула его уголок в огонь масляной лампы. Я наблюдала за тем, как края листа сворачивались, а иероглифы превращались в дым. В последующие дни стало холоднее, и я приступила к бинтованию ног своей дочери. Пришло еще несколько писем. Я также сожгла их.

Мне было тридцать три года. Если повезет, я могла бы прожить еще семь лет, а если повезет больше, то семнадцать. Но такую боль в сердце я не могла вынести ни одной минуты, не говоря уже о целом годе или о нескольких годах. Моя мука была велика, но я призвала на помощь ту самую дисциплину которая помогала мне держаться во время бинтования моих ног, эпидемии и зимы в горах. Я приступила к тому, что назвала Изгнанием Болезни из Моего Сердца.

Как только какое-либо воспоминание приходило мне в голову, я мысленно замазывала его черными чернилами. Если я видела что-то, тревожившее мою память, я закрывала глаза или отворачивалась. Если воспоминания приходили в виде запаха, я прятала нос в лепестках цветка, кидала больше чеснока в кастрюлю или вызывала в памяти

запах голода в горах. Если воспоминание было вызвано прикосновением — если дочь касалась моей руки, если дыхание мужа щекотало мне ухо по ночам, если легкий ветерок пробежал по моей груди, когда я мылась, — я терла и терла это место или била по нему, чтобы уничтожить это воспоминание.

Я была безжалостна, как крестьянин, который после сбора урожая выдергивает последние колоски. Я старалась выдернуть их все, оставить голую землю, так как это был единственный способ защитить мое раненое сердце.

Воспоминания о Снежном Цветке продолжали терзать меня, поэтому я соорудила цветочную башню, похожую на ту, которую мы построили, чтобы успокоить дух Прекрасной Луны. Мне нужно было изгнать этот призрак, помешать ей снова терзать мою душу или мучить меня разбитыми обещаниями сердечной любви. Я освободила мои корзины, сундуки, комоды, полки от подарков Снежного Цветка, которые она делала мне на протяжении многих лет. Я отыскивала все ее письма. Мне было очень тяжело найти все. Я не могла найти наш веер. Я не могла найти... скажу только, что я не могла найти многих вещей. Но все, что я нашла, я положила в башню или приклеила к ней. Затем я написала письмо:

Ты, кто когда-то знала мою душу, теперь не знаешь обо мне ничего. Я сжигаю все твои слова и надеюсь, что они исчезнут в облаках. Ты, кто предала и покинула меня, ушла из моего сердца навеки. Пожалуйста, пожалуйста, оставь меня одну.

Я сложила листок и просунула его в крошечное зарешеченное окно верхней комнаты в цветочной башне. Затем я подожгла свое сооружение, подливая масло в огонь по мере надобности, чтобы сгорели все носовые платки, тканые послания и вышивки.

Но память о Снежном Цветке настойчиво преследовала меня. Когда я бинтовала ноги своей дочери, она словно бы присутствовала в комнате, вместе со мной, положив руку мне на плечо, шепча мне на ухо: «Проверь, петли складок в бинтах. Покажи дочери свою материнскую любовь». Я пела, чтобы заглушить ее слова. Иногда по ночам я чувствовала, будто ее рука лежит на моей щеке, и не могла

уснуть. Я лежала без сна, злясь на себя и на нее, и думала: я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, я ненавижу тебя. Ты нарушила свое обещание быть правдивой. Ты предала меня.

Два человека особенно страдали от моего дурного расположения духа. Первой, и мне стыдно признаться в этом, была моя дочь. Второй, и я об этом сожалею, была старая Мадам Ван. Моя любовь к дочери была очень сильна, и вы представить себе не можете, как я была осторожна, когда бинтовала ноги своей Нефрит. При этом я помнила не только то, что приключилось с Третьей Сестрой, но и все уроки своей свекрови, которые она вливала в меня по капле, о том, как нужно правильно бинтовать, чтобы свести к минимуму риск заражения, деформации и смерти. Но боль, которую я переживала из-за Снежного Цветка, я переносила из своего тела также на ноги своей дочери. Не были ли мои лилейные ноги источником всего, что я достигла и что потеряла?

Хотя кости моей дочери, как и ее характер, были податливыми, она жалобно плакала. Я не могла этого вынести, хотя мы только начали ее бинтование. Я собрала свои чувства в кулак и заставила дочь ходить взад-вперед по комнате. В те дни я заново перебинтовывала ей ноги, стягивала их еще туже и ругала — нет, я сердито кричала на нее, — выговаривая ей все то, что моя мать когда-то вколачивала в меня. «Достойная женщина никогда не допустит никакого уродства в своей жизни. Только через боль ты достигнешь красоты. Только через страдания ты достигнешь покоя. Я стягиваю твои ноги, я их бинтую, но ты получишь свою награду». Я надеялась, что, благодаря своим действиям, я смогу получить хоть малую награду и обрести покой, обещанный мне моей матерью.

Под предлогом того, что я хочу лучшего для своей дочери, я поговорила с другими женщинами из Тункоу, которые бинтовали ноги своим дочерям в это же время. «Мы все живем здесь, — сказала я. — У нас у всех хорошие семьи. Не следует ли нашим дочерям стать названными сестрами?»

Ноги моей Нефрит получились почти такими же маленькими, как мои. Но еще до того, как это стало известно, в пятом месяце нового лунного года меня навестила Мадам Ван. По мне, она совсем не изменилась за эти годы. Она всегда была пожилой женщиной, но на этот раз я смотрела на нее более критическим взглядом. Она тогда

была намного моложе, чем я сейчас, а это означает, что при нашей первой встрече ей было не более сорока лет. Но моя мать и мать Снежного Цветка умерли приблизительно в таком возрасте — чуть больше, чуть меньше, — и считались долгожительницами. Раздумывая над этим теперь, я полагаю, что Мадам Ван, оставшись вдовой, не захотела умереть или перейти в дом другого мужчины. Она выбрала жизнь и решила заботиться о себе сама. Она бы не преуспела в своем деле, если бы не была умна и не обладала деловой сметкой. По ей до сих пор приходилось сражаться со своим телом. Она показывала людям, что неуязвима, прикрывая пудрой остатки былой красоты и надевая чересчур яркое платье, чтобы отличаться от замужних женщин в нашем уезде. Теперь, лет в шестьдесят с лишним, ей не нужно было больше прятаться за слоем пудры и яркими шелками. Она была старухой — по-прежнему умной и деловой, — но слабое место я знала очень хорошо. Она любила свою племянницу.

«Госпожа Лу, мы давно с вами не виделись», — сказала она, плюхнувшись на стул в главной комнате. Я не предложила ей чаю, и она с беспокойством оглянулась по сторонам. «Ваш муж дома?»

«Господин Лу будет позже, но вы чересчур торопитесь. Моя дочь слишком молода для того, чтобы начинать разговор о ее сватовстве».

Мадам Ван хлопнула себя рукой по колену и захохотала. Увидев, что я не присоединилась к ее веселью, она перестала смеяться.

«Вы знаете, я здесь не для этого. Я пришла обсудить союз *лаотун*. Это исключительно женское дело».

Я начала медленно стучать ногтем указательного пальца по деревянной ручке моего кресла. Звук был громким и раздражающим даже для меня самой, но я не остановилась.

Она полезла к себе в рукав и достала оттуда веер. «Я принесла его для вашей дочери. Может быть, я могу отдать его ей?»

«Моя дочь наверху, но Господин Лу сочтет неприличным для нее видеть что-то, чего он еще не видел сам».

«Но госпожа Лу, — призналась Мадам Ван, — это написано на нашей женской тайнописи».

«Тогда дайте его мне». И я протянула руку. Старая сваха увидела, что моя рука дрожит, и заколебалась. «Снежный Цветок...»

«Нет!» Слово прозвучало резче, чем мне хотелось, но я не могла слышать это имя. Я успокоилась и произнесла: «Веер, пожалуйста».

Она неохотно отдала его мне. В моей голове целая армия кисточек замазывала черными чернилами мысли и воспоминания, которые всколыхнулись во мне. Я призвала на помощь твердость бронзы в храме предков, твердость зимнего льда и твердость костей, выбеленных беспощадным солнцем. Через секунду я раскрыла веер.

«Я знаю, что в твоём доме есть девочка с хорошим характером и обученная домоводству». Это были первые слова, написанные мне Снежным Цветком так много лет назад. Я подняла глаза и увидела, что Мадам Ван наблюдает за мной, но мое лицо оставалось таким же спокойным, как поверхность пруда в тихую ночь. *«Обе наши семьи сажают сады. Два цветка цветут. Они готовы встретиться. Ты и я одного возраста. Не будем ли мы двумя половинками? Вместе мы будем парить над облаками».*

Я слышала голос Снежного Цветка в каждом старательно выведенном иероглифе. Я щелкнула веером, закрывая его, и протянула веер Мадам Ван. Она не приняла его.

«Я думаю. Мадам Ван, здесь произошла ошибка. Восемь знаков у этих девочек не совпадают. Они родились в разные числа разных месяцев. Что еще важнее, размер их ног не совпадал до того, как их начали бинтовать, и не сомневаюсь, он не будет совпадать и потом. И — тут я лениво обвела комнату рукой, — наши семейные обстоятельства тоже не совпадают. Это общеизвестно».

Глаза Мадам Ван сузились. *«Вы думаете, я не знаю об этом?»* Она фыркнула. *«Позвольте мне сказать, что я знаю. Вы вынесли свой приговор без всяких объяснений. Женщина — ваша лаотун — плачет от недоумения...»*

«Недоумения? Вы знаете, что она сделала?»

«Поговорите с ней, — продолжала Мадам Ван. — Не разрушайте план, составленный двумя любящими матерями. Вместе у обеих девочек будет светлое будущее. Они могут быть счастливы, как их матери».

Я никак не могла согласиться на предложение свахи. Я ослабела от горя, и слишком часто в прошлом я позволяла Снежному Цветку поймать меня в ловушку — увлечь меня, повлиять на меня, убедить меня. Я также не могла подвергнуть себя риску увидеть Снежный Цветок с ее названными сестрами. Я и так достаточно истерзала себе

душу, представляя, как они шепотом рассказывают друг другу свои секреты, и их физическую близость.

«Мадам Ван, — сказала я, — я никогда не опущусь до того, чтобы позволить своей дочери заключить союз с отродьем мясника».

Я нарочно произнесла эти злые слова, надеясь, что сваха оставит этот разговор. Но она будто бы не слышала меня, потому что произнесла: «Я помню вас обеих вместе. Когда вы переходили мост, вы отражались в воде, — одинакового роста, с одинаковым размером ноги, одинаково смелые. Вы дали обет верности. Вы пообещали никогда не расставаться, быть всегда вместе...»

Я-то выполняла все эти обещания с открытым сердцем, а Снежный Цветок?

«Вы не понимаете, о чем вы говорите, — сказала я. — В тот день, когда мы с вашей племянницей подписали договор, вы сказали: «Никаких наложниц не допускается». Вы помните это? А теперь пойдите и спросите свою племянницу, что она сделала».

Я швырнула веер на колени свахи и отвернулась. Мое сердце было таким же холодным, как воды реки, которые когда-то набегали на мои ноги. Я чувствовала, что сваха смотрит на меня и что-то взвешивает про себя, чему-то удивляется, о чем-то спрашивает, но не хочет говорить. Потом я услышала, как она неловко поднялась с места. Она не сводила с меня своего взгляда, но я осталась непоколебима.

«Я передам ваши слова, — произнесла она наконец. В ее голосе была доброта и глубокое понимание, которые взволновали меня. — Но знайте вот что. Вы — редкая женщина. Я поняла это много лет назад. Все в нашем уезде завидуют вашей удаче. Все желают вам долгой жизни и процветания. Но я вижу, как вы разбиваете два сердца. Это так печально. Я помню вас маленькой девочкой. У вас не было *ничего*, кроме пары красивых ножек. А теперь у вас, Госпожа Лу, всего в изобилии — в изобилии злобы, неблагодарности и забывчивости».

Она поковыляла к двери. Я слышала, как она уселась в паланкин и приказала своим носильщикам нести ее в Цзиньтянь. Я не могла поверить, что позволила ей оставить за собой последнее слово.

* * *

Прошел год. Приближался день Сидения и Пения в Верхней комнате у четвероюродной сестры Снежного Цветка, которая жила в доме рядом со мной. В моей душе все еще было пусто, а в мозгу постоянно звучал один и тот же ритм — *та-дум, та-дум, та-дум*, — похожий на стук сердца или на женский распев. Мы со Снежным Цветком договаривались пойти на праздник вместе. Я не знала, собирается ли она прийти туда. Если так, то я надеялась избежать стычки. Я не хотела сражаться с ней, как сразилась со своей матерью.

Настал десятый день десятого месяца — самое подходящее время для начала подготовки девушки к брачной церемонии. Я подошла к соседней двери и поднялась в верхнюю комнату. Бледность невесты подчеркивала ее красоту. Вокруг нее сидели названные сестры. Я заметила Мадам Ван и рядом с ней — Снежный Цветок. Она выглядела чистенькой, ее волосы были зачесаны назад, как и полагалось замужней женщине, на ней был один из нарядов, которые я подарила ей.

Я почувствовала, как что-то сжалось в том чувствительном месте, где мои ребра сходятся над желудком. Казалось, будто вся кровь отхлынула от моей головы, и я подумала, что могу упасть в обморок. Я не знала, смогу ли выдержать в комнате вместе со Снежным Цветком и при этом сохранить свое достоинство. Я быстро оглядела остальных. Снежный Цветок не привела с собой ни Иву, ни Лотос, ни Цвет Сливы. Я выдохнула с облегчением. Если бы хоть одна из них была там, я бы ушла.

Я заняла место у противоположной стены. На празднике все было, как обычно: пение, жалобы, истории и шутки. Затем мать невесты попросила Снежный Цветок рассказать о своей жизни, начиная с тех пор, как она покинула Тункоу.

«Сегодня я спою Песнь Оскорбления», — заявила Снежный Цветок.

Это было совсем не то, что я ожидала. Как могла Снежный Цветок при всех выказать свою обиду на меня, когда обиженной стороной была я? Если уж на то пошло, это мне надо подготовить песню обвинения и возмездия.

«Фазан пронзительно кричит, и его крики разносятся далеко», — начала Снежный Цветок. Женщины, бывшие в комнате, повернулись к ней, услышав знакомый запев этого традиционного вида рассказа.

Снежный Цветок начала петь в том самом ритме *та-дум, та-дум, та-дум*, который уже много месяцев стучал у меня в голове. «Пять дней я жгла ладан и молилась, чтобы обрести мужество прийти сюда. Три дня я кипятила ароматную воду, чтобы отмыться самой, отмыть свою одежду и выглядеть прилично перед своими старыми друзьями. Я вложила в песню свою душу. Когда я была девочкой, меня ценили как дочь, но все здесь знают, как тяжела была моя жизнь. Я потеряла свой родной дом. Я потеряла свою родную семью, женщины в моей семье были несчастливы в двух поколениях. Мой муж недобр ко мне. Моя свекровь жестока. Я была беременна семь раз, но только трое из моих детей вдохнули воздух этого мира. Теперь остались в живых только сын и дочь. Кажется, будто я проклята судьбой. Должно быть, я совершила дурные поступки в прошлой жизни. Я значу меньше, чем все другие».

Названные сестры невесты заплакали от сочувствия, как им и полагалось. Их матери слушали, охая и ахая в самых жалостливых местах и качая головами в знак неизбежности женской судьбы. Они восхищались тем, как Снежный Цветок выражала словами свои страдания.

«У меня было одно счастье в моей жизни — моя *лаотун*», — продолжала Снежный Цветок. *Та-дум, та-дум, та-дум*. «В нашем договоре мы написали, что между нами никогда не будет сказано ни одного резкого слова, и двадцать семь лет так оно и было. Мы всегда говорили правду друг другу. Мы были, словно две длинные лозы, которые переплелись между собой навеки. Но когда я рассказывала ей о своих печалях, у нее не хватило терпения. Когда она увидела, как я слаба духом, она напомнила мне о том, что мужчины пашут, а женщины прядут, что прилежание и трудолюбие не приносят голода, она думала, что я могу изменить мою судьбу. Но как мир может существовать без бедных и несчастных?»

Я видела, что женщины плачут от жалости к ней. Я была просто ошеломлена.

«Почему ты отвернулась от меня? — запела Снежный Цветок высоким, красивым голосом. — Мы с тобой — *лаотун*, в своих душах мы вместе, даже если мы не можем быть вместе в повседневной жизни». Внезапно она сменила тему: «И зачем ты обидела мою дочь? Весенняя Луна слишком молода, чтобы понять причину, но ты все

равно не скажешь. Я не думаю, что у тебя злое сердце. Я прошу тебя вспомнить, что когда-то наша любовь друг к другу была глубокой, как море. Не заставляй страдать третье поколение женщин в нашей семье».

При этих последних ее словах атмосфера в комнате изменилась, все прониклось сочувствием к Снежному Цветку из-за моей мнимой несправедливости. Жизнь ее и жизнь ее дочери и без того была тяжела, а я делала ее еще тяжелее — тяжелее для тех, кто был слабее меня.

Я выпрямилась. Я была Госпожой Лу, женщиной, которая пользовалась самым большим уважением в уезде, и мне следовало быть выше всего этого. Но я запела в лад с тем ритмом, который стучал у меня в голове и в сердце столько месяцев.

«Фазан пронзительно кричит, и его крики разносятся далеко», — начала я, и в это время Песнь Оскорбления начала складываться у меня в уме. Мне все еще хотелось быть благоразумной, поэтому сначала я ответила на последнее и самое несправедливое обвинение Снежного Цветка. Я пела и смотрела на лица женщин, сидящих вокруг. «Наши дочери не могут стать *лаотун*. Они ни в чем не схожи. Ваша прежняя соседка хочет чего-то для своей дочери, но я не нарушу запрета. Сказав «нет», я сделала то, что сделала бы любая мать».

«Все женщины в этой комнате знают, что такое нужда. Нас, девочек, считают никчемными ветвями семейства. Мы можем любить наши семьи, но мы не остаемся в них надолго. Мы выходим замуж в деревни, которых мы не знаем, в семьи, которых мы не знаем, за мужчин, которых мы не знаем. Мы без конца трудимся, а если мы жалуемся, то теряем остатки уважения своих новых родственников. Мы рожаем детей, иногда они умирают, иногда умираем мы. Когда мы надоедаем нашим мужьям, они берут себе наложниц. Мы все знаем, что такое несчастье — неурожай, морозные зимы, засуха. Во всем этом нет ничего особенного, но эта женщина ищет особого внимания к своим горестям».

Я повернулась к Снежному Цветку. Когда я обращалась прямо к ней, слезы застилали мне глаза, и я сожалела о каждом сказанном мною слове. «Мы с тобой были, как пара уточек-мандаринок. Я всегда была верной тебе, но ты отринула меня ради названных сестер. Девочка посылает веер другой девочке и не пишет при этом на других веерах другим девочкам. У хорошей лошади не бывает двух седел; хорошая

женщина остается верной своей *лаотун*. Возможно, именно из-за твоего вероломства твой муж, твоя свекровь и твои дети, и, да, твоя преданная тобой половинка не любят тебя так, как могли бы любить. Ты позоришь нас всех своими девичьими капризами. Если бы мой муж пришел сегодня домой с наложницей, то меня изгнали бы с моего ложа, пренебрегли мною, перестали бы обращать на меня внимание. И я, как и все женщины, находящиеся здесь, приняла бы это. Но... от... тебя...»

У меня перехватило горло, и слезы, которые я до сих пор удерживала, покатались из глаз. На секунду мне показалось, что я не смогу продолжать. Я постаралась превозмочь свою боль и вернуться к тому, что могли бы понять все слушавшие меня женщины. «Мы можем ожидать, что наши мужья разлюбят нас, они имеют на это право, а мы всего лишь женщины. Но вынести подобное от другой женщины, которая из-за своего пола видит в жизни так много жестокости, просто невозможно».

Я продолжала говорить, я напомнила соседкам о моем положении, о моем муже, который привез соль в деревню, и о том, как он помог всем людям из Тункоу перебраться в безопасное место во время мятежа.

«Мой порог чист», — провозгласила я, а потом обратилась к Снежному Цветку: «А как насчет твоего?»

И в этот момент ничем не сдерживаемый поток гнева вырвался на поверхность, и никто в комнате не смог бы остановить меня. Слова, которые я произносила, шли из самых темных глубин моего существа, и у меня было такое ощущение, будто меня заживо резали ножом на куски. Я знала *все* о Снежном Цветке, и я использовала это против нее под видом сохранения своей благопристойности и пользуясь силой положения. Я унижала ее перед другими женщинами и обнажала каждую из ее слабостей. Я ничего не удержала в себе, потому что потеряла всякую власть над самой собой. Давнее непрошеное воспоминание возникло передо мною: я увидела, как моя младшая сестра молотит ногой воздух, а вокруг ее ноги развеваются бинты. С каждым бранным словом в адрес Снежного Цветка я чувствовала, что мои бинты становятся все свободнее и что я, наконец, могу высказать все, что думаю на самом деле. Прошло много лет, прежде чем я осознала, что мои ощущения в тот момент были совсем неверными.

Бинты не становились свободными и не летали по воздуху, ударяя мою *лаотун*. Они скорее оборачивались все теснее и теснее вокруг *меня*, стараясь выдавить из моего сердца самую глубокую любовь, о которой я мечтала всю жизнь.

«Эта женщина, бывшая ваша соседка, взяла с собой приданое, сделанное из приданого ее матери, поэтому, когда бедная женщина оказалась на улице, у нее не было ни одеяла, ни одежды, чтобы согреться, — провозгласила я. — Эта женщина, бывшая ваша соседка, не содержала свой дом в чистоте. Ее муж занимается нечистым ремеслом, он забивает свиней на помосте перед домом. Эта женщина обладает многими талантами, но растрчивает их понапрасну. Она отказывается учить других женщин в доме ее мужа нашему тайному языку. Эта женщина, бывшая ваша соседка, лгала о своей жизни, когда была девочкой в свои дочерние годы, лгала, когда была девушкой, в свои годы закалывания волос, и продолжает лгать, будучи женой и матерью, в свои годы риса-и-соли. Она лгала не только всем вам, но и своей *лаотун*».

Я помолчала и оглядела женщин, сидевших вокруг меня. «На что она тратит свое время? Я скажу, на что. На свою похоть! У животных периодически происходят течки, но у этой женщины постоянная течка. Ее случки заставляют умолкнуть всех домочадцев. Когда мы убежали в горы от мятежников — тут я наклонилась вперед, а остальные наклонились ко мне, — она занималась постельными делами со своим мужем, вместо того, чтобы быть со мной — со своей *лаотун*. Она говорит, что, должно быть, совершила плохие поступки в прошлой жизни, но я как Госпожа Лу говорю вам, что ее плохие поступки в *этой* жизни определили ее судьбу».

Снежный Цветок сидела напротив меня, слезы текли по ее лицу, но я была в таком отчаянии и смятении, что могла лишь излить свой гнев.

«Когда мы были девочками, мы подписали договор, — заключила я. — Ты дала мне обещание, которое нарушила».

Снежный Цветок глубоко вздохнула. Губы ее дрожали, когда она говорила: «Ты как-то попросила, чтобы я всегда говорила тебе правду, но когда я говорю тебе, ты все понимаешь неправильно или не хочешь слышать то, что я говорю. В своей деревне я нашла женщин,

которые не смотрят на меня сверху вниз. Они не критикуют меня. Они не ждут, что я стану тем, кем не являюсь».

Каждое ее слово подтверждало то, что я подозревала раньше.

«Они не унижают меня в присутствии других людей, — продолжала Снежный Цветок. — Я вышиваю вместе с ними, и мы утешаем друг друга, когда у кого-то из нас неприятности. Они не жалеют меня. Они приходят ко мне, когда мне плохо... Я одна, и мне одиноко. Мне нужны женщины, которые будут со мной каждый день, а не только когда им удобно, как это делала ты. Мне нужны женщины, которые выслушивают меня такую, какая я есть, а не такую, какой они помнят меня или хотят меня видеть. Я чувствую себя, как птица, которая летает в одиночестве. Я не могу найти себе друга...»

Ее тихие слова и мягкие извинения были именно тем, чего я боялась. Я закрыла глаза и постаралась отрешиться от всех своих чувств. Для того чтобы защитить себя, мне нужно было держаться за свою обиду, так, как это было у меня с моей матерью. Когда я открыла глаза, Снежный Цветок уже поднялась со своего места и тихонько семенила к лестнице. Увидев, что Мадам Ван не уходит вслед за ней, я внезапно ощутила прилив сочувствия к Снежному Цветку. Даже ее собственная тетка, единственная среди нас, кто живет своим умом, не стала ее утешать.

Пока Снежный Цветок шаг за шагом спускалась по лестнице, я пообещала себе никогда больше не видеть ее.

* * *

Вспоминая тот день, я понимаю, что как женщина я вела себя неправильно, что презрела все свои обязательства и свой долг. То, что сделала Снежный Цветок, было непростительно, но то, что наговорила я, было достойно презрения. Я позволила своему гневу, обиде и безудержному желанию отомстить, взять над собой верх. По странной иронии, все, о чем я потом сожалела и чего стыдилась, помогло завершить мой переход к становлению Госпожой Лу. Мои соседи видели мою храбрость во время отсутствия моего мужа. Они знали, как я ухаживала за своей свекровью во время эпидемии. Они видели, как я горевала на похоронах своих родственников со стороны мужа.

После зимы в горах они видели, как я посылаю учителей в отдаленные деревни, присутствую на праздничных церемониях почти в каждой семье в Тункоу и в основном веду себя так, как полагается жене надзирателя. Но в этот день я заработала истинное уважение как Госпожа Лу, совершив то, что должна делать каждая женщина в стране, но что редко выполняется. Женщина должна служить примером соблюдения приличий и правильного образа мыслей во внутреннем мире женщин. Если ей это удастся, то молва о ней будет передаваться из уст в уста, и ее пример заставит не только женщин и детей вести себя правильно, но и вдохновит наших мужчин на то, чтобы сделать внешний мир как можно более благоустроенным и безопасным. Тогда даже император сможет посмотреть со своего трона и повсюду увидеть мир и спокойствие. Я сделала это, обличив Снежный Цветок перед своими соседями как низкую и безнравственную женщину, недостойную быть среди нас. Я преуспела в этом ценой разбитой жизни моей *лаотун*.

Моя Песнь Оскорбления стала известной. Ей обучали девочек в качестве назидания, ее распевали во время месяца предсвадебной церемонии, чтобы оградить невест от жизненных ловушек. Таким образом, позор Снежного Цветка стал известен всему уезду. Меня же все это просто подкосило. Какой смысл быть Госпожой Лу, если в моей жизни нет любви?

Путь в облака

Прошло восемь лет. За это время император Сяньфэн умер, к власти пришел император Тунчжи^[19], а тайпинский мятеж закончился где-то в отдаленной провинции. Мой первый сын женился, его жена забеременела, переехала в наш дом и родила сына — первого из многих дорогих мне внуков. Мой сын сдал свой первый экзамен, чтобы стать *шен юань*, районным чиновником. Он тут же принялся учиться дальше, чтобы стать *сю цай*, чиновником провинции. У него оставалось мало времени для жены, но я думаю, она неплохо чувствовала себя в нашей верхней комнате. Она была хорошо образованной молодой женщиной, хорошей хозяйкой и очень мне нравилась. Моя дочь, которой исполнилось шестнадцать лет, переживала свои годы закалывания волос. Она была обручена с сыном торговца рисом в далеком Гуйлине. Я могла больше никогда не увидеть свою Нефрит, но этот союз в будущем мог укрепить наши связи с торговцами солью. Семейство Лу было состоятельным, уважаемым и удачливым. Мне было теперь сорок два года, и я приложила все свои силы, чтобы забыть Снежный Цветок.

Однажды поздней осенью на четвертый год правления императора Тунчжи Юнган поднялась к нам в верхнюю комнату и прошептала мне на ухо, что какая-то женщина хочет видеть меня. Я попросила ее проводить гостью наверх, но Юнган глазами указала мне на мою невестку и на мою дочь, которые вместе вышивали, и отрицательно покачала головой. Либо Юнган позволила себе дерзость, либо случилось что-то серьезное. Не сказав никому ни слова, я спустилась вниз. Как только я вошла в главную комнату, стоявшая там молодая девушка в поношенной одежде опустила на колени и коснулась лбом пола. Похожие на нее попрошайки часто приходили к моим дверям, так как все знали о моей щедрости.

«Госпожа Лу, только вы можете помочь мне, — умоляюще произнесла девушка, переместившись поближе ко мне, но не разгибая спины и упираясь лбом в мои «золотые лилии».

Я нагнулась к ней и дотронулась до ее плеча. «Дай мне твою миску, и я наполню ее».

«У меня нет нищенской миски, и мне не нужна еда».

«Тогда зачем же ты пришла?»

Девушка принялась плакать. Я попросила ее встать, но она не двинулась с места. Я снова погладила ее по плечу. Юнган стояла рядом и смотрела в пол.

«Встань!» — приказала я.

Девушка подняла голову и посмотрела на меня. Я не могла не узнать ее. Дочь Снежного Цветка выглядела точно так же, как ее мать в этом возрасте. Ее волосы выбивались из-под заколок и свисали прядями вдоль лица, такого же бледного и чистого, как весенняя луна, в честь которой она была названа.

Я с тоской вспомнила о том времени, когда она только должна была родиться. Сквозь туман долгих лет я смотрела на ее дочь, не зная, что мне следует сделать.

* * *

Девушка кивнула, и я взяла рукой холодную руку Снежного Цветка. Она пошевелилась, не открывая глаз, а затем облизала свои потрескавшиеся губы.

«Я чувствую...» Она потрясла головой, словно стараясь отогнать какую-то мысль.

Я тихо позвала ее по имени и нежно сжала ее пальцы.

Глаза моей *лаотун* приоткрылись, и она постаралась сосредоточить свой взгляд на мне, не веря в то, что она видела. «Я почувствовала твое прикосновение, — наконец пробормотала она. — Я знала, что это ты». Ее голос был слабым, но как только она заговорила, годы боли и тоски улетели прочь. За разрушительным воздействием болезни я увидела и услышала маленькую девочку, которая много лет тому назад предложила стать ее *лаотун*.

«Я слышала, ты звала меня, — солгала я. — И я пришла так быстро, как только смогла».

«Я ждала тебя».

Ее лицо исказилось от боли. Другой рукой она ухватила за живот и невольно поджала ноги. Дочь Снежного Цветка молча смочила тряпку в воде, отжала и дала ее мне. Я взяла ее и вытерла пот со лба Снежного Цветка, выступивший во время спазма.

Превозмогая боль, она заговорила:

«Прости меня за все, но ты должна знать, что я никогда не колебалась в своей любви к тебе».

Не успела я выслушать ее признания, как последовал новый спазм, сильнее прежнего. От боли она снова закрыла глаза. Я снова смочила тряпку и положила ей на лоб. Затем я опять взяла ее за руку и была рядом с ней, пока солнце не село. К этому времени остальные женщины ушли, а Весенняя Луна сошла вниз, чтобы приготовить обед. Оставшись наедине со Снежным Цветком, я откинула ее одеяло. Болезнь захватила ее плоть и скормила ее опухоли, которая внутри ее живота разрослась до размеров младенца.

Даже сейчас я не могу объяснить, какие чувства я испытывала. Так долго я чувствовала себя оскорбленной, так долго я гневалась на нее. Я думала, что никогда не смогу простить Снежный Цветок, но не эти мысли занимали меня в тот момент. Вместо этого я думала о том, что утроба моей *лаотун* снова подвела ее и что ее опухоль, должно быть, росла в течение многих лет. Я должна была поинтересоваться...

Нет! Не то. Я чувствовала себя оскорбленной все это время, *потому что* я все еще любила Снежный Цветок. Она была единственной, кто знал мои слабости и любил меня, несмотря на это. И я любила ее, даже когда бесконечно ненавидела.

Я подоткнула под нее одеяло и принялась хлопотать. Мне нужно было найти хорошего врача. Снежному Цветку следует принимать пищу, и нам нужен прорицатель. Я хотела, чтобы она боролась, как боролась бы я сама. Вы видите, я *все еще* не понимала, что мы не можем ни контролировать проявления любви, ни изменить судьбу другого человека.

Я поднесла холодную руку Снежного Цветка к своим губам. Потом спустилась вниз. Мясник сидел ссутулившись у стола. Сын Снежного Цветка, теперь уже взрослый молодой человек, стоял рядом со своей сестрой. Они смотрели на меня с выражением, которое точно переняли у своих матери, — гордым, терпеливым, многострадальным, умоляющим.

«Сейчас я поеду домой, — сказала я. Лицо сына Снежного Цветка выразило разочарование, но я успокаивающе подняла руку. — Завтра я вернусь. Пожалуйста, устройте мне место, где я буду спать. Я не уйду отсюда, пока...» Продолжать я не могла.

Я полагала, раз уж я вмешалась, мы выиграем эту битву, но у нас оставалось всего две недели. Две недели из моих восьмидесяти лет, чтобы показать всю мою любовь к Снежному Цветку. Я ни разу не покинула ее комнаты. Все, что входило в мое тело, приносила дочь Снежного Цветка. Дочь Снежного Цветка уносила все, что из него выходило. Каждый день я обмывала Снежный Цветок, а потом умывалась этой водой сама. Ведь много лет назад я поняла, что Снежный Цветок любит меня, когда она решила умыться со мной из одного таза. Теперь я надеялась, что она видит, как умываюсь я, вспомнит прошлое и поймет, что ничего не изменилось между нами.

По ночам, когда все уходило, я перелезала со своего временного ложа, которое мне приготовили, в постель к Снежному Цветку. Я обнимала ее, стараясь согреть ее иссохшее тело и облегчить ее мучения, из-за которых она стонала даже во сне. Каждую ночь я засыпала, воображая, будто мои руки — это две губки, которые могут впитать опухоль из ее живота. Каждое утро я просыпалась, ощущая ее ладонь на моей щеке и встречая взгляд ее запавших глаз.

Много лет Снежный Цветок лечил доктор из Цзиньтяня. Теперь я послала за своим. Он осмотрел Снежный Цветок и покачал головой.

«Госпожа Лу, никакое лечение не поможет, — сказал он. — Все, что вы можете, — это ждать смерти. Вы узнаете об этом по багровым пятнам у нее на ногах прямо над бинтами. Сначала они дойдут до щиколоток, потом распространятся по всем ногам, ноги распухнут, а жизнь в ее теле замедлит свое течение. Вскоре после этого, мне думается, изменится ритм ее дыхания. Вы поймете сразу. Вдох-выдох — потом ничего. Как только вы подумаете, что она умерла, она вдохнет снова. Не плачьте, Госпожа Лу. К тому времени, когда конец будет близок, она не будет чувствовать боли».

Врач оставил нам пакет с травами, чтобы мы заваривали целебный чай. Я заплатила ему и поклялась себе, что больше никогда не обращусь к нему. После его ухода Лотос, старшая из названных сестер, попыталась утешить меня. «Муж Снежного Цветка приводил много врачей, но один врач, два врача, три врача уже ничего не могут сделать для нее».

Старая злость грозила вспыхнуть во мне, но я видела сочувствие и сострадание на лице у Лотоса не только по отношению к Снежному Цветку, но и ко мне.

Я вспомнила, что из всех вкусов самым животворным является горечь. Она останавливает кровотечение, снижает жар, успокаивает сердце и душу. Убежденная в том, что горькая дыня сможет остановить болезнь Снежного Цветка, я попросила ее названных сестер помочь приготовить тушеную горькую дыню с соусом из черных бобов и суп из горькой дыни. Три женщины сделали то, что я сказала. Я села на постель к Снежному Цветку и стала кормить ее с ложки. Сначала она ела без возражений. Затем сжала губы и отвернулась от меня, будто меня там не было.

Средняя по возрасту названная сестра отвела меня в сторону. На верху лестницы Ива взяла миску у меня из рук и прошептала: «Слишком поздно. Она не хочет есть. Вы должны постараться отпустить ее». Ива ласково погладила меня по лицу. Позже, днем, именно она убрала остатки горькой дыни, которой вырвало Снежного Цветка.

Моим следующим и последним шагом было приглашение прорицателя. Он вошел в комнату и провозгласил: «К телу вашей подруги прицепился призрак. Не беспокойтесь. Вместе мы изгоним его из этой комнаты, и она выздоровеет. Госпожа Снежный Цветок, — сказал он, наклоняясь к ее постели, — вот слова, которые надо спеть». Потом он приказал нам всем: «Опуститесь на колени и молитесь».

Весенняя Луна, Мадам Ван — да, старая сваха проводила здесь большую часть времени, — три названные сестры и я опустились на колени вокруг постели и начали петь и молиться Богине Милосердия, а Снежный Цветок слабым голосом повторяла за нами слова. Увидев, что мы все при деле, прорицатель вынул из кармана лист бумаги, написал на нем заклинания, зажег его и стал бегать взад-вперед по комнате, стараясь прогнать голодного призрака. Затем он стал рубить дым мечом: *вжик, вжик, вжик!* «Призрак, долой! Призрак, долой! Призрак, долой!»

Но это не помогло. Я заплатила прорицателю и из зарешеченного окна наблюдала, как он взобрался в повозку, запряженную пони, и уехал прочь. Я поклялась себе, что с этих пор буду спрашивать совета прорицателя только относительно подходящих дат.

Цвет Сливы, третья и самая младшая из названных сестер, подошла ко мне. «Снежный Цветок делает все, что вы просите. Но я надеюсь, вы сами видите, Госпожа Лу, что она делает это только для вас. Ее

мучения длятся слишком долго. Если бы она была собакой, вы бы стали продлевать ее страдания?»

Боль имеет много видов: физическая боль, которую переносила Снежный Цветок, боль за ее страдания и уверенность в том, что я не вынесу этого больше ни минуты, мучительное сожаление о всех тех словах, которые я наговорила ей восемь лет назад — и для чего? Для того чтобы заслужить уважение женщин нашей деревни? Для того чтобы причинить Снежному Цветку боль, какую она причинила мне? Или это шло от оскорбленной гордости — раз она не со мной, то пусть не будет с кем-то другим? Я была кругом не права, включая и последнее, потому что в течение этих долгих дней я видела, каким утешением были для Снежного Цветка ее названные сестры. Они пришли к ней не в самый последний момент, как пришла я, они были с ней рядом много лет. Их щедрость — в виде маленьких мешочков с рисом, овощей и собранного хвороста — поддерживали в ней жизнь. Теперь они приходили каждый день, пренебрегая своими домашними обязанностями. Они не вторгались в наши особые отношения со Снежным Цветком. Нет, они словно парили в воздухе, как добрые духи, молились, зажигали огни, чтобы напугать призраков, жаждущих заполучить Снежный Цветок, но они всегда предоставляли нас самим себе.

Должно быть, я спала когда-то, но я не помню этого. Если я не дежурила у постели Снежного Цветка, то шила ее похоронные туфли. Я выбрала цвета, которые, как я знала, ей бы понравились. Я вдела нитку в иголку и вышила на одной туфле цветок лотоса, что означало «постоянный», и лестницу, что означало «взбираться», а все вместе это означало, что Снежный Цветок будет постоянно взбираться на небеса. На другой туфле я вышила крошечного оленя и летучую мышь с изогнутыми крыльями — символы долгой жизни, — такие же вы можете увидеть на свадебных нарядах и на поздравлениях с днем рождения, — чтобы Снежный Цветок знала, что даже после смерти ее кровь будет жить в ее сыне и в ее дочери.

Состояние Снежного Цветка ухудшалось. Когда я в первый раз помыла и перебинтовала ей ноги, я увидела, что ее подогнутые пальцы уже стали багровыми. Как и говорил врач, этот ужасный цвет смерти дополз до ее икр. Я пыталась заставить Снежный Цветок бороться с болезнью. Сначала я умоляла ее призвать на помощь свою лошадиную

натуру, чтобы она лягалась и отгоняла духов, которые посягали на нее. А теперь, я знала, мы можем лишь постараться облегчить ей переход в загробный мир.

Юнган приходила ко мне каждое утро, приносила свежие яйца, чистую одежду и послания от моего мужа. Она многие годы была мне верна и послушна, но в эти дни я обнаружила, что однажды она проявила своеволие, за что я осталась ей навеки благодарна. За три дня до смерти Снежного Цветка Юнган пришла ко мне рано утром, опустилась передо мной на колени и положила к моим ногам корзинку.

«Я видела вас тогда, Госпожа Лу, много лет назад, — сказала она дрожащим от страха голосом. — Я знала, вы не хотели делать того, что вы делали».

Я не понимала, о чем она говорит и почему выбрала именно этот момент для своего признания. Затем она сняла с корзинки кусок материи и достала оттуда письма, носовые платки, вышивки и наш заветный веер. Это были те вещи, которые я искала и не находила, когда сжигала наше прошлое, но эта служанка рисковала быть выброшенной на улицу, чтобы спасти их в дни Изгнания Болезни из Моего Сердца, а потом хранила их долгие годы.

Увидев это, Весенняя Луна и названные сестры засновали по комнате, роясь в корзинке для вышивания Снежного Цветка, в ящиках комода, поднимая постель в поисках потайных мест. Вскоре передо мной лежали все письма, написанные мной Снежному Цветку, и все то, что я когда-либо мастерила для нее. Наконец все — кроме того, что я уничтожила, — было там.

В последние дни жизни Снежного Цветка мы предприняли путешествие в наше прошлое. Мы знали наизусть так много, что могли цитировать целые отрывки, но она быстро уставала и потом просто держала меня за руку и слушала.

Ночью, когда мы вместе лежали в постели у зарешеченного она, купаясь в лунном свете, мы переносились в наши годы закалывания волос. Я написала иероглифы *нушу* у нее на ладони. *Постель залита лунным светом...*

«Что я написала? — спросила я. — Назови мне иероглифы».

«Я не знаю, — прошептала она, — не могу сказать...»

Я прочла весь стих и увидела, как слезы потекли из уголков ее глаз, сбегали по вискам и затерялись у нее в волосах.

Во время нашего последнего разговора она спросила: «Ты можешь сделать для меня одну вещь?»

«Все, что хочешь», — ответила я, действительно намереваясь выполнить ее просьбу.

«Стань моим детям тетей».

Я пообещала, что стану.

Ничто не помогало облегчить страдания Снежного Цветка. В последние ее часы я прочитала ей вслух наш договор, напомнив о том, как мы пошли в Храм Гупо и купили красную бумагу, сели и составили текст. Я перечитала ей вслух письма, которые мы посылали друг другу. Я перечитала ей радостные отрывки из записей на нашем веере. Я напевала ей старые мелодии из нашего детства. Я говорила ей о том, как сильно люблю ее, и сказала, что, надеюсь, она будет ждать меня в загробном мире. Я говорила ей о дороге на край неба, не желая отпускать даже к облакам.

Лицо Снежного Цветка из смертельно бледного стало желтым. Следы жизненных забот совсем исчезли с него. Названные сестры, Весенняя Луна, Мадам Ван и я слушали, как она дышит: вдох, выдох, потом ничего. Проходили мучительные мгновения, затем вдох, выдох, и снова ничего. Все это время моя ладонь лежала на щеке Снежного Цветка, чтобы она знала, что ее *лаотун* будет с ней до ее последних вдоха и выдоха, после которых — действительно ничего.

* * *

Многое из происходящего напоминало мне назидательную историю, которую рассказывала нам Тетя, о девушке, у которой было три брата. Теперь я понимала, что мы слушали эти песни и истории не только для того, чтобы научиться себя вести. Мы проживали в течение своей жизни разнообразные вариации этих историй.

Снежный Цветок перенесли в главную комнату. Я обмыла ее тело и одела на нее ее вечные одежды — все они были рваные и выцветшие, но с узорами, которые я помнила с детства. Старшая из названных сестер прибрала ей волосы. Средняя напудрила ей лицо и подкрасила губы. Младшая украсила ее волосы цветами. Тело Снежного Цветка положили в гроб. Небольшой оркестр играл

траурную музыку, пока мы сидели рядом с ее гробом в главной комнате. У старшей из названных сестер хватило денег, чтобы купить ладан и сжечь его. У средней хватило денег, чтобы купить бумагу и сжечь ее. У младшей не было денег ни на ладан, ни на бумагу, но она очень хорошо плакала.

Через три дня мясник, его сын и мужья названных сестер с сыновьями понесли гроб к могиле. Они шли очень быстро, как будто летели над землей. Я взяла почти все записи *нушу* Снежного Цветка, включая большую часть того, что я писала ей, и сожгла их, чтобы наши слова остались с ней в загробном мире.

Мы вернулись в дом мясника. Весенняя Луна приготовила чай, а мы с тремя названными сестрами поднялись наверх, чтобы уничтожить все следы смерти.

Именно от них я узнала о своем величайшем позоре. Они сказали мне, что Снежный Цветок не была их названной сестрой. Я не поверила этому. Они, тем не менее, попытались убедить меня.

«Но веер! — вскричала я в полном отчаянии. — Она написала, что присоединилась к вам!»

«Нет, — поправила меня Лотос. — Она написала, что больше не хочет беспокоить вас своими несчастьями и что здесь у нее есть подруги, которые утешат ее».

Они спросили, не могут ли они сами посмотреть на веер. Я узнала, что Снежный Цветок выучила их читать *нушу*. Они столпились вокруг веера, будто стая кур, произнося вслух и указывая друг другу на те знаки, которым их выучила Снежный Цветок. Но когда они подошли к последней записи, то приняли серьезный вид.

«Посмотрите, — сказала Лотос, указывая на иероглифы. — Здесь ничего не написано о том, что она стала нашей названной сестрой».

Я схватила веер и отнесла его в уголок, где могла посмотреть на него без помех. *«У меня чересчур много бед, — писала Снежный Цветок. — Я не могу быть такой, какой ты хочешь. Ты больше не услышишь моих жалоб. Три названные сестры пообещали любить меня такой, какая я есть...»*

«Вы видите, Госпожа Лу? — спросила меня Лотос из противоположного угла комнаты. — Мы были нужны Снежному Цветку, чтобы выслушивать ее. В обмен она научила нас тайному языку. Она была нашей учительницей, и мы уважали и любили ее за

это. Но она не любила нас, она любила вас. Она хотела, чтобы эта любовь возвращалась к ней, не отягощенная вашей жалостью или нетерпением».

То, что я была легкомысленной, поверхностной, упрямой и эгоистичной, не могло извинить серьезность и глупость моего проступка. Я совершила величайшую ошибку для женщины, хорошо знающей *нушу*: я не приняла во внимание структуру текста, контекст и оттенки значений. Хуже того, моя уверенность в собственной значимости заставила меня забыть то, что я узнала в первый же день встречи со Снежным Цветком. Она всегда была более утонченной и искусной в своих посланиях, чем я — вторая дочь простого крестьянина. Целых восемь лет Снежный Цветок страдала от моей слепоты и невежества. Всю оставшуюся жизнь, которая длилась почти столько же, сколько прожила Снежный Цветок, я испытывала угрызения совести по этому поводу.

Но названные сестры еще не все сказали мне.

«Она старалась угодить вам всеми способами, — проговорила Лотос, — поэтому и занималась постельными делами вскоре после родов».

«Это неправда!»

«Каждый раз, когда она теряла ребенка, вы жалели ее не больше, чем ее муж или свекровь, — продолжала Ива. — Вы всегда говорили, что ее достоинство состоит в рождении сыновей, и она верила вам. Вы говорили ей, чтобы она попыталась снова, и она слушалась».

«Такие вещи полагается говорить, — ответила я. — Так мы, женщины, утешаем...»

«Вы думаете, эти слова могли ее утешить, когда она потеряла ребенка?»

«Вас там не было. Вы не слышали...»

«Попробуй снова! Попробуй снова! Попробуй снова! — насмешничала Цвет Сливы. — Разве вы не говорили этих слов?»

Я не могла отрицать этого.

«Вы требовали, чтобы она следовала вашим советам в этом и во многом другом, — снова вступила в разговор Лотос. — А потом, когда она это делала, вы критиковали ее».

«Вы искажаете смысл моих слов».

«Разве? — спросила Ива. — Она все время говорила о вас. Она никогда не сказала о вас дурного слова, но мы понимали, что происходило».

«Она любила вас, как должна любить *лаотун*, за то, какой вы были, и за то, какой вы не были, — заключила Цвет Сливы. — Но у вас в мыслях чересчур много мужского. Вы любили ее, как любит мужчина, и ценили ее только за то, что она придерживалась мужских правил».

Закончив один круг, Лотос начала другой.

«Вы помните, как мы были в горах, и она потеряла ребенка?»

«Конечно, помню».

«Она уже была больна».

«Этого не может быть. Мясник...»

«Может быть, это он виноват, — признала Ива. — Но из нее шла черная кровь, она была застоявшаяся, мертвая, и мы так и не нашли плода».

И опять вмешалась Цвет Сливы. «Мы знали ее много лет, и такое с ней случилось несколько раз. Она была уже очень больна, когда вы спели вашу Песнь Оскорбления».

Я больше не могла спорить с ними. Как мне удалось бы оспорить это? Должно быть, опухоль росла очень долго. Это подтверждали и другие приметы: потеря аппетита, бледность кожи, отсутствие энергии в тот момент, когда я принуждала ее лучше питаться, щипать щеки, чтобы они порозовели, и делать все, что полагается, чтобы принести гармонию в дом ее мужа. А затем я вспомнила, как всего две недели назад, когда я впервые приехала сюда после столь долгого отсутствия, она попросила у меня прощения. А я этого не сделала, ни когда ей было совсем плохо, ни перед ее смертью, ни даже тогда, когда самодовольно говорила себе, что все еще люблю ее. Ее сердце всегда оставалось чистым, а мое сердце было сухим и твердым, как старый грецкий орех.

Я иногда думаю об этих названных сестрах — конечно, они все уже умерли. Они должны были осторожничать, когда говорили со мной, ведь я была Госпожой Лу. Но они не хотели дать мне уйти из того дома, не сказав мне правду.

Я вернулась домой и поднялась в мою верхнюю комнату. У меня был наш веер и несколько уцелевших писем. Я растерла чернильный

порошок, пока он не стал черным, как ночное небо. Я открыла веер и начала выводить то, что должно было стать моей последней записью.

«Ты, кто всегда знала мое сердце, теперь паришь над облаками в теплых лучах солнца. Я надеюсь, что когда-нибудь мы будем летать вместе». У меня впереди было много лет, чтобы смотреть на эти строчки и делать все возможное, дабы исправить зло, которое я причинила той, кого любила больше всех на свете.

Время спокойного сидения

Сожаление

Мои руки слишком стары, чтобы готовить, ткать или вышивать, и когда я смотрю на них, я вижу пятна, выступившие потому, что я прожила так много лет. И при этом не важно, работала ли ты под солнцем на открытом воздухе или просидела всю жизнь в женской комнате. Кожа у меня такая тонкая, что, когда я натыкаюсь на предметы, или предметы натыкаются на меня, кровоподтеки собираются прямо на ее поверхности. Мои руки устали растирать чернила о камень, а костяшки пальцев опухли от письма. На моем большом пальце сидят две мухи, но у меня нет сил прогнать их. Мои глаза — водянистые глаза очень старой женщины — слишком часто слезились в последнее время. Мои волосы — седые и тонкие — выскользнули из-под заколок, которым полагается удерживать их на месте под косынкой. Когда к нам приходят посетители, они стараются не смотреть на меня. Я тоже стараюсь не смотреть на них. Я слишком долго живу на свете.

После смерти Снежного Цветка передо мной еще простиралась половина моей жизни. Мои дни риса-и-соли не закончились, но в своем сердце я уже подошла к началу дней спокойного сидения. Для большинства женщин этот период начинается после смерти мужа. Для меня он начался после смерти Снежного Цветка. Я была «той, кто не умерла», но многое удерживало меня от того, чтобы стать совсем тихой и спокойной. Я была нужна своему мужу и своей семье как жена и мать. Моя община нуждалась во мне как в Госпоже Лу. А кроме того, были дети Снежного Цветка, в которых нуждалась я, чтобы восполнить все, что я не сделала для своей *лаотун*. Но трудно быть по-настоящему щедрой и великодушной, и при этом вести себя честно и прямо, когда ты не знаешь, как это сделать.

Первое, что я сделала в первые месяцы после смерти Снежного Цветка, — я заняла ее место на всех свадебных традиционных встречах и церемониях. Казалось, Весенняя Луна совсем не хотела выходить замуж, покидать свой дом. Она видела, как ее отец обращался с ее матерью, и боялась того, что ждет ее впереди. Я говорила себе, что все девушки боятся выходить замуж. Но в свою

первую брачную ночь, после того как ее муж заснул, Весенняя Луна совершила самоубийство, бросившись в деревенский колодец.

«Эта девица загрязнила не только свою новую семью, но и питьевую воду целой деревни, — шептались сплетницы. — Она, как ее мать. Помните ту Песнь Оскорбления?» То, что именно я сочинила песнь, которая подорвала репутацию Снежного Цветка, мучило мою совесть, поэтому я прекращала подобные разговоры, когда слышала их. Благодаря этой Песне я прославилась как женщина незлопамятная и милосердная по отношению к несчастным людям, но я знала, что моя первая попытка искупить вину перед Снежным Цветком провалилась. День, когда я сделала запись о смерти этой девочки на нашем веере, был одним из худших в моей жизни.

Тогда я сосредоточила свои усилия на сыне Снежного Цветка. Несмотря на самые неблагоприятные условия, не имея никакой поддержки от отца, он неплохо выучился мужскому письму и умел хорошо считать. Тем не менее, ему приходилось работать рядом с отцом, и радости в его жизни было не больше, чем в то время, когда он был ребенком. Я познакомилась с его женой, которая все еще жила в своей родной семье. На этот раз выбор был сделан правильно. Девушка забеременела, но мысль о том, что ей придется поселиться в доме мясника, причиняла мне боль. Хотя вторгаться во внешний мир мужчин было и не в моих правилах, я добилась от своего мужа, который не только унаследовал обширные владения Дяди Лу, но и добавил к ним земли, приобретенные на деньги от продажи соли, так что теперь его поля простирались до самого Цзиньтяня, чтобы он нашел для молодого человека какую-нибудь работу помимо убоя свиней. Он поручил сыну Снежного Цветка собирать арендную плату с крестьян и предоставил ему дом с огородом. Со временем мясник ушел на покой, переехал к своему сыну и принялся любить и баловать своего внука, который принес много радости в этот дом. Молодой человек и его семья были счастливы, но я знала, что еще не все сделала, чтобы найти обратный путь к Снежному Цветку.

* * *

В возрасте пятидесяти лет, когда у меня прекратились месячные, моя жизнь вновь изменилась. Я перестала обслуживать других с тем, чтобы другие обслуживали меня, хотя я, конечно же, следила за домашними делами и вмешивалась, если мне что-то не нравилось. Но, как я сказала, в моем сердце я уже вступила в период Спокойного Сидения. Я стала вегетарианкой и воздерживалась от таких горячительных вещей, как чеснок и вино. Я размышляла над религиозными сутрами, исполняла очищающие ритуалы и надеялась отказаться от загрязнения, связанного с постельными делами. Хотя всю свою замужнюю жизнь я тайно надеялась, что мой муж никогда не заведет себе наложницу, я смотрела на него и испытывала сочувствие к нему. Он заслужил награду за весь свой многолетний тяжкий труд. Я не стала дожидаться действий с его стороны — возможно, он никогда бы их и не предпринял — и сама нашла и привела в дом не одну, а трех наложниц, чтобы они развлекали его. Поскольку я выбирала их сама, я могла помешать возникновению зависти и мелочных ссор, обычно возникающих между красивыми молодыми женщинами. Я ничего не имела против, когда они рожали детей. И по правде говоря, престиж моего мужа в деревне повысился. Он доказал, что не только может позволить себе иметь женщин, но что его *чи* была сильнее, чем у любого другого мужчины в уезде.

Мои отношения с мужем перешли в большую дружбу. Он часто приходил в женскую комнату выпить чаю и поболтать со мной. Утешение, которое он находил в спокойствии внутреннего мира женщин, смягчало его тревоги по поводу хаоса, нестабильности и коррупции во внешнем мире мужчин. В это время мы были более довольны обществом друг друга, чем когда-либо. Мы посадили сад, и он цвел вокруг дома пышным цветом. Все наши сыновья были женаты. Их жены оказались плодовитыми. Наш дом звенел веселыми детскими голосами. Мы любили своих внуков, но был один ребенок не моей крови, который интересовал меня больше всех. Я хотела, чтобы он был рядом со мной.

В маленьком доме в Цзиньтяне жена сборщика арендной платы родила девочку. Я хотела, чтобы эта девочка — внучка Снежного Цветка — стала женой моего старшего внука. Шесть лет не считается слишком ранним возрастом для заключения Договора о Родстве, если обе семьи хотят обручить своих детей, если семья жениха хочет начать

вручение подарков невесте, а семья невесты достаточно бедна, чтобы нуждаться в них. Я видела, что мы соответствуем всем условиям, и мой муж — после тридцати двух лет брака, в течение которых ему ни разу не было стыдно или неудобно за меня, — проявил щедрость, чтобы оплатить эти мои расходы.

Я послала за Мадам Ван, так как пора было бинтовать девочке ноги. Старая сваха вошла в главную комнату в сопровождении двух большеногих девушек, и я сделала заключение, что она отложила порядочно денег, чтобы жить в достатке. И все же время не было благосклонно к Мадам Ван. Ее лицо усохло. Глаза стали белыми от слепоты. Сваха стала беззубой. У нее осталось очень мало волос. Ее тело высохло и сгорбилось. Она была настолько хрупкой, и тело ее было настолько деформировано, что она едва могла держаться на своих лилейных ногах. Уже тогда я знала, что не хочу жить так долго. И все же живу.

Я предложила ей чаю и конфет. Мы немного побеседовали. Я думала, она не помнит, кто я такая, и считала, что смогу воспользоваться этим преимуществом. Мы поговорили еще немного, а потом я перешла к главному.

«Я ищу хорошую невесту для моего внука».

«Разве мне не следует поговорить с отцом мальчика?» — спросила Мадам Ван.

«Он в отъезде и просил меня заняться этим делом».

Старуха закрыла глаза, будто обдумывала сказанное. Или же она собралась соснуть.

«Я слышала, в Цзиньтяне есть хорошая невеста, — сказала я громко. — Она дочка сборщика арендной платы».

Следующая реплика Мадам Ван доказала мне, что она точно знает, кто я.

«Почему бы не взять девочку в маленькие невестки? — спросила она. — Ваш порог слишком высок для нее. Я думаю, ваш сын и невестка будут довольны».

На самом деле они были совсем недовольны тем, что я делаю. Мой сын был чиновником. Он только что сдал еще один императорский экзамен и стал *цзюйжэнь* в раннем возрасте, всего в тридцать лет. Либо его мысли витали в облаках, либо он сам путешествовал по стране. Он редко бывал дома, а когда приезжал,

рассказывал диковинные истории о том, что видел: о высоких, нелепого вида иностранцах с рыжими бородами, у которых были жены с туго перетянутыми талиями, так что они едва могли дышать, и огромными ногами, которые при ходьбе шлепали, как выброшенные из воды рыбы. В остальном он оставался послушным сыном и делал то, что хотел его отец, а его жена повиновалась мне. Тем не менее, она полностью уклонилась от обсуждения этой темы и ушла в свою комнату, чтобы плакать.

«Мне не нужна большеногая девочка, — сказала я. — Я хочу женить своего внука на девушке с самыми совершенными ногами в уезде».

«Девочке еще не начали бинтовать ноги. И нет гарантии...»

«Но вы видели ее ноги, не правда ли, Мадам Ван? Вы хороший судья. Как вы думаете, какой будет результат?»

«Мать девочки, возможно, не сможет удачно справиться со своим делом».

«Тогда я пригляжу за этим сама».

«Вы не можете взять девочку в *этот* дом, если хотите выдать ее замуж за вашего внука, — сварливо напомнила Мадам Ван. — Будет неприлично, если ваш внук увидит свою будущую жену». Она не изменилась, но и я осталась прежней.

«Вы правы, Мадам Ван. Я навещу родителей девочки».

«Вряд ли это будет правильно...»

«Я буду часто навещать ее. Мне нужно будет научить ее многому». Я наблюдала за тем, как Мадам Ван обдумывает мое предложение. Затем я наклонилась к ней и положила свою руку на ее. «Я думаю, Тетушка, что бабушка девочки одобрила бы это».

Глаза старой свахи наполнились слезами.

«Эта девочка должна научиться домоводству, — поспешно проговорила я. — Ей надо будет путешествовать — не так далеко, чтобы ее стремления простирались за пределы женского внутреннего мира, но я полагаю, что ей следует каждый год посещать Храм Гупо. Мне говорили, что когда-то там жил человек, который по-особому готовил таро. Я слышала, его внук унаследовал его дело».

Я упорно продолжала вести переговоры, и внучка Снежного Цветка перешла под мое покровительство. Я сама перебинтовала ей ноги. Я отдавала ей всю свою материнскую любовь, на какую только

была способна, когда водила ее взад-вперед по верхней комнате ее родного дома. Ноги Пион превратились в совершенные «золотые лилии», размером с мои. В течение долгих месяцев, пока у Пион отвердевали косточки, я приходила к ней почти каждый день. Ее родители очень любили ее, но ее отец старался не думать о прошлом, а ее мать ничего о нем не знала. Поэтому именно я рассказывала девочке истории о бабушке и ее *лаотун*, о письме и пении, о дружбе и тяготах жизни.

«Твоя бабушка родилась в образованной семье, — говорила я ей. — Ты выучишься всему, чему она научила меня: шитью, достойному поведению, а главное, нашему тайному женскому письму».

Пион была прилежной ученицей, но однажды она сказала мне: «У меня грубый почерк. Я надеюсь, вы простите меня за это».

Она была внучкой Снежного Цветка, но как я могла не видеть в ней также и себя саму?

* * *

Иногда я думала, что было хуже — видеть, как умирает Снежный Цветок, или как уходит мой муж? Они оба безмерно страдали. Но лишь у одного из них были похороны, во время которых три сына шли на коленях до самой могилы. Когда умер мой муж, мне было пятьдесят семь лет, и я была слишком стара для того, чтобы мои сыновья беспокоились о моем новом замужестве или о том, буду ли я честной вдовой. Я была целомудренной вдовой. Я уже давно соблюдала целомудрие, только теперь я была вдвойне вдовой. На этих страницах я мало писала о своем муже. Все остальное есть в моей официальной автобиографии. Но я скажу вам одно: он давал мне повод для существования. Мне нужно было заботиться о его еде. Мне нужно было быть умной, чтобы развлекать его. После его смерти я стала есть все меньше и меньше. Меня больше не заботило, являюсь ли я примером для женщин в нашем уезде. Дни переходили в недели, и я забыла о времени. Я забыла о смене времен года. Годы складывались в десятилетия.

Трудность такой долгой жизни заключается в том, что вы видите смерть чересчур многих людей. Я пережила почти всех — моих родителей, Тетю и Дядю, сестер и братьев, Мадам Ван, моего мужа, двоих своих сыновей, всех невесток, даже Юнган. Мой старший сын стал *гуншэн*, а потом и *цзиньши*. Сам император читал его эссе из восьми частей. Поскольку мой сын был придворным чиновником, он по большей части отсутствовал, но обеспечил положение будущим поколениям семьи Лу. Он — послушный сын, и я знаю, что он никогда не забудет о своем долге. Он даже купил гроб, куда меня положат, когда я умру. Его имя — вместе с именем его двоюродного дедушки Лу и именем прадеда Снежного Цветка — записано мужскими иероглифами в храме предков в Тункоу. Эти три имени будут красоваться там, пока здание не разрушится.

Пион сейчас тридцать семь лет, она на шесть лет старше, чем была я, когда стала Госпожой Лу. Как жена моего старшего внука она станет, когда я умру, новой Госпожой Лу. У нее два сына, три дочери, и, возможно, будут еще дети. Ее старший сын женился на девушке из другой деревни. Она недавно родила близнецов, мальчика и девочку. В их лицах я вижу черты Снежного Цветка и свои собственные. Когда мы были девочками, нам говорили, что мы никчемные ветви семейного древа. Мы не можем носить семейное имя, а только имя той чужой семьи, куда выходим замуж, и то лишь при условии, что нам повезет родить сыновей. Таким образом, женщина навеки принадлежит семье своего мужа и при жизни, и после смерти. Все это верно, и все же я испытывала удовлетворение: в той, кто скоро будет управлять домом семейства Лу, течет кровь Снежного Цветка и моя.

Я всегда верила старой поговорке: «Необразованная женщина лучше образованной».

Всю свою жизнь я старалась закрыть глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать того, что происходит во внешнем мире мужчин, и я не стремилась выучиться мужскому письму. Но я знала женские обычаи, истории и знала *нушу*. Много лет назад, когда в Цзиньтяне я обучала Пион и ее названных сестер линиям, из которых состоит тайнопись, многие женщины спрашивали, не могу ли я переписать их автобиографии. Я не могла отказать им. Разумеется, я брала с них плату — три яйца или деньги. Я не нуждалась ни в яйцах, ни в деньгах, но я была Госпожой Лу, и все должны были относиться с

уважением к моему высокому положению. Помимо этого мне хотелось, чтобы они ценили свои жизни, которые по большей части были печальными. Эти женщины происходили из бедных и неблагородных семей, которые выдали их замуж в очень раннем возрасте. У них болело сердце, когда они расставались со своими родителями, теряли детей, испытывали унижения оттого, что занимали самое низкое место в домах родителей своего мужа, и оттого, что почти всех их били мужья. Я много знаю о женщинах и их страданиях, но я почти ничего не знаю о мужчинах. Если мужчина не ценит свою жену до свадьбы, разве он будет обожать ее после? Если он смотрит на свою жену только как на курицу, которая бесконечно несет яйца, или как на буйвола, который может вынести на своих плечах любой груз, будет ли он ценить ее выше этих животных? Он может даже ценить ее ниже, потому что она не такая смелая, сильная, терпеливая и не способна поедать собственные отбросы, как они.

Узнав столько женских историй, я подумала о своей собственной. Сорок лет подряд воспоминания будили во мне только сожаления. Лишь один человек в моей жизни что-то значил для меня по-настоящему, но я поступила с ней хуже, чем самый плохой муж. После того как Снежный Цветок попросила меня стать тетей ее детям, она сказала — и эти слова были ее последними: «Хотя я не была такой хорошей, как ты, я верю, что небесные духи соединят нас. Мы будем навеки вместе». Я так много думала об этом. Говорила ли она правду? Что если в загробном мире нет сочувствия? Но если у мертвых остаются желания и нужды живых, тогда я взываю к Снежному Цветку и всем, кто был свидетелем нашей жизни. Пожалуйста, услышьте мои слова. Пожалуйста, простите меня.

Заметки автора и благодарности

Однажды, в шестидесятые годы прошлого века, на деревенской железнодорожной станции пожилая женщина упала в обморок. Когда полицейские обыскали ее вещи, чтобы удостовериться ее личность, они обнаружили записи, похожие на тайный шифр. Это происходило на пике событий культурной революции в Китае, так что женщина была арестована по подозрению в шпионаже. Ученые, прибывшие чтобы расшифровать эти записи, почти сразу поняли, что в них нет ничего, относящегося к международной интриге. Более того, это был письменный язык, известный только женщинам, который хранился «в тайне» от мужчин тысячу лет. Этим ученых тут же отправили в трудовые лагеря.

Я впервые наткнулась на краткое упоминание о *нушу*, когда писала обзор о книге Ван Пина «Стремление к красоте» для «Лос-Анджелес Таймс». Я была заинтригована, а потом увлечена *нушу* и той культурой, которая возникла благодаря этой тайнописи. Сохранилось очень мало документов *нушу* — будь то письменных, тканых или вышитых, поскольку большинство из них было сожжено во время похорон их владельцев, как предписывали традиции и обряды. В 1930-х годах японские солдаты уничтожили многие документы *нушу*, хранившиеся китайцами как семейное наследие. Во времена культурной революции с большим рвением Красная Гвардия сожгла еще больше текстов, а затем запретила женщинам посещать религиозные праздники или совершать ежегодное паломничество в Храм Гупо. В последующие годы проверки Комитета общественной безопасности окончательно уничтожили интерес к изучению и сохранению языка *нушу*. Во второй половине двадцатого века язык *нушу* почти вымер, поскольку исчезли причины, по которым женщины его использовали.

После того как я побеседовала по электронной почте о языке *нушу* с поклонницей моих произведений Мишель Ян, она очень любезно разыскала, а потом переслала мне все, что нашла в Интернете по этому предмету. Мне оставалось только составить план путешествия в уезд Цзаньюн (ранее называвшийся Юнмин), куда я и отправилась осенью 1992 года при помощи Пола Мура из «Краун Трэвел». Когда я прибыла

на место, мне сказали, что я была второй иностранкой, собиравшейся побывать там, хотя я сама знала пару других людей, по-видимому, пролетевших, минуя радары. Я могу честно сказать, что эта местность и сейчас считается очень отдаленной и уединенной. По этой причине я хочу поблагодарить господина Ли, который является не только замечательным водителем (какого трудно найти в Китае), но и очень терпеливым человеком, что проявилось во время наших переездов из деревни в деревню, когда его машина застревала то на одной грязной дороге, то на другой. Мне очень повезло, что моим переводником был Чэнь И Чжун. Его дружелюбная манера общения, готовность входить непрошеным в чужие дома, искусное обращение с местным диалектом, знакомство с китайской классической литературой и историей и его неподдельный интерес к *нушу* — тому, о чем он ничего не знал, — помогли моему путешествию стать особенно плодотворным. Он переводил разговоры на деревенских улицах и на кухнях также, как и истории *нушу*, собранные в музее. (Позвольте мне особо поблагодарить директора этого музея, разрешившего мне просмотреть всю коллекцию.) Я опиралась на перевод Чэня во многих случаях, включая и перевод поэмы времен династии Тан, которую Лилия и Снежный Цветок писали друг у друга на теле. Так как этот регион все еще закрыт для иностранцев, я должна была путешествовать в обществе уездного чиновника, также по имени Чэнь. Он открыл для меня множество дверей, а его отношения с его красивой и обожаемой дочерью ясно показали мне, насколько в Китае изменилось положение маленьких девочек.

Господа Ли, Чэнь и Чэнь возили меня на машине, на повозке, запряженной пони, на лодке и ходили со мной пешком повсюду, чтобы я могла увидеть все, что мне хотелось. Мы поехали в деревню Тун Шань Ли и встретились с Ян Хуаньи, которой тогда было девяносто семь лет и которая была самой старой писательницей *нушу* среди живущих. Ее ноги были перебинтованы, когда она была девочкой, и она рассказала мне о своих ощущениях во время бинтования, а также о своей брачной церемонии и других праздниках. Несмотря на то, что противодействие бинтованию ног началось еще в конце девятнадцатого века, в деревенских районах этот обычай существовал и в двадцатом веке. Лишь в 1951 году, когда армия Мао Цзэдуна

освободила уезд Цзяшон, бинтованию в регионе, где когда-то было распространено *нушу*, пришел конец.

В последнее время в Китайской Народной Республике *нушу* оценивается как важный элемент революционной борьбы китайского народа против угнетения. Поэтому правительство предприняло шаги для сохранения языка, создав в Пувэе школу *нушу*. Именно там я встретила учительницу Ху Мэй Юэ и взяла у нее и членов ее семьи интервью. Она поделилась со мной историями о своих бабушках и о том, как они обучили ее *нушу*.

Даже сейчас деревня Тункоу является особым местом. Архитектура, настенная живопись, развалины храма предков — все свидетельствует о высоком уровне жизни людей, которые когда-то населяли деревню. Интересно то, что, хотя сейчас деревня бедна и отдалена, в храме записаны имена четырех человек, ставших чиновниками самого высокого ранга во времена правления императора Даогуана. Помимо того, что я узнала в общественных зданиях, мне хотелось бы поблагодарить многих жителей Тункоу, которые разрешали мне свободно входить в их дома и отвечали на мои бесконечные вопросы. Я также благодарна жителям Цяньцзядуна, которая считается Деревней Тысячи Семей Яо, вновь открытой китайскими учеными в 1980-х годах, принимавшим меня как почетную гостью.

В первый же день после возвращения домой я послала электронное сообщение Кэти Зильбер, профессору в Уильямс-колледже, которая еще в 1988 году занималась исследованием *нушу* для своей диссертации, чтобы сказать ей, насколько я была потрясена тем, что она прожила шесть месяцев в таком уединенном и непригодном для жилья месте. С тех пор мы разговаривали по телефону и переписывались по электронной почте по поводу *нушу*, жизни женщин-писательниц и Тункоу. Мне также необыкновенно помогла Хуэй Даун Ли, которая ответила на мои бесчисленные вопросы о церемониях, языке и домашней жизни. Я бесконечно благодарна им за их знания, открытость и энтузиазм.

Я в долгу перед трудами нескольких других ученых и журналистов, писавших о *нушу*. Это Уильям Чиан, Генри Чу, Ху Сяошэнь, Линь-ли Ли, Фэй-вэнь Лю, Лю Шо-ухуа, Анн Макларен, Ори Эндо, Норманн Смит, Вэй Лимин и Лимин Чжао. Язык *нушу* в

основном опирается на стандартные фразы и образы, такие как «феникс громко кричит», «пара уточек-мандаринок» или «нас соединили духи небес». И я, в свою очередь, опиралась на переводы тех, кого перечислила выше. Однако поскольку это все же роман, я не стала использовать обычную пятислоговую и семислоговую рифму, принятую в *нушу*, в письмах, песнях и историях.

За информацию о Китае и народе Яо, о китайских женщинах и бинтовании мне хотелось бы принести благодарность трудам Патриции Бакли Эбри, Бенджамина Элмана, Сьюзан Гринхаль, Беверли Джексона, Дороти Ко, Ральфа Литцингера и Сьюзан Манн. И наконец, документальный труд Юэ-цин Ян «*Нушу*, тайный язык женщин в Китае» помог мне понять, что многие женщины в уезде Цзянюн все еще живут в браке, устроенном родителями, без любви. У всех этих людей есть свои собственные давно устоявшиеся взгляды и мнения, но, пожалуйста, помните, что «Снежный Цветок и заветный веер» является художественным произведением. Оно не стремится рассказать все о *нушу* или объяснить все его нюансы. Это история, которая прошла через мое сердце, мой опыт и мое исследование. Иначе говоря, все ошибки — мои собственные.

Боб Лумис, мой редактор в издательстве «Рэндом Хаус», снова проявил по отношению к моей работе терпение, проницательность и скрупулезность. Бенджамин Драйер, редактор сигнального экземпляра, дал мне своевременный и очень хороший совет, за что я ему очень обязана. Благодарю Винсента Ла Скала и Дженет Бейкер, которые помогали мне работать над романом. Ни одна из моих работ не увидела бы свет без моего агента Сэнди Дийкстра. Ее вера в меня была неизменной, а со всеми сотрудниками в ее офисе было приятно работать, особенно с Бабеттой Спарр, отвечающей за мои права за рубежом, которая первой прочитала мою рукопись.

Мой муж Ричард Кендалл придавал мне мужества идти вперед. Он отвечал на вопросы множества людей, пока я отсутствовала, а они спрашивали: «Вы позволили ей поехать туда одной?» Он не раздумывал долго, давая мне разрешение следовать велению моего сердца. Мои сыновья Кристофер и Александр, которые физически находились в отдалении от меня, пока я писала книгу, также вдохновляли меня.

И наконец, свою благодарность я приношу Лесли Леонг, Пэм Малони, Амелии Солтсмен, Венди Стрик и Алисии Тамайак — всем тем, кто заботился обо мне, когда я оставалась дома из-за сотрясения мозга, и возил меня по Лос-Анджелесу к докторам в течение тех трех месяцев, когда я не могла водить машину сама. Они являют собой живой пример союза названных сестер, и без них я не смогла бы закончить «Снежный Цветок».

Об авторе

Лиса Си родилась в Париже, но выросла в Лос-Анджелесе, проводя время в основном в районе Чайнатаун. Ее первая книга «На Золотой горе: столетняя одиссея моей китайско-американской семьи» («On Gold Mountain») стала в 1995 году национальным бестселлером. Затем Лиса Си написала романы, объединенные героями — американским юристом Давидом Старком и Лиу Хулам, детективом Министерства государственной безопасности Китая, вначале напарницей Старка, затем его любовницей, и, в конце концов, — женой. В цикл вошли три романа: «Сети цветка» («Flower Net», 1997, номинированный на престижную премию «Эдгар»), «Характер» («The Interior», 2000) и «Кости Дракона» («Dragon Bones», 2003). Организация Американских женщин китайского происхождения в 2001 году провозгласила ее Национальной Женщиной Года. Сайт писательницы в Интернете — www.LisaSee.com.

notes

Примечания

1

Даогуан (Минь Нин, Сюаньцзун) — император династии Цин.
Правил с 1821 по 1850 год.

Тайпинское восстание — крупнейшая крестьянская война в Китае под руководством Хун Сюцюаня, Ян Сюцина и др. против феодального гнета и маньчжурской династии Цин. Поднятое летом 1850 года неподалеку от Цзиньтяня, провинция Гуанси, восстание сначала носило локальный характер. В мае 1852 года тайпины стали продвигаться в центральную часть страны. Повстанцы создали в долине Янцзы «Небесное государство великого благоденствия» с центром в Нанкине, переименованном в «Небесную столицу» (1853 г.). В мае 1853 года был предпринят плохо подготовленный поход на Пекин, который через два года привел к полному поражению тайпинских войск. В последующие годы стороны по очереди добивались военных успехов, а окончательно восстание было подавлено объединенными силами цинских войск и англо-франко-американских интервентов.

3

По китайским обычаям (вошедшим в традицию во II тысячелетии), женщина должна была иметь маленькие дугообразные ножки, напоминающие по форме молодой месяц или лилию. Девушке, не обладавшей этими признаками красоты, трудно было выйти замуж. Как достигалась такая форма стопы, рассказывается в романе Лисы Си.

4

Сяньфэн (И Чжу, Вэньцзун) — император династии Цин. Правил с 1850 по 1861 год.

5

Му — китайская мера площади, равная $1/15$ га.

6

Таро (или колоказия) — многолетнее тропическое растение, клубни которого употребляют в пищу вареными или жареными или перемалывают в муку.

7

Конги — разновидность рисовой каши с различными наполнителями: куриными или утиными яйцами и свиной, кинзой, жареной лапшой и поджаренным хлебом и др.

8

Цзинь — китайская мера веса, равная примерно 0,5 кг.

9

Чи (ци) — в фэншуй все виды «тонких», то есть не воспринимаемых пятью органами чувств, энергий пространства и времени. Чи невидима, но она действует везде.

10

Праздник Середины Осени отмечают в 15 день восьмого месяца по лунному календарю.

Китайцы часто используют символы, для того чтобы наполнить произведения искусства эмоциональным и психологическим смыслом. Один из них называется «двойной удачей» (Double Happiness). Предполагается, что он удваивает счастье тех, кто находится рядом. Этот символ является традиционным свадебным подарком.

12

Ли — китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.

По легенде, у императора династии Тан Ли Хоучжу была наложница по имени Яо Нян. Император повелел сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен нефритом и украшен драгоценными камнями. Яо Нян было приказано туго забинтовать свои ноги, придав им форму молодого месяца, и танцевать внутри цветка.

Чжэцзун (Чжао Сюй) — император династии Сун. Правил с 1086 по 1100 год.

Согласно легенде, Властитель Загробного Мира при жизни был императором, заслужившим награду, — править в загробном мире.

Юйхуан («нефритовый государь»), Юйхуан Шанди («верховный владыка нефритовый государь») — в китайской даосской и поздней народной мифологии Верховный владыка, которому подчинена вся вселенная: небеса, земля и подземный мир, а также все божества и духи.

17

Ку (Гао Синь), мифический правитель Китая. Правил с 2435 по 2366 год до н. э.

Императоры династии Юань правили с 1279 по 1368 год.

Тунчжи (Цзай Чунь, Муцзун) — император династии Цин. Правил с 1862 по 1875 год.

Table of Contents

[Лиса Си Снежный цветок и заветный веер](#)

[Время спокойного сидения](#)

[Дочерние годы](#)

[Молочные годы](#)

[Бинтование ног](#)

[Веер](#)

[Снежный Цветок](#)

[Любовь](#)

[Обучение](#)

[Годы закалывания волос](#)

[Ловля Прохладного Ветерка](#)

[Прекрасная Луна](#)

[Цветочный паланкин](#)

[Правда](#)

[Храм богини Гупо](#)

[Годы риса-и-соли](#)

[Сыновья](#)

[Радость и горе](#)

[В горах](#)

[Зима](#)

[Песнь Оскорбления](#)

[Путь в облака](#)

[Время спокойного сидения](#)

[Сожаление](#)

[Заметки автора и благодарности](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19